

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

На правах рукописи

Выборнова Виктория Александровна

**Становление Новосибирского государственного университета
(1959–1968 гг.): институциональный аспект**

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Специальность 5.6.1 – Отечественная история

Научный руководитель
доктор исторических наук,
профессор
_____ С. А. Красильников

Новосибирск

2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА ПЕРВАЯ. Научно-образовательный контекст основания Новосибирского государственного университета	45
1.1. Тенденции развития высшего образования и науки в СССР к концу 1950-х гг.	45
1.2. Основание НГУ: от идеи к реализации	69
ГЛАВА ВТОРАЯ. Роль профессорско-преподавательского состава в становлении НГУ	104
2.1. Акторы формирования научно-образовательной структуры: просопографический анализ	104
2.2. Молодые преподаватели: реализация научных возможностей и перспективы карьерного роста	128
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Формирование и динамика учебно-научной и социокультурной среды в университете.....	149
3.1. Условия, тенденции и результаты образовательного процесса	149
3.2. Социокультурные инициативы в университетской среде	187
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	216
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	223
ПРИЛОЖЕНИЕ	242

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. В современном мире в связи с быстро меняющимися условиями организации труда, внешнего запроса на научный продукт, регулярными внедрениями инноваций, которые происходят в сфере высшего образования, необходимо учитывать успешный опыт прошлого, проследить советский эксперимент становления вуза, как органической части научного центра, выявить важные аспекты для возможного внедрения в современную систему высших учебных заведений. Актуальность темы диссертационного исследования обуславливается необходимостью реорганизации образовательных стандартов, с учетом традиций формирования системы высшего образования. В последнее время возросло внимание исследователей к изучению региональных высших учебных заведений: знания об особенностях становления и развития университетов, характеристика профессорско-преподавательского состава, специфика работы вуза, соответствующей территориальному запросу, необходимы для анализа интеллектуального потенциала региона.

Особый интерес представляет период 1950–1960-х годов – время динамичного развития отечественной науки, техники и образования. На волне сочетания идеи ускорения советского научно-технического прогресса, развития экономики страны, либеральных послаблений хрущевской «оттепели» и необходимости ответа на геополитический вызов гонки вооружений возникла необходимость увеличения вузовской региональной сети. В кратчайшие сроки на территории всего Советского Союза возникали новые учебные заведения, в том числе сформировался Новосибирский государственный университет (НГУ). Интегрированный в поле научно-образовательного комплекса Сибирского отделения Академии наук (СО АН), он оказался самым результативным для своего времени опытом реализации в СССР мировых тенденций в сфере высшей школы. Рефлексия по поводу исторического опыта создания и устойчивости последующего развития вуза как модели исследовательского университета призвана способствовать переосмыслению роли и значения разработки

инновационных стратегических решений в условиях современных вызовов интеллектуальному потенциалу России.

Помимо получения нового научного знания, следует выделить практическую составляющую объекта изучения, связанную не только с рефлексией успешного и признанного опыта деятельности по формированию научно-образовательной структуры нового типа, каким является НГУ, но и с тем, что данный ретроспективный научный анализ предназначен также и для формирования и поддержания корпоративной исторической памяти сообщества преподавателей и выпускников университета. Корпоративная память имеет свои особенности (мозаичность, фрагментарность, склонность к упрощению, мифологизация, ностальгия и т.д.) и во избежание крайностей в восприятии – от идеализации до негативизма, требует структурирования и аккумуляции опыта советского прошлого.

Степень разработанности темы исследования. Поскольку университет является частью системы высшей школы, то изучение его становления невозможно без учета общих тенденций в развитии образования и науки в Советском Союзе. Общеисторический фон обрисовывает контекст создания нового вуза. Темы сближения образования и академической науки, актуализации технических достижений, мобилизационной парадигмы, атомного и военных проектов в рамках холодной войны заслуживают особого внимания для изучения диссертационной работы.

Общим проблемам развития высшей школы в советский период посвящены труды А. С. Бутягина, Ю. А. Салтанова, С. И. Зиновьева, Б. М. Ремесленникова¹, также ряд коллективных монографий: «Научно-техническая революция и развитие высшего образования»², «Высшая школа как фактор изменения

¹ Бутягин А. С., Салтанов Ю. А. Университетское образование в СССР. М., 1957. 296 с.; Зиновьев С. И., Ремесленников Б. М. Высшие учебные заведения СССР. Университеты, экономические и юридические вузы. М., 1962. 320 с.

² Научно-техническая революция и развитие высшего образования/ отв. ред. Р. В. Хохлов. М., 1974. 363 с.

структуры социалистического общества»³ и др. Авторами освещаются как теоретические выкладки развития образовательной сферы, так и частные практические решения развития высшей школы в условиях «строительства социалистического общества» и научно-технической революции. В силу известной специфики советской научной литературы, вышеуказанные труды вызывают ряд критических замечаний, таких как «беспроblemное» освещение, акцент на положительном влиянии партийного руководства развития высшего образования в СССР и др. Не утратил свою фактологическую и научную ценность советский труд «Развитие высшего образования в СССР»⁴ Е. В. Чуткерашвили. Автор проанализировал проблемы высшей школы в экономико-статистическом срезе, привел статистические данные роста вузов, социальный состав профессорско-преподавательских кадров студенчества, показал основные направления подготовки молодых специалистов.

При изучении тематики диссертантом в приоритете были исследования постсоветского периода. Среди фундаментальных необходимо выделить работы С. А. Байбакова и А. Я. Савельева⁵, раскрывших с исторической точки зрения стратегию и практику развития высшей школы на советском и постсоветском пространстве. В монографии А. Я. Савельева «Проблемы высшего образования Российской Федерации» использован системный анализ, выявивший исторические процессы, повлиявшие на развитие высшей школы в России, и предложены оптимальные пути ее преобразования в дальнейшем. Высшая школа в условиях системных трансформаций в европейской, американской, российской социокультурных моделях развернуто показана в двух статьях группы авторов Е. Г. Водичева, Л. Ф. Лисса, Ю. И. Узбековой⁶. Высшее образование в

³ Высшая школа как фактор изменения социальной структуры развитого социалистического общества / отв. ред. М. Н. Руткевич, Ф. Р. Филиппов. М., 1978. 272 с.

⁴ Чуткерашвили Е. В. Развитие высшего образования в СССР. М., 1961. 342 с.

⁵ Байбаков С. А. История образования СССР: итоги и перспективы изучения. М., 1997. 428 с.; Савельев А. Я. Проблемы высшего образования Российской Федерации. М., 2012. 284 с.

⁶ Водичев Е. Г., Лисс Л. Ф., Узбекова Ю. И. Высшая школа в условиях системных трансформаций переходных эпох. Статья 1: Европейские модели // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2012. Т. 11. Вып. 1: История. С. 96-110; Водичев Е. Г., Лисс Л. Ф., Узбекова Ю. И. Высшая школа в условиях системных трансформаций

инженерных сферах рассмотрено в трудах И. А. Кольцова, Д. Л. Сапрыкина, Г. И. Ханина⁷. С. А. Кугель, один из ведущих современных социологов науки, выпустил ряд социолого-научоведческих исследований научных коллективов, среди которых в рамках изучения карьерного роста и реализации научных возможностей сотрудников НИИ и вузов в СССР особо значима работа «Профессиональная мобильность в науке»⁸. Итогом комплексного исследования экономической, технической, социокультурной сторон трудовой деятельности молодых научных кадров в инженерной сфере стал труд С. А. Кугеля, О. М. Никандрова «Молодые инженеры. Социологические проблемы инженерной деятельности»⁹. В целом современные научные труды на историческую тематику характеризуются более углубленным изучением вопроса в связи с возможностью ознакомления с ранее недоступными архивными источниками, объективным взглядом на взаимодействие властных, партийных структур и высшей школы, применением современного методологического инструментария, в частности микроисторического, институционального подходов.

Наряду с комплексным исследованием развития науки и высшего образования СССР, следует выделить три более частных направления, непосредственно связанных с темой диссертационной работы. Во-первых, предыстория возникновения НГУ – труды по изучению Московского физико-технического института (МФТИ), образовательная модель которого послужила базой для создания нового университета в Академгородке. Данный сюжет нашел освещение в исследованиях Н. В. Карлова, собравшего воедино архивную документацию по организации МФТИ¹⁰ и проанализировавшего предпосылки,

переходных эпох. Статья 2: Российская и американская модели // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2012. Т. 11. Вып. 8: История. С. 129-145.

⁷ Кольцов И. А. Роль вузовской науки в развитии научно-технического потенциала Российской Федерации во второй половине 1950-х - начале 1970-х гг.: На материалах высшей школы Ленинграда: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Санкт-Петербург, 1998. 46 с.; Сапрыкин Д. Л. Инженерное образование в России: история, концепция, перспективы // Высшее образование в России. 2012. № 1. С. 125-137; Ханин Г. И. Высшее образование и российское общество // Наука и образование. 2008. № 8 (410). С. 75-92.

⁸ Кугель С. А. Профессиональная мобильность в науке. М., 1983. 256 с.

⁹ Кугель С. А., Никандров О. М. Молодые инженеры: Социол. проблемы инж. деятельности. М., 1971. 206 с.

¹⁰ Карлов Н. В. Шершавым языком приказа. Физтех. Архивные документы 1938-1952. М., 2006. 136 с.

оформление идеи и практическое воплощение его открытия¹¹, а также в соавторстве с Н. Н. Кудрявцевым исследовавшего становление инженерного образования в России в целом¹². «Книга о Московском Физтехе»¹³ Н. В. Карлова – фундаментальный научный труд, вобравший в себя аналитику элитного инженерного образования от начала его зарождения в Греции и Риме до развития инженерных идей в европейских вузах, и, наконец, показан русский путь, приведший в середине XX века к созданию МФТИ, где также собраны воспоминания основоположников «физтеха» и опубликованы базовые документы.

Во-вторых, это изучение советского атомного проекта, явившегося не только катализатором к скачку в научно-образовательной сфере СССР, но и в более практическом аспекте «воспитавшим» и объединившим в научных интересах будущий авангард профессорского-преподавательского состава НГУ. В 1999 г. был выпущен сборник документов и материалов советского атомного проекта под общей редакцией Л. Д. Рябева¹⁴. Специфика проекта рассмотрена в трудах Е. Т. Артемова, В. Т. Визгина, Б. С. Горобца¹⁵. Реализация советского атомного проекта традиционно учеными рассматривается с точки зрения мобилизационной политики, командной экономики в сталинском варианте. Вполне определенная известная цель атомного проекта стоит в центре исследований и образует широкое исследовательское поле для изучения задач, путей и способов ее достижения, формирования и эволюции управленческого и исполнительного коллективов, кадровой политики,

¹¹ Карлов Н. В. О тех, «которых ожидает отечество от недр своих» // Я – ФИЗТЕХ. Книга очерков. М., 1996. С. 98-149.

¹² Карлов Н. В., Кудрявцев Н. Н. К истории элитного инженерного образования // Вестник российской академии наук. 2000. № 7. С. 579-588.

¹³ Карлов Н. В. Книга о Московском Физтехе. М., 2008. 600 с.

¹⁴ Атомный проект СССР: Документы и материалы / под ред. Л. Д. Рябева. Т. 2, кн. 1: Атомная бомба, 1945-1954. М., 2000. 635 с.

¹⁵ Артемов Е. Т., Беделъ А. Э. Укрощение урана. Страницы истории Уральского электрохимического комбината. Екатеринбург, 1999. 351 с.; Артемов Е. Т. Атомный проект в координатах сталинской экономики. М., 2017. 341 с.; Артемов Е. Т. Научно-техническая политика в советской модели позднеиндустриальной модернизации. М., 2006. 256 с.; Визгин В. П. «Мирный атом» во время «холодной» войны // Вихревая динамика развития науки и техники. Россия/СССР. Первая половина XX в.: В 3 т. / отв. ред. Ю. М. Батулин. М., Т. 1. 2018. С. 396-424; Визгин В. П. Уроки истории советского атомного проекта // Управление наукой: теория и практика. Т. 1, № 2. 2019. С. 146-161; Горобец Б. С. МИХМ в Атомном проекте; Федеральное агентство по образованию, Московский гос. ун-т инженерной экологии. М., 2009. 350 с.

механизмов согласования проектов, разработок и реализации научных исследований. Интересной в ключе взаимодействия высшей школы и атомного проекта представляется статья Е. Н. Будрейко «Подготовка специалистов для атомной промышленности московском химико-технологическом институте им Д. И. Менделеева (1950-е – начало 1960 х гг.)»¹⁶, поскольку кадровая связь МХТИ и НГУ пусть не так очевидна как с МФТИ, но несомненна. Автор исследует подготовку инженеров, химиков и технологов в МХТИ в тех временных рамках, когда академики Г. К. Боресков и Н. Н. Ворожцов заведовали в нем кафедрами, позже они возглавили институты в СО АН, соответствующие своей специализации и выступили соорганизаторами кафедр НГУ. Выпускники Г. Г. Якобсон и В. А. Коптюг, бывшие в 1950-х студентами МХТИ, в дальнейшем стали формирующим ядром научных химических школ в НГУ. Выпускником вуза являлся и Д. Г. Кнорре – основатель специализации биохимии и декан факультета естественных наук (ФЕН) НГУ. На примере МХТИ в статье Е. Н. Будрейко показаны организационные, материально-технические, финансовые аспекты, особенности формирования профессорско-преподавательского состава. В центре работы – освещение создания инженерного физико-химического факультета, как платформы для формирования научных школ и практических исследований для использования в государственных программах, в том числе и в атомном проекте.

В-третьих, изучение региональной, сибирской науки и высшей школы, столкнувшихся с таким трендом в советской научно-технической и образовательной политике с конца 1940-х гг. как перенос стратегических объектов из центральных городов в регионы. Воссоздать картину становления научных школ и развития высшего образования со второй половины XX века в Сибири позволяют работы Е. Т. Артемова, В. В. Петрика, В. А. Зыкина, В. П. Яговкина, Н. А. Куперштох, Е. Г. Водичева¹⁷. Историками была признана

¹⁶ Будрейко Е. Н. Подготовка специалистов для атомной промышленности московском химико-технологическом институте им Д. И. Менделеева (1950-е-начало 1960 х гг.) // Социология науки и технологий. 2017. Т.8. № 2. С. 42-60.

¹⁷ Петрик В. В. Становление и развитие главных организационных форм вузовской науки в конце 1950-х – начале 1990-х гг. (на примере высшей школы Сибири) // Известия томского политехнического университета Т. 309. № 1, 2006. С. 234-241; Петрик В. В. Развитие высшей школы Сибири в конце 1950-х - начале 1990-х годов: автореф. дис.

значительная роль социально-экономических и научно-организационных предпосылок к созданию научных центров за Уралом. Особый интерес представляет труд Е. Г. Водичева «Путь на Восток: формирование и развитие научного потенциала Сибири»¹⁸, где автор показал исторические аспекты механизмов региональной координации науки и систем управления региональным научным комплексом в послевоенный период, раскрывает процесс формирования и развития научного потенциала Сибири, всесторонне обосновывает советскую научную политику времен хрущевской «оттепели». В 2006 г. В. В. Петрик опубликовал работу «Высшая школа Сибири в конце 1950 – начале 1990 годов (историография проблемы)»¹⁹, где показал на более широком фоне литературы, отражающей изученность высшей школы СССР в целом, недостаточную изученность Сибирского региона, обрисовал лакуны в разработке многих вопросов, в том числе, освещение процессов, касающихся состояния материально-технической базы вузов и совершенствования учебно-воспитательного процесса, вопросы формирования научно-педагогических кадров.

Монография Е. Г. Водичева «Наука на востоке в условиях индустриализационной парадигмы»²⁰ имеет ключевое значение для понимания процессов формирования академической, вузовской и отраслевой науки в регионе в период десталинизации и хрущевской «оттепели». На восточные регионы Союза вплоть до конца второй половины 1950-х гг. проецировалась иерархизированная и разделенная по ведомственному принципу вертикальная система управления наукой и высшей школой. Однако, возникновение СО АН СССР обозначило

... д-ра ист. наук. Кемерово, 2009. 53 с.; Петрик В. В. Развитие основных направлений научных исследований в вузах сибирского региона в конце 1950-х – начале 1990-х гг. // Вестник томского государственного университета. История, № 1 (2), 2008. С. 49-71; Зыкин В. А. Развитие университетского образования в Сибири и на Дальнем Востоке (1966-1975 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992. 22 с.; Яговкин В. П. Наука в Сибири: опыт и уроки партийного руководства (1965-1980). Иркутск, 1991. 189 с.

¹⁸ Водичев Е. Г. Путь на Восток: формирование и развитие научного потенциала Сибири: (середина 50-х - 60-е гг.). Новосибирск, 1994. 202 с.

¹⁹ Петрик В. В. Высшая школа Сибири в конце 1950 - начале 1990 годов (историография проблемы). Вестник ТГПУ. 2006. Вып. 1 (52). С. 81-86.

²⁰ Водичев Е. Г. Наука на востоке СССР в условиях индустриализационной парадигмы. Новосибирск, 2012. 346 с.

перераспределение научного потенциала, значительно усилив роль восточных регионов. Создание СО АН фактически превратило науку в одну из профильных для Сибирского региона сфер деятельности. В структуре работы Е. Г. Водичева особое место уделяется динамике развития высшей школы Сибири: от отсутствия инфраструктурных возможностей и оборудования для занятий научной деятельности в середине 1940-х гг. до возникновения вузовских НИИ, проблемных и отраслевых лабораторий, научно-исследовательских секторов в вузах к рубежу 1950-х.–1960-х гг.

В более частном порядке заслуживают отдельного научного внимания труды по изучению высшей школы Томска, как старейшего сибирского научно-образовательного центра. В изучении Томского университета необходимо выделить работы С. Ф. Фоминых, К. В. Петрова²¹, где затрагиваются как отдельные вопросы становления и развития ТГУ, так и представлен его профессорско-преподавательский состав. Представляет также интерес формирование и динамики научно-образовательного центра Иркутска, как возможной альтернативы Новосибирску в выборе платформы для открытия СО АН. Вопросы становления высшей школы в Иркутске освящены в работах, В. Н. Казарина, В. Т. Агалакова²². Западно-сибирский филиал Академии наук СССР (ЗСФ АН), предшественник СО АН, расположенный в Новосибирске, изучен Е. Г. Водичевым, Ю. И. Узбековой, Н. А. Куперштох²³. Вышеуказанная серия работ позволяет лучше проанализировать предпосылки, платформу и

²¹ Профессора Томского университета: биографический словарь / С. Ф. Фоминых [и др.]. Томск, 1996. [Электронный ресурс] URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000013870> (дата обращения: 07.04.2023); Петров К. В. Профессорско-преподавательский состав Томского университета: 1945-начало 80-х гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: Томск, 2004. 22 с.

²² Казарин В. Н. Юридическое образование в Восточной Сибири (1918-1991 гг.). Иркутск, 2012. 483 с.; Иркутский государственный университет, 1918-1998, ректоры, деканы, профессора / В. Т. Агалаков [и др.]. Иркутск, 1998. 200 с.

²³ Водичев Е. Г. На периферии науки: вузы на востоке СССР в период «позднего сталинизма» // Исторический курьер: электрон. журн..2020. № 1 (9). С. 92-104; Узбекова Ю. И. «Центр» и «периферия» в развитии вузов Сибири во второй половине XX в. // Высшая школа в системе регионального научно-образовательного потенциала: сб. науч. ст. Новосибирск, 2008. С. 95-107; Куперштох Н. А. Западно-сибирский филиал Академии наук СССР: проекты и реалии первой половины 20 в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 2 (28) С. 32-40.

условия в которых создавался новый научный центр в Сибири, и как его составная часть – университет.

Далее обзор историографии затрагивает исследовательскую литературу, непосредственно посвященную СО АН и НГУ. Первая обобщающая работа по истории Сибирского отделения Академии наук была выпущена к 25-летию СО АН, в 1982 г. Данное хроникальное издание освещает научно-организационные аспекты, минимально затрагивая диалог Минвуза и СО АН, государственные решения, социально-бытовая сфера отражения в труде не нашла. В составление хроникально-документальной летописи Академгородка важный вклад внес И. С. Кузнецов²⁴. Развернутая историография Академгородка с разработанной периодизацией была представлена в 2004 г. Е. Г. Водичевым, Ю. И. Узбековой²⁵. В дальнейшем указанная тема была дополнена И. С. Кузнецовым в ряде публикаций. Автор провел подробный анализ всех известных трудов, посвященных Академгородку до 2014 г. Особо следует выделить блок из двух публикаций «Становление историографии новосибирского Академгородка в контексте мобилизационной и инновационной моделей»²⁶ и «Современная историография новосибирского Академгородка»²⁷, где автор, разделив историографию на два периода, выявил наиболее значимые публикации, основные тенденции в развитии темы, а также указал на ее лакуны. Кроме того, вышла статья М. О. Пискунова «Большая» история Академгородка: историографическое поле и перспективы культуральной истории советских городов науки»²⁸, где в продолжение темы историографии значительное место

²⁴ Кузнецов И. С. Испытание на прочность. Казань, 1986. 163 с.; Кузнецов И. С. Новосибирский научный центр: хроника становления: учебное пособие к спецкурсу. Новосибирск, 2007. 262 с.

²⁵ Водичев Е. Г., Узбекова Ю. И. Развитие академической науки в Сибири: историографический очерк // Советская региональная культурная политика: проблемы изучения: Сб. науч. тр. Новосибирск, 2004. С. 116-169.

²⁶ Кузнецов И. С. Становление историографии Новосибирского Академгородка в контексте мобилизационной и инновационной моделей // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2013. Т. 12. № 8. С. 12-22.

²⁷ Кузнецов И. С. Современная историография Новосибирского Академгородка // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2014. Т. 13. № 1. С. 130-140.

²⁸ Пискунов М. О. «Большая» история Академгородка: историографическое поле и перспективы культуральной истории советских городов науки // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 459. С. 140-147.

уделено рефлексивной роли, которую история образования может играть для социально-гуманитарной области знания.

В 2007 г. был выпущен сборник документов СО АН времени создания – 1957–1961 гг.²⁹, в котором выявлен и проанализирован основной комплекс материалов, системно характеризующих механизм принятия решений по стратегическим вопросам формирования и развития научного потенциала в СО АН и НГУ. В том же году, юбилейном для Сибирского отделения вышел трехтомник «Российская Академия наук. Сибирское отделение»³⁰: «Исторический очерк», «Персональный состав» и «Стратегия лидеров», являющийся важнейшим источником информации для изучения данной темы. В работе представлены важнейшие аспекты, отражающие работу Академии наук в Сибири, представлены биографические справки, избранные статьи и выступления руководителей СО АН/РАН.

В изучении истории Академгородка заметным шагом стала монография профессора Принстонского университета П. Джозефсона «Возвращение новой Атлантиды: Академгородок – сибирский город науки»³¹. Автор опирается на широкую источниковую базу – это и документы партийных организаций, и материалы организационных структур СО АН, и интервью участников событий. Также в работе даются развернутые биографические характеристики многих ученых, принимавших участие в организации нового научного центра. Таким образом, П. Джозефсон представил комплексный, обширный труд, очевидным преимуществом которого является исследование общественно-политической стороны начальной истории Академгородка. В дальнейшем вышла статья³² П. Джозефсона, в которой автор развивает научные рассуждения о неоднозначности исторического опыта СО АН. Ценным для историографии стал цикл из двух

²⁹ Сибирское отделение Российской академии наук: создание (1957–1961 годы): сборник документов / сост. Е. Г. Водичев, И. С. Кузнецов, Л. И. Пыстина. Новосибирск, 2007. 374 с.

³⁰ Российская академия наук. Сибирское отделение: Исторический очерк. Новосибирск, 2007. 510 с.; Российская академия наук. Сибирское отделение: Персональный состав. Новосибирск, 2007. 603 с.

³¹ Josephson P. *New Atlantis revisited: Akademgorodok, the Siberian city of science*. Princeton, 1997. XXII, 351 с.

³² Josephson P. *The Historical Significance of Akademgorodok for Basic Science in the 21 Century* // Гуманитарные науки в Сибири. 2007. № 2. С. 3-7.

статей Е. Г. Водичева «Всегда ли "понедельник начинается в субботу", или мифы и реалии сибирской "новой Атлантиды"³³. Он продолжает тему аналогий Академгородка 1960-х гг. с мифическим островом-государством. Автор предложил сравнительный анализ между художественной утопией братьев Стругацких «Понедельник начинается в субботу» с мифологемами о Новосибирском Академгородке. Опираясь на историографический материал историк раскрыл социальный смысл, природу и содержание ряда распространенных мифов об Академгородке, рисуя его как социальную утопию, и установил границу между историческими реалиями и мифологизированным образом «города науки».

Исследования по изучению работы научных институтов (НИИ), отдельных научных дисциплин существенно обогащают тему становления НГУ, поскольку специальности в университете создавались в неразрывной связи с общей концепцией организации СО АН, представленной М. А. Лаврентьевым как наука-кадры-производство (т.н. треугольник Лаврентьева). В труде группы авторов А. К. Романова, Л. А. Андросовой, А. Ф. Фелингера «Научные кадры Сибирского отделения АН СССР: методы и результаты статистических исследований»³⁴ рассматривается широкий спектр характеристик научных работников СО АН СССР, исследуются вопросы формирования данного контингента, характер и темпы квалификационного и должностного роста молодых специалистов, выпускников аспирантуры, научных сотрудников. Из круга литературы по изучению отдельных институтов и научных школ особенно содержательны общий труд «Генетика прирастет Сибирью: первые два десятилетия Института цитологии и генетики СО АН СССР. Начало и становление»³⁵ и работа

³³ Водичев Е. Г. Всегда Ли "понедельник начинается в субботу", или мифы и реалии сибирской "новой Атлантиды". Статья 1. мифы // Идеи и идеалы. 2018. Т. 1. № 1(35). С. 9-26.; Водичев, Е. Г. Всегда Ли "понедельник начинается в субботу", или мифы и реалии сибирской "новой Атлантиды". Статья 2. реалии // Идеи и идеалы. 2018. Т. 1. № 2(36). С. 28-50.

³⁴ Научные кадры Сибирского отделения АН СССР: методы и результаты стат. исслед. / А.К. Романов, Л.А. Андросова, А.Ф. Фелингер. Новосибирск, 1979. 173 с.

³⁵ Генетика прирастет Сибирью: первые два десятилетия Института цитологии и генетики СО АН СССР - начало и становление / В. К. Шумный [и др.]. Новосибирск, 2012. 351 с.

С. В. Шалимова «Развитие генетики в Новосибирском научном центре в 1957–1964 гг. (социально-исторический аспект)»³⁶. Первый труд, основываясь на воспоминаниях первопроходцев-генетиков в Сибирском научном центре повествует о борьбе с партийным аппаратом за право на существование генетики в 1960-х гг. Во втором – на основании документальных, мемуарных источников, периодической печати С. В. Шалимов анализирует социальные аспекты генетических исследований на фоне перемен в связи с отставкой Н. С. Хрущева, усилением международных связей. Труд «Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы»³⁷ отражает содержательный и методологический вклад Новосибирской экономико-социологической школы в развитие отечественной социологии. Становление исторического научного сообщества в СО АН раскрыто в работах Н. А. Куперштох, М. В. Шиловского³⁸: от создания Постоянной комиссии по общественным наукам, до возникновения гуманитарного факультета в НГУ и института истории, филологии и философии. В работах показаны технологии формирования коллектива специалистов-историков, основных направлений научных школ, процесс организации академической и вузовской структур.

Огромный вклад в изучение становления и развития научных институтов СО АН внесла Н. А. Куперштох. Ученым показаны пути возникновения идеи, реализации и дальнейшего становления институтов СО АН химических, физических, математических и других направлений, выявлена специфика их деятельности на платформе СО АН, обрисованы портреты лидеров науки –

³⁶ Шалимов С. В. Развитие генетики в Новосибирском научном центре в 1957-1964 гг. (социально-исторический аспект): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2010. 24 с.

³⁷ Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы. / В. А. Артемов, О. Э. Бессонова, Т. Ю. Богомолов [и др.]. Новосибирск, 1999. 735 с.

³⁸ Куперштох Н. А. Становление и развитие исторических исследований в Сибири: К 40-летию основания Института истории, филологии и философии СО АН СССР // Гуманитарные науки в Сибири. 2006. № 2. С. 55-59; Шиловский М. В. Они были первыми: формирование исторического сообщества в Новосибирске в 1960-1970-х гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 63. С. 192-200; Шиловский М. В. Изучение дореволюционной истории Сибири в Новосибирске в 1950-х - начале 1980-х годов // Исторический курьер. 2019. № 6(8). С. 137-156.

основателей НЦ СО АН – М. А. Лаврентьева³⁹, С. Л. Соболева, С. А. Христиановича⁴⁰ (в соавторстве с И. А. Крайневой⁴¹), Ю. Б. Румера (в соавторстве с И. А. Крайневой)⁴², С. С. Кутателадзе⁴³, Е. И. Шемякина⁴⁴ и многих других⁴⁵. Отдельно следует выделить публикацию Н. А. Куперштох «Векуа – первый ректор новосибирского государственного университета»⁴⁶, где показана принципиальная значимость личности И. Н. Векуа в становлении университета. Изучению биографии первого ректора и осмыслению его роли в науке, подготовке молодых специалистов, организации образовательного процесса в вузах посвящен ряд юбилейных работ⁴⁷.

Что касается исследований в более локальном контексте, связанных с темой данной диссертации, следует указать на ряд юбилейных изданий, посвященных непосредственно университету. Первая по времени своего выхода юбилейная книга, вышедшая к десятилетию НГУ, составленная рядом исследователей содержит в себе ряд статистических сведений о внутренней структуре

³⁹ Куперштох Н. А. Его именем назван институт: о деятельности академика М. А. Лаврентьева по организации и развитию института гидродинамики // История науки и техники. 2019. № 7. С. 18-28

⁴⁰ Куперштох Н. А. Академик С. А. Христианович - организатор института теоретической и прикладной механики со АН СССР // Бусыгинские чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Казань, 11 декабря 2019 года. Казань, 2019. С. 108-113.

⁴¹ Куперштох Н. А., Крайнева И. А. История Новосибирского Академгородка через призму биографий ученых-основателей институтов и научных направлений // Иркутский историко-экономический ежегодник: Сборник статей. Иркутск, 2019. С. 292-299; Куперштох Н. А., Крайнева И. А. Их именами названы институты Новосибирского научного центра. Новосибирск, 2022. 320 с.

⁴² Куперштох Н. А., Крайнева И. А. Сибирский период биографии физика-теоретика Ю. Б. Румера // Енисейская Сибирь в истории России (к 400-летию г. Енисейска): материалы Сибирского исторического форума. Красноярск, 23–25 октября 2019 года. Красноярск, 2019. С. 205-209.

⁴³ Куперштох Н. А. Биография и научное наследие академика Самсона Семеновича Кутателадзе // История науки и техники. 2019. № 11. С. 48-56.

⁴⁴ Куперштох Н. А. Академик Е. И. Шемякин – организатор исследований в области горного дела в 1960-1980-е гг. // Азиатская Россия: проблемы социально-экономического, демографического и культурного развития (XVII-XXI вв.): Материалы международной научной конференции, Новосибирск, 28–29 ноября 2016 г. Новосибирск, 2017. С. 321-327.

⁴⁵ Куперштох Н. А. История геологических исследований Сибири через призму биографий научных лидеров - А. А. Трофимука и В. С. Соболева // История науки и техники. 2021. № 7. С. 16-23; Куперштох Н. А. Научное наследие основателей химических институтов Новосибирска // Исторический курьер. 2021. № 2(16). С. 48-67; Куперштох Н. А. Академик Г. К. Боресков: катализ как судьба // Управление наукой: теория и практика. 2021. Т. 3. № 4. С. 254-276; Куперштох Н. А. Академик Владимир Степанович Соболев и его деятельность по изучению природных ресурсов Сибири // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск, 2018. С. 519-528.

⁴⁶ Куперштох Н. А. Академик И. Н. Векуа – первый ректор новосибирского государственного университета // История науки и техники. 2008. № 10, С. 2-9.

⁴⁷ Мгалоблишвили Л. И. Штрихи к портрету академика И. Н. Векуа (1907-1977) // Науковедение. 2002. № 1. С. 151-164; Боголюбов Н.Н., Лаврентьев М.А., Бицадзе А. В. Илья Несторович Векуа (к семидесятилетию со дня рождения) // Комплексный анализ и его приложения. Сб. статей. Посвящается академику Илье Несторовичу Векуа к его семидесятилетию. Тбилиси, 1987. 62 с.

факультетов и кафедр, их формировании, видоизменении, развитии⁴⁸. Следующие два сборника, посвященные 40-ка и 50-летию содержат воспоминания, очерки и интервью преподавателей и студентов⁴⁹. Существенным информационным ресурсом стал труд к 60-летию университета, подготовленный Н. Н. Аблажей, Е. Г. Водичевым, С. А. Красильниковым «Новосибирский государственный университет: создание, становление, развитие»⁵⁰. Авторы поэтапно проанализировали инфраструктурную, организационную, кадровую, политико-идеологическую и социально-бытовую компоненты НГУ. Углубившись в тему взаимодействия НГУ и СО АН, указанные авторы опубликовали в 2021 г. статью «Университет и Академия наук: pas de deux в ритмах эпохи»⁵¹. В ней обрисовываются технологии взаимодействия между различными секторами науки, разделенными ведомственными барьерами в различные исторические периоды, отражена трансформация НГУ от «модели неформального академического университета в концепт самостоятельного актора национальной научно-образовательной и инновационной политики»⁵². Вкладом в университетскую биографику выступают персональные данные профессорского корпуса НГУ систематизированные Н. Н. Аблажей, С. А. Красильниковым, С. Н. Ушаковой и др. в юбилейных изданиях, посвященных отдельным факультетам⁵³.

⁴⁸ Новосибирский государственный университет, Новосибирск, авт. Биченков Е.И., Бондарь В.Д., Гранберг А.Г. [и др.]. Новосибирск, 1970. 208 с.

⁴⁹ Наука Академгородок Университет. Воспоминания. Очерки. Интервью. В.1. Новосибирск, 1999. С. 425; НГУ вчера, сегодня, завтра. Воспоминания. Очерки. Интервью 1959-2009. 2009. 203 с.

⁵⁰ Новосибирский государственный университет: создание, становление, развитие (1959–2019) / Н. Н. Аблажей, С. А. Красильников, Е. Г. Водичев. Новосибирск, 2019. 404 с.

⁵¹ Аблажей Н. Н., Водичев Е. Г., Красильников С. А. Университет и Академия наук: pas de deux в ритмах эпохи // Социология науки и технологий 2021. Т. 12, № 1. С. 113-135.

⁵² Там же. С. 113.

⁵³ Новосибирский национальный исследовательский государственный университет. Гуманитарный факультет. Профессора. Доктора наук – выпускники факультета. Персональный состав (1962–2012) / сост. Н. Н. Аблажей, С. А. Красильников, С. Н. Ушакова. Новосибирск, 2012. 346 с.; Новосибирский национальный исследовательский государственный университет. Физический факультет. Профессора. Персональный состав, 1961-2014 гг. сост. Н. Н. Аблажей, С. А. Красильников, С. Н. Ушакова. Новосибирск, 2014. 539 с.; Новосибирский национальный исследовательский государственный университет. Экономический факультет. Профессора. Персональный состав, 1967-2017 сост. Н. Н. Аблажей, С. А. Красильников, С. Н. Ушакова. Новосибирск, 2017. 215 с.; Новосибирский национальный исследовательский государственный университет. Механико-математический факультет. Профессора. Персональный состав, 1961-2016 гг./ сост. Н. Н. Аблажей [и др.]. Новосибирск, 2019. 593 с.; Новосибирский национальный исследовательский государственный университет. Геолого-геофизический

Проблематика становления НГУ имеет несколько направлений. Так, событие проведения советско-американского симпозиума в 1963 г. в стенах университета раскрывает более обширную область – о научном и культурном обмене СССР и США. Профессора НГУ Л. В. Овсянников и Т. И. Зеленьяк опубликовали статью о симпозиуме, как непосредственные участники⁵⁴. Б. Шилдс показал значимость для налаживания советско-американских научных связей фигуры математика Р. Куранта, возглавившего научную делегацию в НГУ⁵⁵. Авторы В. Филлипс, О. Н. Науменко, А. Е. Науменко исследовали вопрос восприятия культурных обменов конца 1950-х–1970-х гг.⁵⁶ Ряд научных публикаций Е. Г. Водичева и Н. А. Куперштох⁵⁷ раскрывают вопросы общественной жизни университета: события 1968 года, «письмо 46-ти», проявления неконформизма, специфика этоса научного сообщества Академгородка и др. Тему диссидентства раскрывает И. С. Кузнецов в документальной публикации «Новосибирский Академгородок в 1968 году: «Письмо сорока шести», снабженной значительным научно-справочным аппаратом⁵⁸.

Существенный научный вклад в изучение истории студенческой общественной деятельности НГУ внесли работы А. Г. Борзенкова⁵⁹, в том числе

факультет. Профессора. Персональный состав, 1962-2022 гг. / сост. Н. Н. Аблажей, А. М. Аблажей, С. А. Красильников. Новосибирск, 2022. 250 с.

⁵⁴ Овсянников Л. В., Зеленьяк Т. И. Советско-американский симпозиум математиков в Новосибирске // Вестник АН СССР. 1963. № 11. С. 93-96.

⁵⁵ Shields B. Mathematics, Peace, and the Cold War: Scientific Diplomacy and Richard Courant's Scientific Identity // Historical Studies in the Natural Sciences / Vol. 46, №. 5, 2016. P. 556-591.

⁵⁶ Филлипс В. Идеологические корни советско-американских культурных обменов 1960-1970-х гг. // Актуальные проблемы современного образования и науки: материалы Международной научно-практической конференции. Заводоуковск, 2014. С. 3-4; Филлипс В., Науменко О. Н., Науменко Е. А. Восприятие советско-американских культурных обменов конца 1950-х гг. - начала 1970-х гг. В Российском и Американском обществах // Манускрипт, 2019. Т. 12. Вып. 7. С. 58-61.

⁵⁷ Водичев Е. Г. Куперштох Н. А. Социальные настроения ученых новосибирского Академгородка в 1960-е годы (история "Письма 46-ти") // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2002. Т. 1. № 3. С. 80-84.

⁵⁸ Кузнецов И. С. Новосибирский Академгородок в 1968 году: "письмо сорока шести": документальное издание / Новосибирск, 2007. 332 с.

⁵⁹ Борзенков А. Г. Бардовский фестиваль 1968 г. в Новосибирском Академгородке через призму документов // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2003б. Т. 2, вып. 2: История. С. 152-165; Борзенков А. Г., Каурдаков Л. Г. Руку, товарищ! Новосибирск, 1987, 278 с.; Борзенков А. Г. Роль комсомольских организаций в возрождении и развитии маевочного движения в СССР (вторая половина 60-х–80-е гг.) // Идеологическая, массово-политическая работа партийных организаций Сибири 60-80-х годов. Новосибирск, 1989. С. 43-70.

монография «Молодежь и политика»⁶⁰, где автор собрал и проанализировал самый широкий и разнообразный круг источников – от архивных документов ряда организаций и ведомств, до материалов из личных собраний участников студенческого движения. Данный труд стал первым научным исследованием студенческих инициатив НГУ 1960-х – начала 1990-х гг. А. Г. Борзенков, наметив ряд направлений в развитии молодежных инициатив и механизмов неформального творчества, показал, что несмотря на издержки, связанные с партократией и бюрократией, в 1960-е гг. на востоке СССР произошла существенная гуманизация и демократизация общества, в которой проявился творческий и общественно-политический потенциал его молодежной компоненты. Продемонстрирована высокая роль студенчества НГУ в зарождении и развитии нетрадиционных форм молодежной самодеятельности в политической сфере в Академгородке, где молодежная среда переламывала идеологические установки эпохи. Наряду с санкционированными диспутами в студенческой среде зачастую возникали спонтанные дискуссии или неофициальные объединения спорщиков. Наличие неординарного спектра нонконформистских настроений среди неортодоксальной части студенчества НГУ и интеллигенции способствовали формированию элементов мировоззренческого плюрализма и сегментов гражданского общества к концу 1960-х гг.

Прецедент своеобразной повышенной студенческой активности в НГУ, как побочный результат эксперимента по созданию научного городка, показан в научных трудах И. Жежко-Браун⁶¹. Русско-американская исследовательница, будучи студенткой НГУ в 1960-х гг., вовлеченной в культурно-социальные процессы, осуществила впоследствии их анализ с научных позиций. Автор обрисовала студенческое движение 1960-х гг., как первую после 1920-х гг.

⁶⁰ Борзенков А. Г. Молодежь и политика: возможности и пределы студенческой самодеятельности на востоке России (1961–1991). Новосибирск, 2002. Ч. 1. 242 с.; Ч. 2. 245 с.

⁶¹ Жежко-Браун И. Мы учились думать: О студенческом движении НГУ 1960-х. Часть 2 // Культура и искусство. 2017, № 9. С. 14-36; Жежко-Браун И. НГУ: студенческое движение 1960-х // Современная американская революция. М., 2018. С. 247-310; Жежко-Браун И. НГУ: студенческое движение 1960-х. Солидарность по-советски: свидетельства героев и очевидцев // Идеи и Идеалы. 2016. №3(29), Т. 1. С. 136-154.

легальную, открытую и длительную оппозицию без диссидентства, прошедшую «дальше других студенческих движений того периода в формировании ячейки гражданского общества»⁶². Работы И. Жежко-Браун подкреплены воспоминаниями студентов и преподавателей, социологическими наблюдениями, аналитикой фактов и документальных данных. Д. И. Муренко в ряде публикаций проанализировал виды молодежного общественного активизма в Академгородке конца 1950-х–1970-х гг.⁶³, выявил актуализированные траектории развития комсомольской организации⁶⁴, показал механизмы вхождения в науку молодежи и создания совета молодых ученых СО АН как принципиального условия преемственности поколений и устойчивости динамики научно-образовательных процессов⁶⁵. Автором рассмотрены структура совета молодых ученых, главные методы и формы его деятельности, определена степень их влияния на различные стороны адаптации входившей в профессиональную научную среду молодежи.

Проблема развития научно-образовательной сферы в XX в. в Сибирском регионе изучена с различной степенью полноты. При анализе СО АН и НГУ исследователями акцентируется внимание на процессах взаимодействия различных структур, выраженных в изучении форм, методов и результатов интеграционных механизмов. Процессы интеграции науки и образования рассматриваются либо с позиций общих принципов, либо на эмпирическом уровне, вне анализа межведомственных коллизий и согласований. Исследователями вскользь затрагивается ряд вопросов, касающихся принципа принятия государственных решений и их реализации по созданию и становлению НГУ и его материальной базы, организации науки в стенах университета и формирования кадрового потенциала. Вне поля зрения исследователей

⁶² Жежко-Браун И. Мы учились думать: О студенческом движении НГУ 1960-х. Часть 2 // Культура и искусство. 2017. № 9. С. 14.

⁶³ Муренко Д. И. Социальная активность научной молодежи Новосибирского Академгородка в 1958-1970 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 26 с.

⁶⁴ Муренко Д. И. Мировоззренческие поиски реформирования деятельности ВЛКСМ молодежью Новосибирского Академгородка в середине 1960-х гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2021. № 71. С. 24-31.

⁶⁵ Муренко Д. И. Особенности зарождения и развития Совета молодых учёных Новосибирского научного центра в 1960-х гг. // Интеллигенция и мир. 2020. № 2. С. 84-100.

оказываются качественные стороны «человеческого фактора», т.е. личностные и групповые характеристики организаторов научно-учебного процесса, условия формирования университетского сообщества преподавателей и студентов.

Объектом исследования является Новосибирский государственный университет как локальный научно-образовательный комплекс.

Предметом изучения выступают предпосылки, условия, механизмы и результаты становления НГУ как инновационного для своего времени вуза.

Цель и задачи.

Цель исследования: охарактеризовать процесс становления институциональной основы вуза в условиях реформ отечественной образовательной-научной сферы постсталинского периода.

Исходя из цели исследования сформулированы следующие *задачи*:

1. установить основные причины и условия интеграции академической науки и высшей школы в новосибирском Академгородке;
2. определить место университета в новой модели научно-образовательного комплекса;
3. охарактеризовать институциональные черты формирования Новосибирского университета;
4. проследить динамику численности и состава профессорско-преподавательских кадров;
5. выявить оригинальные признаки построения процесса обучения в университете;
6. раскрыть формы и значение социокультурных инициатив в формировании университетского сообщества.

Методология и методы исследования. Исследование базируется на принципах объективности и историзма. Согласно принципу объективности, работа опирается на достоверные факты, не искаженные субъективностью восприятия и не нивелированные к общей схеме, и предполагает возможное выявление источников, их верификацию, объяснение расхождений информации,

использование потенциала последней для формирования намеченной базы данных, осмысления и использования материалов для обоснования выводов, сделанных в ходе работы. Принцип историзма предусматривает обращение к исторической ситуации при анализе фактов и явлений, оказавших воздействие на формирование и состояние в их взаимной обусловленности и динамике.

Тема диссертации предполагает обращение к институциональному подходу исследования процесса становления Новосибирского университета. Данный подход позволяет раскрыть комплексно и в динамике основные характеристики появления феномена НГУ (государственная политика, управленческие, кадровые, структурные, информационные и другие виды ресурсов); отразить взаимозависимость, иерархичность, соотношение социальных вне- и внутриуниверситетских институтов в исследуемый период. Для адекватного учета специфики объекта исследования необходимо исходить из его принадлежности к сфере социальной истории, как междисциплинарного направления, фокус внимания которого концентрируется на социальных группах, их взаимоотношениях, роли, функции в общественных структурах и процессах. Цель и задачи данного исследования соотносятся с теоретическими установками, последовательными и взаимосвязанными, которые составили методологическую основу кандидатской диссертации. Первое – положение о дискретности социального пространства; второе – подход к составу социальных групп как системе совокупностей, выведенных в ряд параметров для решения конкретных задач; третье – выделение в качестве ведущего фактора консолидации групп акторов, профессорско-преподавательского и студенческого составов в едином социально-культурном пространстве университета; четвертое – признание значимости социально-политических факторов на становление принципов и структуры университета; пятое – подход к конвергенции институций, влиявших на организацию и становление университета, как к историческому процессу.

Обращение к предметному полю социальной истории позволяет применить структурно-функциональный метод. В своей работе диссертант

опирался на базовые логические и аксиологические основы метода, разработанного в трудах основоположников социального функционализма – Э. Дюркгейма, Г. Спенсера и Т. Парсонса⁶⁶, согласно которым университет и каждая социальная группа внутри и вне его анализируется как самостоятельный элемент и как подсистема научно-образовательного комплекса. Сформированный целевым образом, университет стал частью систем, влияющих на него (правительственные, партийные, административные организации, академическое сообщество и др.). Сам университет как единая структура объединил ряд социальных групп (профессура, молодые преподаватели, студенчество и др.), наделенных своими структурно-функциональными характеристиками, первоначально различными, но, интегрированными в единую среду, изменяющимися в динамике и стремящимися к структурному единству.

Университет как социальный институт общественного воспроизводства показан каналом соединения образования и науки с производством и практикой. Научно-образовательная и социально-подготовительная структуры университета базируются на научных достижениях соответствующих специальностей. С другой стороны, основной социальной функцией высшей школы, согласно А. Р. Дзиеву, выступает «продуцирование, производство научных знаний на перспективных направлениях и эффективных формах организации научно-исследовательской деятельности профессорско-преподавательского корпуса и научно-технического творчества студенческой молодежи»⁶⁷.

В применении научного инструментария автор обращается к методам социологии для определения способов работы с социальными общностями. Так, вслед за социологом-исследователем В. Э. Шляпентохом диссертант при отборе для анализа группы молодых преподавателей НГУ принимает подход стратифицированной выборки: «Благодаря выделению отдельных страт, социолог

⁶⁶ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991 572 с.; Спенсер Г. Синтетическая философия. Киев, 1997. 510 с.; Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1998. 269 с.

⁶⁷ Дзиев А. Р. Высшая школа как системообразующий социальный институт // Педагогика и психология, 2012. № 4 (21). С. 55-59.

гарантирует себе соответствие выборки генеральной совокупности по определенному показателю, сохраняя при этом в неприкосновенности основной принцип случайности выборки – равенство единиц перед возможностью попасть в объектив исследователя»⁶⁸. Обеспечение жесткого контроля за переменной, выбранной исследователем сводит вероятность ошибки к минимуму. Опора на избранную переменную для контроля за репрезентативностью выборки допустила возможность остановиться на 167 персоналиях при неизвестной общей численности состава молодежи в университете вследствие высокой текучести кадров в первые годы. Ориентация на комплекс показателей, как единую переменную, – комсомольский возраст, наличие основной работы в СО АН в качестве научного сотрудника, первая ступень работы в НГУ – преподаватель-почасовик, дала показательный результат для исследования дальнейшей профессиональной стези молодых ученых в НГУ. Подход социолога В. А. Ядова дополняет программные требования к репрезентативности выборки, которыми пользовался диссертант. Гарантия в выборке равного представительства контрольных групп имеет решающее значение для объективности результатов исследования⁶⁹. В условиях специфики отбора материала и невозможности создания базы данных генеральной совокупности, диссертант прибег к методу создания контрольных групп, представительство которых охватывает весь исследуемый период и каждую научно-образовательную ячейку в нарастающей структуре кафедр и факультетов с целью выявления возможностей карьерного и научного роста молодежи в НГУ.

В исследовании автор обратился к просопографическому методу, охарактеризовав на основе персональных данных коллективную биографию профессорско-преподавательского состава НГУ. Метод эффективен и для анализа функционирования НГУ как платформы научной карьеры и профессионального роста другой группы профессорско-преподавательского состава – молодежи от

⁶⁸ Шляпентох В. Э. Проблемы репрезентативности социологической информации: случайная и неслучайная выборки в социологии. М., 1976. С. 70.

⁶⁹ Ядов В. А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. Самара, 1995. С. 51.

момента поступления на работу в университет в качестве преподавателя-почасовика, затем получения должности доцента и далее возможности проявить себя в административных областях, прочтении оригинальных авторских курсов, участия в международных конференциях, научной и педагогической деятельности.

Просопографический метод позволяет рассмотреть под персональным углом зрения событий, происходивших в стране с первой половины XX века по 1960-е гг. с позиций их отражения в жизнедеятельности ученых, причастных к основанию и становлению НГУ. Под термином «просопография» подразумевается «жанр исследований, предполагающий изучение массовых источников с целью создания на основе статистического анализа их информации динамических “коллективных биографий” определенных социальных групп, страт и т.п. при возможности сохранения и изучения биографий отдельных индивидуумов, составляющих данные социальные группы и страты»⁷⁰. Просопографический метод дает возможность синтезировать общее и индивидуальное, массовое и уникальное и на основе этого выстраивать обобщенное представление об изучаемом сообществе – в рамках данного исследования – профессорско-преподавательского состава НГУ первых лет.

Дополняющим инструментарием диссертационного исследования стал количественно-качественный анализ, предполагающий оценку содержания документов через подсчет признаков, существенных для исследования и удобных для последующих обобщений. Он применим, когда целью является извлечение информации из больших массивов источников при необходимости выделить смысловые единицы либо ключевые понятия с последующим подсчетом частоты обращения к ним в тексте. Например, проводился перевод смыслового содержания личных дел профессорско-преподавательского состава НГУ в

⁷⁰ Юмашева Ю. Ю. Историография просопографии // Известия Уральского государственного университета. 2005. № 39. Сер. Гуманитарные науки. Вып. 10: История. С. 97.

количественные показатели, подсчет статистических данных, и последующее составление инфографики.

Помимо вышеперечисленных общенаучных и междисциплинарных методов в диссертации применялись специальные исторические. Историко-генетический метод позволил выявить в исторической последовательности произошедшие изменения в структуре Новосибирского университета от открытия до периода его динамичного развития и признания в отечественном и мировом научном сообществе. Использование историко-генетического метода сделало возможным проследить эволюцию научно-образовательного процесса в НГУ в период его становления, определить основные этапы в развитии, а также выявить причинно-следственные связи внешних и внутренних процессов, влияющих на становление НГУ.

Историко-системный метод позволил проанализировать изучаемый объект как комплексное и целостное историческое явление. Применительно к теме диссертационного исследования использование данного метода способствовало выявлению многообразия связей внутри самого университета, как единой институциональной системы и в его коммуникации с другими взаимовлияющими системами, выявил точки соприкосновения с внешними факторами. Историко-типологический метод, ориентированный, согласно И. Д. Ковальченко, на выявление общего, которое свойственно многообразию исторических явлений в рамках изучаемого объекта⁷¹. Автор использовал указанный метод с целью установить единые черты, свойственные как отдельным инициативам, задействованным в формировании оригинального облика университета, так и в целом научно-образовательной сфере советского периода.

Для изучения процесса преемственности МФТИ и НГУ диссертантом был применен историко-сравнительный метод. Являясь разновидностью исторического способа изучения, в первую очередь, он включает объект

⁷¹ Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 1987. С. 176-183.

исследования в структуру временного аспекта – исторического рассмотрения объектов и явлений. Отечественный философ М. Э. Ойнус отметил суть работы с историко-сравнительным методом, который «является разновидностью исторического способа изучения явлений, и сравнение выступает здесь не как самостоятельный прием исследования наряду с другими логическими операциями, а как прием, строго подчиненный логике исторического исследования»⁷². Историческая сторона метода заключается в обращении к динамике, видоизменениям, которые претерпевает объект, сравнительная – в соотнесении одного или более факта, предмета, события, либо одного объекта на разных временных отрезках, этапах развития. Естественно, две стороны метода связаны в неразрывном взаимодействии, предполагающем выявление общего и различного. Общие принципы «системы физтеха», вписанные, как необходимое условие для открытия новых вузов – в 1951 г. МФТИ, в 1959 г. НГУ, влияние организационного и научно-образовательного опыта и авторитета ряда одних лиц при реализации идеи вузов – С. А. Христиановича, М. А. Лаврентьева, И. Н. Векуа, Б. О. Солоноуца и др., общесоветские парадигмы «мобилизации», «гонки вооружений» дают основание для использования историко-сравнительных операций. Приведенные выше методологические основания в сочетании с комплексом общенаучных, социальных и исторических методов анализа позволили сформировать адекватную поставленным целью и задачам исследовательскую программу.

Источниковую базу исследования составили источники трех типов письменные, изобразительные и кинофотодокументы. Среди письменных источников использованы документальные, нарративные и смешанные. Далее письменные источники систематизированы по видовому признаку: законодательные, делопроизводственные, периодическая печать, мемуары. При классификации источников использовались подходы, изложенные в учебном пособии «Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской

⁷² Ойнус М. Э. Сравнительный метод в общественных науках. Л., 1984. С. 117-145.

истории», подготовленном в 1998 г. авторским коллективом Российского государственного гуманитарного университета в составе И. Н. Данилевского, В. В. Кабанова, О. М. Медушевской и М. Ф. Румянцевой⁷³.

Основной корпус документальных источников сформирован путем выявления и отбора последних в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ), Научного архива Сибирского отделения РАН (НАСО), Государственного архива Новосибирской области (ГАНО), архива НГУ и музея истории НГУ.

Характеристику источниковой базы диссертации целесообразно начать с директивных документов. Это связано с значительной важностью данной категории источников как в жизни общества в целом, так и, что первостепенно для данной диссертационной работы, в процессе организации и становления НГУ, в частности. С количественной точки зрения данный вид документов составляет незначительную часть источниковой базы, однако, он достаточно существенен по своему социальному значению. В работе использованы материалы Президиума ЦК КПСС, Академии наук, Совета Министров СССР, Министерства высшего и среднего специального образования СССР (а с 1958 г. и РСФСР), позже Президиума СО АН, относящиеся к НГУ – приказы, постановления, уставы и инструкции Министерства высшего и среднего специального образования СССР и РСФСР, утверждённые отчеты о работе университета, также документы Секретариата ЦК. Эти источники сконцентрированы во временном промежутке 1957–1959 гг., когда принимались принципиальные решения об организации СО АН и университета, как составной его части, в верхних эшелонах власти. К данному разряду документов на первом этапе относятся те постановления, которые косвенно затрагивают вопрос высшего образования в рамках нового отделения Академии, либо не упоминают его – это и Постановление Президиума

⁷³ Источниковедение: Теория, история. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по гуманитарным специальностям / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. М., 1998. 702 с.

ЦК КПСС «об организации Бюро ЦК КПСС по РСФСР обсуждения по вопросу создания академического научного центра в Новосибирске» от 18 апреля 1957 г.⁷⁴, и Постановление Президиума ЦК КПСС «О создании Сибирского отделения Академии наук СССР» от 18 мая 1957 г.⁷⁵, которое считается датой основания СО АН и вторящее ему Постановление Президиума Академии наук СССР «О Сибирском отделении Академии наук СССР» от 7 июня 1957 г.⁷⁶, далее, в рамках реализации планов Постановление Совета Министров СССР «О мероприятиях по строительству объектов Сибирского отделения Академии наук СССР» от 11 июля 1957 г.⁷⁷ Документы следующего этапа связаны непосредственно с созданием НГУ – решение Секретариата ЦК КПСС «о необходимости подготовки постановления о создании НГУ» от 4 сентября 1957 г.⁷⁸, постановление Совета Министров «Об организации Новосибирского государственного университета» от 9 января 1958 г.⁷⁹, приказ Министерства высшего образования об организации НГУ от 3 февраля 1958 г.⁸⁰, приказ Министерства высшего образования о временном назначении ректором И. Н. Векуа от 17 ноября 1958 г.⁸¹, постановление Президиума СО АН СССР «об учреждении Ученого Совета» от 28 мая 1959 г.⁸² и соответствующий ему приказ Министерства ВиССО от 20 июля 1959 г.⁸³ Ценность данной группы источников состоит в том, что они содержат партийные и ведомственные установки о принципах становления Новосибирского университета, определяют наиболее важные пути достижения целей научно-образовательной политики, управления вузовским строительством.

⁷⁴ Сибирское отделение Российской академии наук: создание (1957 – 1961 годы). Сборник документов / сост. Е. Г. Водичев, И. С. Кузнецов, Л. И. Пыстина. Новосибирск, 2007. С.33.

⁷⁵ Там же. С. 63.

⁷⁶ Там же. С. 81.

⁷⁷ Там же. С. 88.

⁷⁸ РГАНИ Ф. 4. Оп. 16. Д. 376. Л. 112.

⁷⁹ Новосибирский государственный университет: создание, становление, развитие (1959–2019) / Н. Н. Аблажей, Е. Г. Водичев, С. А. Красильников. Новосибирск, 2019. С. 18.

⁸⁰ ГАНО Ф. Р-1848. Оп.1. Д. 1. Л. 2-3.

⁸¹ ГАНО Ф. Р-1848. Оп.1. Д. 1. Л. 4.

⁸² ГАНО Ф. Р-1848. Оп.1. Д. 3. Л. 10-11.

⁸³ ГАНО Ф. Р-1848. Оп.1. Д. 3. Л. 17-18.

Документы Президиума Сибирского отделения являются наиболее ценным источником информации, поскольку именно здесь обсуждали идею, базовую структуру и пути решения поставленных задач при открытии нового вуза, а также траекторию развития и текущие проблемы уже действующего университета. Особо следует подчеркнуть значимость вариантов проектов и уставов НГУ, стенограмм и протоколов собраний Сибирского отделения, на которых они обсуждались, с целью анализа перестройки первоначальной идеи в результат. Проект «Об организации Новосибирского государственного университета» от 10 октября 1957 г.⁸⁴, и сопутствующий ему Протокол заседания Оргкомитета СО АН; проект от 28 октября 1957 г.⁸⁵ и стенограмма Общего собрания Академии наук СССР: «Об организации Сибирского отделения АН СССР» от 2 ноября 1957 г.⁸⁶; окончательный проект от 14 ноября 1957 г.⁸⁷; уставы НГУ от 9 января 1958 г.⁸⁸ и от 14 января 1960 г.⁸⁹ – все они отражают в динамике корректировку структуры НГУ и отстаивание базовых принципов его основателями. Защита открытия нового вуза требовала поддержки, она собрана в следующей группе документов – деловой переписке. В нее вошли служебные письма и докладные записки, ходатайства, в частности, поддержка Министерства Высшего образования СССР за подписью В. П. Елютина, от 31 июля 1957 г.⁹⁰, Оргкомитета СО АН в лице С. А. Христиановича от 12 августа 1957⁹¹, Отдела науки, школ и культуры ЦК КПСС по РСФСР от (дата в документе не проставлена) августа 1957 г.⁹² и др.

Директивная документация периода функционирования университета представлена приказами МВ и ССО об открытии новых факультетов,

⁸⁴ НАСО Ф. 10. Оп. 3. Д. 1. Л. 5.

⁸⁵ Новосибирский государственный университет: создание, становление, развитие (1959–2019) / Н. Н. Аблажей, Е. Г. Водичев, С. А. Красильников. Новосибирск, 2019. С. 14-16.

⁸⁶ Сибирское отделение Российской академии наук: создание (1957–1961 годы). Сборник документов / сост. Е. Г. Водичев, И. С. Кузнецов, Л. И. Пыстина. Новосибирск, 2007. С. 154-196.

⁸⁷ ГАРФ Ф. Р-5446. Оп. 92. Д. 8-1, Л. 18-19.

⁸⁸ ГАНО. Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

⁸⁹ ГАНО. Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 8. Л. 54.

⁹⁰ Новосибирский государственный университет: создание, становление, развитие (1959–2019) / Н. Н. Аблажей, Е. Г. Водичев, С. А. Красильников. Новосибирск, 2019. С. 13.

⁹¹ Там же.

⁹² РГАНИ Ф. 4. Оп. 16. Д. 376. Л. 113.

организации, реорганизации кафедр в НГУ и т.д. Им предшествовали решения руководства университета и деловая переписка с Министерством, поскольку инициатива поступала «снизу», далее принималась, либо требовала доработки различными инстанциями. Решения руководства НГУ и подготовленные к ним материалы (справки, письма) представлены в следующей группе документов. Особенно ценны среди них протоколы и стенограммы коллегиального органа управления университетом – Ученого Совета. Они позволяют проследить разработку стратегии развития вуза, корректировку основной направленности работы как университета в целом, так и его структурных подразделений. Из документов работы Ученого Совета были получены сведения о таких сферах работы руководства университета, как рассмотрение заявлений, поданных на конкурс на должность зав. кафедрами, деканов и др., распределение лекционных курсов, представление к утверждению в ученых званиях, проведение мероприятий по обеспечению нового приема в университет, решения об открытии, выделении, реорганизации кафедр.

Внутриуниверситетская директивная документация включает в себя приказы руководства университета. Приказ № 1, подписанный ректором И. Н. Векуа от 23 мая 1959 г. «о зачислении главного бухгалтера Центральной бухгалтерии Сибирского отделения АН СССР по совместительству исполняющим обязанности главного бухгалтера Новосибирского государственного университета»⁹³ показывает СО АН и НГУ как единый механизм с общей кадровой и финансовой политикой. Последующие приказы регламентируют жизнь университета на всех уровнях от направления студентов в колхозы для уборки урожая и подготовки культурных студенческих мероприятий до отправки руководства в командировки за рубеж и организации международных научных конференций.

⁹³ Новосибирский государственный университет: создание, становление, развитие (1959–2019) / Н. Н. Аблажей, Е. Г. Водичев, С. А. Красильников. Новосибирск, 2019. С. 27.

Делопроизводственная документация дополняет группу документов о выстраивании взаимодействия Центральными органами управления с руководством нового вуза. Основу делопроизводственного блока составила переписка университета с Министерством высшего образования по вопросам организации университета в 1959 г., затем с Министерством высшего и среднего специального образования, Академией наук. В частности, в переписке содержатся документы, показывающие пути отстаивания принципов университета – разрешение ректору НГУ И. Н. Векуа от МВ и ССО РСФСР в порядке исключения установить ранние сроки приемных экзаменов и зачисления в университет от 26 марта 1960 г.⁹⁴, объяснительная записка к заключению комиссии при проверке работы университета «о превышении нормы почасовой оплаты совместителям НГУ» от 16 сентября 1961 г.⁹⁵, просьба о разрешении принимать на работу лиц с почасовой оплатой на 1961–1964 гг.⁹⁶ и др.

Среди использованной в работе документации диалога НГУ со структурами, контролирующими его работу, важное место занимают ежегодные материалы: начиная с 1959 г. документы работы приемной комиссии (отчеты, списки, сравнительные ведомости); начиная с 1964 г. отчеты Государственной экзаменационной комиссии, документы университета по распределению молодых специалистов (план, отчеты, перечень мест назначений, разрядки на молодых ученых, пояснительные записки по итогу распределения), документы работы аспирантуры (перспективные планы, отчеты). Поскольку партийные организации весьма детально рассматривали все аспекты жизни нового университета, в работу включена документация отдела науки и учебных заведений Новосибирского обкома КПСС, комитета ВЛКСМ СО АН, парткома НГУ. Другие документы центральных, региональных и местных партийных органов могут быть использованы в ходе дальнейшей работы.

⁹⁴ ГАНО Ф.Р-1848. Оп.1. Д. 12. Л. 11.

⁹⁵ ГАНО Ф.Р-1848. Оп.1. Д. 20. Л. 1-3.

⁹⁶ ГАНО Ф.Р-1848. Оп. 4. Д. 110. Л. 8.

Наряду с документами, регламентировавшими деятельность НГУ «сверху» и отчетными ответами университета «на верх», в настоящем исследовании введена в исследовательское поле внутриуниверситетская документация. Важный корпус документов представлен делопроизводственными материалами университета – штатное расписание административно-управленческого, профессорско-преподавательского персонала НГУ, расчет студентов и аспирантов, справки о выпускниках, перечень факультетов, кафедр университета, отчеты о деятельности, служебные записки, включая в т. ч. аспекты политико-воспитательной работы среди студентов. Изучение ежегодных статистических материалов позволяет проследить динамику учебных процессов внутри вуза. Статистические источники позволяют верифицировать информацию, создать доказательную базу для исследования. В то же время существует проблема учета изменения форм статистической отчетности в различные годы изучаемого периода, что затрудняет формирование сквозных динамических рядов данных при характеристике как преподавателей, так и студенчества.

Значительный материал представлен в таком источнике, как личные дела, его использование дает возможность осуществить комплексный анализ профессорско-преподавательского состава НГУ. Личные дела ППС НГУ содержат:

- 1) Личный листок по учету кадров с базовой информацией о месте и дате рождения, национальности, соц. происхождении, высшем образовании, владении иностранными языками и наличием опубликованных научных трудов, о выполняемой работе с начала трудовой деятельности с годом принятия/ухода, должности с указанием учреждения и городом его нахождения, о пребывании за границей и его целью, об участии в выборных органах, о наличии правительственных наград, партвызваний, отношении к воинской обязанности и семейное положение на момент заполнения листка;

- 2) автобиографии, где в свободной форме повторяется информация из личного листка – о рождении, образовании, трудовой деятельности, обязательно

указывается профессия родителей, местонахождение и деятельность во время ВОВ, показаны другие более частные вопросы;

3) копии дипломов об окончании вуза, трудовой книжки, при наличии на момент поступления на работу в НГУ – копии дипломов о присвоении кандидатской, докторской степеней, аттестат доцента, профессора;

4) список опубликованных научных работ;

5) внутриуниверситетскую документацию – заявления, выписки из приказов и протоколов заседаний УС, кафедр, о приеме на работу, продлении срока, смене должности, также представления и характеристики.

Объем личных дел варьирует от 7 листов до 90 и более, однако преимущественно они содержат около 20 листов. Далеко не все заполнены полностью, в некоторых присутствуют ошибки. Тем не менее, конкретная информация выдерживает проверку сведениями других источников и позволяет провести анализ личных дел как массовый источник и создать информативную базу данных. Ввиду наличия неформализованных элементов, таких как автобиографии, характеристики и представления, на первом этапе анализа диссертант прибегнул к источник-ориентированному подходу, при котором полный объем информации, содержащийся в источнике был переведен в электронный вид и сгруппирован по общим имеющимся показателям. Составленная источник-ориентированная база содержит информацию о 649 преподавателях НГУ. Она включила в себя следующие показатели (при наличии): ФИО, пол, год и место рождения, национальность, членство КПСС на момент принятия на работу в НГУ, соц. происхождение, наименование вуза и год окончания, те же сведения об аспирантуре, год перевода в СО АН, место и должность работы/учебы на момент перевода в СО АН, год, специальность присвоения степени кандидата, доктора, год получения аттестата доцента, профессора, год присвоения член-корреспондента, академика, поездки за границу с научными целями, знание иностранных европейских языков, стаж преподавания до перевода в СО АН. Начало работы в СО АН явилось отправной точкой для более подробного внесения

информации – отдельно отмечены года изменения в должности в научно-исследовательских институтах (лаборант, м.н.с., ст.н.с., зав. лабораторией и др.) и в НГУ (ассистент, преподаватель-почасовик, старший преподаватель, доцент, профессор), также указаны лекции, семинары и печатные материалы, которые издавались в полиграфии СО АН и НГУ.

Из полученной базы, были отобраны две группы по принципам, целесообразным каждый своему разделу в рамках общего исследования, и решающих непосредственно для них поставленные задачи, и к ним составлены проблемно-ориентированные базы.

1) Акторы создания научно-образовательной структуры НГУ. Группа содержит 176 персоналий, отобрана по принципу включенности в административно-организационную деятельность и вклада в создание ячейки научно-образовательной структуры НГУ. Сюда вошли инициаторы и исполнители идеи создания НГУ, ректоры, проректоры по научной работе, деканы, зав. кафедрами, основатели научных школ, профессура и авторы оригинальных лекций, ставших научными пособиями для студентов НГУ. Их биографии до момента поступления на работу в НГУ позволяют проследить общее и частное в научном пути в СССР первой половины XX в. Внешние факторы, повлиявшие на становление концепции создания нового вуза и видение «каким он должен быть», выявить «точки сборки», познакомивших и идейно объединивших будущих акторов НГУ.

2) Молодые преподаватели-почасовики, начавшие свою педагогическую карьеру в НГУ. Группа включила в себя 167 персоналий, была отобрана по принципу принадлежности к одному из постулатов идеи НГУ – совместительству с основной научной работой. Ученые комсомольского возраста, приглашенные в СО АН как активные, перспективные сотрудники, занимающиеся своей передовой научной проблематикой под руководством одного из лидеров науки, дополнительно взявшиеся проводить занятия в НГУ на почасовой оплате по примеру своих старших коллег. Просопографический анализ в группе дал

возможность построить обобщенный карьерный путь, который был предложен Сибирским отделением и университетом, проследить его динамику и ресурсность университета в расширении возможностей научной и административной реализации молодежи.

Ценным источником являются воспоминания непосредственных участников и свидетелей создания Академгородка и университета. Рефлексия в воспоминаниях видных ученых имеет статус историографического источника, поскольку в них содержатся концептуальные и содержательные оценки и характеристики изучаемого объекта. Так, мемуарные труды академика М. А. Лаврентьева, одного из «отцов-основателей» СО РАН «Опыты жизни. 50 лет в науке»⁹⁷ и «...прирастать будет Сибирью»⁹⁸ содержат последовательное изложение возникновения идеи создания Сибирской Академии наук, ее реализации, открытиях сибирских ученых и планах на будущее развитие. Труд М. С. Качана⁹⁹ представляет особую ценность, поскольку, во-первых, он является самой крупной работой по истории Академгородка, во-вторых, в 1960-е гг. автор возглавлял Объединенный профком СО АН был близок к властным структурам, в-третьих, мемуары были написаны после переезда М. С. Качана в США, и не несут оттенка апологетики, являясь независимыми воспоминаниями. Следует упомянуть мемуары Р. Л. Берг, опубликованные в США: «Суховой: воспоминания генетика»¹⁰⁰, где автор критически оценила опыт Сибирского отделения АН, осветив некоторые негативные стороны становления и развития данного эксперимента. Академик П. Я. Кочина, будучи одним из первопроходцев, в «Воспоминаниях»¹⁰¹ описывает период своего участия в проекте по созданию научного центра в Сибири: этап приглашения, наделения преференции ученым, согласившимся переехать из столичных научных центров, быт первых жителей

⁹⁷ Лаврентьев М. А. Опыты жизни. 50 лет в науке // Век Лаврентьева / сост. Н. А. Притвиц [и др.]. Новосибирск, 2000. 451 с.

⁹⁸ Лаврентьев М. А. ...Прирастать будет Сибирью / Лит. запись Н. А. Притвиц. Новосибирск, 1982. 175 с.

⁹⁹ Качан М. Потомку о моей жизни. Воспоминания: в 22 т. Сакраменто, 2015-2018. 22 т.

¹⁰⁰ Берг Р. Л. Суховой: Воспоминания генетика. М., 2003. 523 с.

¹⁰¹ Кочина П. Я. Воспоминания. М., 1974. 163 с.

Академгородка. Один из организаторов гуманитарного направления в университете, начальник учебной части НГУ с 1961 по 1966 гг., Л. Ф. Лисс кроме труда «Мои университеты»¹⁰², где поделился своим взглядом на преподавательскую работу двух вузов – МГУ и НГУ, опубликовал ряд мемуарных статей к юбилейным датам. О. Н. Марчук опубликовала зарисовки быта и персональных историй ученых Академгородка в книге «Сибирский феномен. Академгородок в первые двадцать лет: Воспоминания»¹⁰³. Отдельно необходимо отметить совместный труд, собравший воспоминания о МФТИ «Я – ФИЗТЕХ»¹⁰⁴. Интерес представляет опубликованная в нем статья второго ректора НГУ С. Т. Беляева «Через три круга физтеха», где автор проводит параллель между МФТИ и НГУ.

Кроме массивных мемориальных трудов, существует ряд статей-воспоминаний, публикуемых к юбилейным датам или посвященных важным событиям научного сообщества Академгородка: Л. В. Овсянников, Т. И. Зеленьяк «Советско-американский симпозиум математиков в Новосибирске»¹⁰⁵, И. Н. Векуа «Высшая школа в научном центре Сибири»¹⁰⁶, Б. О. Солоноуц «Вуз нового типа»¹⁰⁷, Р. И. Солоухин «О чем говорит опыт новосибирцев»¹⁰⁸, В. М. Титов «Наука не терпит суеты»¹⁰⁹ и ряд других работ.

Также изданы сборники воспоминаний студентов НГУ, обрисовывающих различные аспекты студенческой жизни первых лет, становление традиций, проявления молодежных инициатив, взаимодействия с различными инстанциями

¹⁰² Лисс Л. Ф. Мои университеты. Новосибирск, 2013. 439 с.

¹⁰³ Марчук О. Н. Сибирский феномен. Академгородок в первые двадцать лет: воспоминания Новосибирск, 2007. 231 с.

¹⁰⁴ Я-Физтех: (Кн. очерков): К 50-летию Моск. физ.-техн. ин-та / сост. Н. В. Карлов [и др.]. М, 1996. 767 с.

¹⁰⁵ Овсянников Л. В., Зеленьяк Т. И. Советско-американский симпозиум математиков в Новосибирске // Вестник АН СССР. 1963. № 11. С. 93-96.

¹⁰⁶ Векуа И. Н. Высшая школа в научном центре Сибири // Наука Академгородок Университет. Воспоминания. Очерки. Интервью. В.1. Новосибирск, 1999. С. 38-46.

¹⁰⁷ Солоноуц Б. О. Вуз нового типа // Наука Академгородок Университет. Воспоминания. Очерки. Интервью. В.1. Новосибирск, 1999. С. 70-73.

¹⁰⁸ Солоухин Р. И. О чем говорит опыт новосибирцев // Наука Академгородок Университет. Воспоминания. Очерки. Интервью. В.1. Новосибирск, 1999. С.73-76.

¹⁰⁹ Титов В. М. Наука не терпит суеты. // Наука Академгородок Университет. Воспоминания. Очерки. Интервью. В.1. Новосибирск, 1999. С. 95-104.

университета. Среди них следует отметить работы П. П. Безверхия «Научная Одиссея, или путь студента физфака НГУ»¹¹⁰, В. Н. Штерна «Захватывало дух»¹¹¹, Е. И. Швецовой, Г. А. Швецова «У истоков университетских традиций»¹¹², М. В. Шиловского «Жизнь студенческая и общественная»¹¹³.

Значимыми источниками являются юбилейные сборники «О времени и о себе. ФФ НГУ 1963–1968 гг.»¹¹⁴, «ГУМФАКИЯ 60-70-х годов XX века: воспоминания наших учителей и выпускников»¹¹⁵. Первый, посвященный 50-летию курса физического факультета 1968 г. выпуска, собрал в себе очерки об истории создания физического факультета (ФФ), основателях СО АН СССР и НГУ, ректорах НГУ и деканах, при которых учились выпускники. Среди них особый интерес для изучения становления ФФ НГУ, представляют воспоминания А. А. Кочеева «История физического факультета НГУ»¹¹⁶. А. Е. Бондаря «Нам есть чем гордиться»¹¹⁷. И. Ф. Гинзбурга «Мои воспоминания»¹¹⁸. В. Г. Сербо «Румер, Титов, Ломоносов и партком»¹¹⁹. Второй – посвящен 60-летию гуманитарного образования в НГУ. В сборник включены интервью и воспоминания ветеранов, основателей факультета – профессоров Л. Ф. Лисса и В. Л. Соскина, а также А. Н. Соскиной и Н. В. Ревякиной. Основную часть сборника составляют воспоминания его выпускников, учившихся на

¹¹⁰ Безверхий П. П. Научная одиссея, или путь студента физфака НГУ // О времени и о себе. ФФ НГУ, 1963–1968. Новосибирск, 2014. С. 185-203.

¹¹¹ Штерн В. Н. Захватывало дух // Наука Академгородок Университет. Воспоминания. Очерки. Интервью. В.1. Новосибирск, 1999. С. 379-381.

¹¹² Швецовой Е. И., Швецова Г. А. У истоков университетских традиций // Наука Академгородок Университет. Воспоминания. Очерки. Интервью. В.1. Новосибирск, 1999. С. 419-424.

¹¹³ Шиловский М. В. Жизнь студенческая и общественная. // Наука Академгородок Университет. Воспоминания. Очерки. Интервью. В.1. Новосибирск, 1999. С. 429-433.

¹¹⁴ О времени и о себе. ФФ НГУ, 1963-1968 гг. Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т, 2013. 748 с.

¹¹⁵ ГУМФАКИЯ 60-70-х годов XX века: воспоминания наших учителей и выпускников // сост. С. А. Красильников, И. С. Кузнецов, Г. Г. Пиков. Новосибирск, 2022. 427 с.

¹¹⁶ Кочеев А. А. История физического факультета НГУ // О времени и о себе. ФФ НГУ, 1963-1968 гг. Новосибирск, 2013. С. 73-94.

¹¹⁷ Бондарь А. Е. Нам есть чем гордиться // О времени и о себе. ФФ НГУ, 1963–1968 гг. Новосибирск, 2013. С. 94-100.

¹¹⁸ Гинзбург И. Ф. Мои воспоминания // О времени и о себе. ФФ НГУ, 1963–1968 гг. Новосибирск, 2013. С. 100-107.

¹¹⁹ Сербо В. Г. Румер, Титов, Ломоносов и партком // О времени и о себе. ФФ НГУ, 1963–1968 гг. Новосибирск, 2013. С. 107-112.

гуманитарном факультете (ГФ) с 1966 по 1978 годы, ряд из которых продолжили дело своих учителей, ныне преподают в университете.

Значительную ценность представляет центральная и местная периодическая печать – «Правда», «Советская Сибирь», «За науку в Сибири», «Молодость Сибири», «Вечерний Новосибирск». В ней представлена информация об учебной, научной, воспитательной работе, материалы о подготовке научно-педагогических кадров, планировании и координации научных исследований, студенческом научном и научно-техническом творчестве, а также данные об известных ученых, студентах и т.д. Авторами публикаций являлись руководители университета, профессора, доценты, преподаватели, студенты. Большая часть сообщений носила позитивный или нейтральный характер, статьи членов рабочей группы повторяли отдельные пункты проекта СО АН и НГУ, подробно излагали программные установки, подчеркивая важность их выполнения. К 1960 г. статьи образца 1957–1958 гг. значительно изменились: СО АН и НГУ уже функционировали, информация стала более формальной, отчетной, значительно реже публиковалась в центральной и Новосибирской печати. В то же время в 1961 г. начался выпуск еженедельной газеты «За науку в Сибири» как орган Президиума и Местного комитета профсоюза СО АН СССР. Здесь практически в каждом номере освещались события университетской жизни либо в виде новостных статей (об открытии новых лабораторий, присвоении званий, получении премий, именных стипендий, научных открытиях в стенах университета, летних экспедициях и т.д.) либо фактические сведения (данные по числу абитуриентов, выпускников, участников и победителей в студенческих конференциях, о работе стройотрядов и т.д.). Нерегулярно НГУ посвящались целые страницы под названиями: «студенческая страница», «университетская страница» и т.п. Необходимо подчеркнуть, что в ходе работы с газетными материалами потребовался критический подход, так как газетная публицистика и информационные сведения по нормам и установкам советского времени отражали преимущественно положительные моменты в становлении университета. Поэтому критика данного

источника на достоверность и тенденциозность осуществлялась при возможности путем сравнения газетной информации с делопроизводственной документацией НГУ и надзорных органов.

Другой ресурс средств массовой информации – киножурнал «Сибирь на экране», визуальный источник, в котором содержится информация об официальных и неформальных мероприятиях, университетской жизни. Он выделял Новосибирск и Новосибирскую область среди других сибирских городов, поскольку здесь была студия и редакция, отсюда руководили съемками. В других областях работали только корреспондентские пункты, присылавшие сюжеты в Новосибирск. Длительность одного выпуска киножурнала составляла 10 минут, его регулярно показывали в кинотеатрах перед игровым сеансом. В конце 1950-х–1960-х гг. был снят ряд выпусков с кратким освещением строительства и дальнейшей жизни Академгородка и университета, репортажей об ученых, приехавших работать в СО АН, культурных мероприятиях студенчества нового вуза. С соблюдением негласных правил пропагандистской кампании СССР, требующей доказательств правильности выбранного политического строя, выпуски носили официальный, ознакомительный характер, празднично и красноречиво представляя жизнь в научном городке, как достижение Советского Союза.

Подвид визуальных источников представлен стенной печатью НГУ – общеуниверситетская «Университетская жизнь» и факультетские газеты. Особое место среди студенческой стенной печати занимает стенгазета «Щелчок» (первая среди молодежных инициатив университета), выходившая в течение полутора лет (1959–1960 гг.) и не подвергавшаяся жесткому контролю со стороны администрации. «Щелчок» показывала быт и учебу через призму студенческого юмора, критические замечания авторов высвечивали реальные проблемы студенческой жизни в первые годы работы университета – отсутствие книг в библиотеках, плохо оборудованные лаборатории, невкусная еда, очереди в столовой, холод, грязь, отсутствие розеток, лампочек, урн, предметов

хозяйственного обихода, выдача мокрого постельного белья и многое другое. Тем не менее, внутриуниверситетские студенческие газеты и внешняя пресса не противоречили друг другу, излагая фактический материал, однако спорили в его подаче и эмоциональном окрасе.

Комплексное обращение к источникам, критика полноты, достоверности, тенденциозности, их сравнение и взаимопроверка, корректировка данных личных дел профессорско-преподавательского состава, фактического материала из периодической печати, социологических баз данных позволили расширить сферу исследования, сформировать определенную концепцию основания и становления НГУ, а также более наглядно представить механизм влияния государственной политики и «личного фактора» на этот процесс. Применение широкой совокупности имеющихся в распоряжении автора источников, несмотря на ряд объективных ограничений, позволяет достигнуть поставленной цели и решить соответствующие задачи.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1959 по 1968 гг. Нижняя граница обусловлена временем фактического открытия НГУ. При этом необходимо отметить важность 1957–1958 гг. – периода принятия решения и разработки принципов НГУ. Кроме того, некоторые задачи диссертационного исследования потребовали осуществить ретроспективное обращение к событиям более раннего времени для воссоздания развития науки и высшей школы, послужившего формированию научно-образовательного комплекса СО АН – НГУ. Верхняя граница определена достижением структурно-функциональных характеристик, определявших завершение процесса становления вуза по базовым признакам: создание институциональных основ, воспроизводство и пополнение научно-педагогических кадров, устойчивое развитие учебного процесса, возникновение студенческих инициатив, ставших впоследствии традициями, определявшими облик университетского сообщества. Таким образом, период 1959–1968 гг. представляется целостным с точки зрения поставленной цели.

Территориальные рамки исследования охватывают новосибирский Академгородок. При этом для характеристики общих процессов в развитии высшего образования в СССР и формировании ведущего звена профессорско-преподавательского состава НГУ до переезда в Новосибирск автор выходил за заявленные территориальные рамки.

Научная новизна работы заключается во введении в научный оборот новой ранее неизвестной информации о процессах становления институциональной основы экспериментального для отечественной высшей школы университета в новосибирском Академгородке благодаря применению комплекса методов и приемов извлечения данной информации из сформированной разнообразной источниковой базы. Выявлен и проанализирован корпус документов, позволивший впервые показать сложный процесс принятия и последующей реализации проекта создания Новосибирского университета. Рассмотрен механизм согласования межведомственных интересов и преодоления ряда противоречий между действиями властных управленческих, академических и образовательных структур на стадии становления НГУ. Становление НГУ вписано в контекст основ отечественной научно-образовательной системы как инновационный его компонент.

Благодаря просопографическому методу создана и проанализирована база данных, расширившая круг ранее известных в литературе акторов создания основ учебно-научного университетского комплекса. Анализ просопографической базы позволил выявить ряд тенденций в формировании профессорско-преподавательской университетской элиты. Указанный метод дал возможность зафиксировать «точки сборки», объединяющих деятельность данной группы ведущих ученых в предыдущие до СО АН десятилетия. Опираясь на тот же подход создана коллективная биография группы молодых ученых, сделавших успешную карьеру уже на базе созданного в 1959–1968 гг. научно-образовательного комплекса в новосибирском Академгородке.

Положения, выносимые на защиту:

1. Создание образовательно-исследовательского комплекса СО АН – НГУ явилось результативным сочетанием объективных потребностей формирования регионального компонента государственной научно-образовательной политики, также инициативы и готовности группы ведущих ученых реализовать данный проект.

2. Благодаря выстраиванию при кураторстве ЦК КПСС эффективного механизма межведомственных согласований сложились практики взаимовыгодного сотрудничества руководства НГУ, СО АН и союзного и республиканского МВ ССО в становлении институциональной основы университета.

3. На стадии организации в НГУ произошла адаптация «системы физтеха», но с ее модификацией на принципах создания экспериментальной модели, прообраза исследовательского университета. Этому способствовали также формирование в составе университета социально-гуманитарных структур, поощрение создания авторских учебных программ и преодоление технократического уклона в системе обучения. В изучаемый период университет стал приоритетным каналом пополнения институтов СО АН.

4. В создании и дальнейшем развитии НГУ решающую роль сыграли акторы (руководители университета, факультетов, кафедр), представленные выявленной общностью в 176 человек. Формирование кафедр происходило в соответствии с концепцией научного лидера в конкретной области исследований.

5. По характеру источников кадрового наполнения НГУ являлся также «молодым вузом»: на стадии становления доля молодых преподавателей среди почасовиков оставалась стабильно высокой, создавая для них эффективные условия профессиональной мобильности.

6. Студенческие социокультурные инициативы, ставшие впоследствии традициями (маевки, клубы по интересам и др.) осуществлялись первоначально «стихийно», благодаря энтузиазму молодежи, впоследствии успешные начинания

«осваивались» комсомольскими структурами и получали институциональное закрепление. Данные инициативы сыграли важную роль в формировании университетского сообщества.

Достоверность результатов диссертационной работы гарантирована репрезентативностью и информативностью привлеченных источников, их разнообразием в видовом отношении, корректностью использования примененных инструментов и методов, корреляцией авторских выводов с результатами ранее проведенных исследований по проблематике данного исследования.

Теоретическая значимость исследования. Работа соответствует современным требованиям исследования проблематики высшей школы, которые акцентируют интерес к истории становления и развития университетов и деятельности ее акторов. Теоретически обоснована значимость потенциала личных дел профессорско-преподавательского состава для складывания профессиональной корпоративной университетской идентичности. Диссертационное исследование раскрывает механизмы и динамику создания университетского научно-образовательного и социокультурного комплекса, показывает рабочие базовые институциональные характеристики его становления.

Практическая значимость работы состоит в возможности использования материалов исследования для экспертного анализа этапов становления интеграционных процессов науки и высшей школы в контексте целей и приоритетов современной отечественной государственной научно-образовательной политики. Примененные в работе методы исследования могут быть полезны при историческом изучении динамики становления региональной университетской сети позднесоветского периода, платформой для которой в последующие годы стала трансформация опыта Новосибирского университета.

Апробация результатов исследования. С отдельными результатами исследования автор выступал на следующих научных конференциях: на межрегиональной научно-практической конференции «Российская молодежь: от

комсомола к современным формам политической организации» (Новосибирск, 2018); на всероссийских молодежных научных конференциях с международным участием «Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых учёных» (Новосибирск, 2019), на Всероссийской научно-практической конференции, приуроченной к 100-летию Сибархива «Историко-архивное наследие Сибири в системе внутрисоссийских и международных коммуникаций» (Новосибирск, 2020), на IX Международном Сибирском историческом форуме, посвященном историко-культурному наследию народов Сибири и Дальнего Востока, (Красноярск, 2022).

Основные положения и выводы диссертационного исследования изложены в пяти статьях в журналах, рекомендованных ВАК: Советско-американский математический симпозиум 1963 года в Новосибирском государственном университете как научно - образовательное событие // Всеобщая история. – 2019. – № 4. – С. 23-30.; Новосибирский государственный университет - от идеи к реализации (1957–1959 гг.) // История науки и техники. – 2019. – № 7. – С. 3-10.; Актеры становления Новосибирского государственного университета (1959-1962): опыт просопографического анализа // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. – 2021. – № 4(40). – С. 26-41.; Предпосылки и условия для профессионального роста первых молодых ученых НГУ // Гуманитарные науки в Сибири. – 2022. – Т. 29, № 4. – С. 64-70.; «Строительство коммунизма» в Новосибирском государственном университете как ответ на решения XXII съезда КПСС // Исторический курьер. – 2023. – № 1(27). – С. 240-250.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Научно-образовательный контекст основания Новосибирского государственного университета

1.1. Тенденции развития высшего образования и науки в СССР к концу 1950-х гг.

Наука и образование относятся к числу важнейших детерминант развития общества, что требует тщательного изучения процессов их становления в парадигме советского политико-социального пространства. В рамках данной работы рассмотрена линия развития науки и высшей школы, отмечены важные исторические моменты, приведшие в организации Новосибирского государственного университета, который стал уникальным советским проектом, чей потенциал выражен в слиянии традиций и инноваций. Его открытие стало возможным на исторически сложившейся платформе национальной практики высшей школы и под влиянием социального запроса на его продукцию в условиях научно-технического прогресса и гонки вооружений на международной арене.

В начале XX в., в преддверии смены политического строя в России преобладали доиндустриальные либо раннеиндустриальные экономические технологии. В силу территориальной специфики и исторически сложившихся традиций, экономика страны базировалась на использовании массовой дешевой рабочей силы и добыче сырьевых ресурсов, что крайне негативно сказывалось на финансировании научных исследований. Государство не поддерживало развитие научной мысли, ставя в приоритет национальной стратегии совсем иные сферы экономического роста. Политика «покровительства наукам» в эпоху просвещения, выдвинувшая науку на новый уровень, осталась далеко в прошлом. Ни государство, ни частный бизнес не видели в научно-техническом секторе объект для крупного финансового инвестирования. Следует указать и на то, что ведущие секторы экономики России принадлежали иностранному капиталу. «Это касалось металлургической, нефтедобывающей, химической, машиностроительной и

некоторых других отраслей промышленности»¹²⁰. Соответственно, в структуре прав собственности доминировал импорт оборудования и технологий. Прохладные отношения между экономическим и научным секторами, отсутствие государственной поддержки негативно отозвались на научно-техническом развитии страны в целом, усилили ее отставание перед зарубежными странами в промышленной, технической и военной областях, что привело, в том числе и к поражению в русско-японской и первой мировой войнах.

В годы революции, гражданской войны и перестройки государственного режима образование и наука претерпевали крайне тяжелые перемены. В стране в целом упал уровень жизни на фоне перманентных политических, военных и социальных коллизий, тяжелейшего экономического кризиса, однако на научное сообщество также значительно повлияла смена государственной идеологии. Потеря устаревшего этоса науки в рамках Российской империалистической парадигмы, неопределенность во взаимодействии с новыми властями привело к массовой эмиграции ученых, носившей как добровольный, так и насильственный характер. В постреволюционной России актуальный облик научного сообщества сформировался и приобрел устойчивость после определения новой властью статуса науки как «одной из ключевых идеологем коммунистической доктрины»¹²¹ и важнейшего инструмента социально-экономического развития.

В 1920-е гг. стала восстанавливаться линия экономической и технологической модернизации страны, начатая на рубеже столетий и прерванная войной. В индустриальном секторе возобновилась политика импорта технологий и оборудования. Часто зарубежная техника нуждалась в адаптации, поэтому политика импорта продолжалась до тех пор, пока страна не столкнулась с политической изоляцией и ресурсными ограничениями, и не смогла эффективно использовать зарубежные знания и технологии. Отечественная наука получила свое признание среди властных структур и приобрела значительное место в

¹²⁰ Водичев Е. Г. Наука на востоке СССР в условиях индустриализационной парадигмы. Новосибирск, 2012. С. 7.

¹²¹ Там же.

государственной стратегии развития страны. Однако, отличительной особенностью нового взгляда на науку стала ее интерпретация в контексте марксистской доктрины. Само содержание принципов развития научного знания было заменено теоретиками большевизма с естественных, определяемых внутренней логикой развития на идеологические детерминанты. Научное знание стало подконтрольным, потеряло право на естественное развитие и механизмы эволюции. Государство, став главным заказчиком и потребителем научного знания, сделало его ведущей силой социального развития и получило возможность контролировать, направлять в политических интересах. Лейтмотивом стали звучать идеи об утилитарном подходе к науке: «Задачей науки должно являться не только изучение научной истины, не только развитие научных представлений о Вселенной» – указал в 1928 г. академик В. И. Вернадский – «ее задачей должно быть освоение научных истин и научного мировоззрения в их приложении к потребностям жизни. Наука не является самодовлеющей, независимой от мира сущностью – она есть создание мысли и жизни и от этой жизни не отделена»¹²². Соответственно поддержку обрело не научное знание в целом, а лишь те области, которые рассматривались властью как необходимые для решения задач модернизации. Постепенно технократические взгляды стали доминирующими, оформился утилитарный подход к науке, она стала рассматриваться через призму полезности в обществе: «Доминирующим стал лозунг «Наука на службу пролетариату», а научная теория стала «служанкой идеологии»¹²³.

К 1930-м. гг. наука окончательно потеряла свою автономию и организационную, и содержательную, сформировался феномен «идеологизированной» науки и, в наибольшей мере, воплотился в практику через сталинскую доктрину, выразившуюся в нацеленности на максимально быстрое и эффективное достижение лидерских позиций на международном уровне,

¹²² Вернадский В. И. О задачах и организации прикладной научной работы Академии наук СССР. Л., 1929. С. 3.

¹²³ Водичев Е. Г. Наука на востоке СССР в условиях индустриализационной парадигмы. Новосибирск, 2012. С. 11.

приведших внутри государства к серьезным социальным издержкам. Именно в этот исторический период советская научная политика окончательно зафиксировала фундаментальную концепцию организации и управления наукой, сформировала социальный институт науки, оформила границы его деятельности. В последующие периоды советской эпохи при соблюдении ключевых принципов, научная политика эволюционировала, отзываясь на требования военно-стратегического и социально-экономического контекста.

В 1950-х гг. в СССР сформировался новый этос науки, впитавший в себя особенности общественных и государственных ценностей, но также выработавший правила собственной профессиональной морали, самоопределяющие идеологемы. Проявиться в полной мере научному этосу позволили предшествующие в стране события, такие как победа в войне, первенство в военно-техническом оснащении на мировой арене, убедительные успехи в научно-техническом прогрессе, позволившие запустить космическую программу, что звучало в обществе как всемогущество «большой науки» и неоспоримость авторитета научных лидеров. Переход от сталинской эпохи к хрущевской «оттепели» крайне положительно сказался на социальном самочувствии научного сообщества и позволил открыто говорить о своих субкультурных ценностях. Первой несомненной ценностью был глубокий сциентизм, уверенность в безграничных возможностях науки как в технической, экономической, так и социальной областях. Идеинные коммунистические доктрины, ставящие науку инструментом технического прогресса и мобилизационной политики государства, наложили свой отпечаток, сделав научный сциентизм технократическим. Всеобщая математизация и технологизация научного знания глубоко проникла в мировоззрение ученых и стала показательным для своего времени распространенным стилем мышления. Следствием утверждения сциентизма в Советском Союзе оказалась высокая оценка социального предназначения ученых, как самим научным сообществом, так и обществом в целом.

Концентрация научной интеллигенции обнаруживала себя в локальных наукоградах, получивших свое масштабное развитие в период хрущевской оттепели. В рамках курса «Большой науки» в центральной части СССР стали возникать специализированные научные центры (Дубна, Обнинск, Крюково, Пущино)¹²⁴. Одновременно развивалась тенденция к деконцентрации высшей школы и научных центров под давлением изменявшихся экономических и социокультурных потребностей региона¹²⁵. Перестройка территориальной структуры науки, создание на периферии новых научно-технических структур объяснялось стремлением повысить устойчивость процесса разработки новых технологий и исключить монополизм в данной сфере, создание условий для максимального использования местных ресурсов стратегического сырья. Сибирский регион, в том числе, стал площадкой для строительства филиалов Академии наук. Одним из таких центров стал новосибирский Академгородок, где нашли свое отражение и коммунистические идеологемы и ценности научного сообщества. Историческая реконструкция становления научной региональной политики представляется необходимой в рамках данного исследования, поскольку именно в начальный период произошло становление ее институциональной основы и оформились ее доктринальные принципы, в числе которых отчетливо выявился тезис о переносе акцентов в развитии научного потенциала на восток. Пространственное развитие науки нашло свое развитие в регионализации, как объективной тенденции развития при переходе на современный этап научно-технического прогресса.

Региональная политика определяется диссертантом вслед за исследователями Е. Г. Водичевым и В. П. Квинтом как «подсистема единой общегосударственной научно-технической политики, отражающая учет в последней социально-экономических и природно-климатических условий региона; сочетающей общегосударственные и региональные интересы и

¹²⁴ Josephson P. *New Atlantis revisited: Akademgorodok, the Siberian city of science*. Princeton, 1997. XXII, 351 с.

¹²⁵ Водичев Е. Г. На периферии науки: вузы на востоке СССР в период «позднего сталинизма» // Исторический курьер: электрон. журн. 2020. № 1 (9). С. 92-104.

возможности; направленная на достижение социальных и экономических целей общества на основе эффективного использования ресурсов региона»¹²⁶. Советская научная политика деконцентрировала научный потенциал и сформировала региональные научные комплексы, с одной стороны, адаптированные к условиям региона, с другой, готовые решать общенаучные задачи. Советская научная политика предусматривала географическое расширение научной инфраструктуры, в первую очередь через «покорение» Сибири. В реалиях советского общества второй половины 1950-х–1960-х гг. два тезиса о «покорении науки» и «покорении Сибири» естественным образом слились в одну амальгаму»¹²⁷. Долгосрочные экономические стратегии были обращены к ускоренному промышленному освоению восточных территорий.

Наука в Сибири присутствовала и в имперское время в представительстве преимущественно Томского университета. С началом советской истории страны, Сибирь получила новый импульс научно-технического развития, однако вплоть до конца 1950-х гг. здесь отсутствовали механизмы региональной координации научных исследований. В рамках вертикальной системы управления наукой, регион подчинялся центру, что мешало взаимодействию между региональными научными учреждениями. Не существовало прямых региональных механизмов взаимодействия науки с производством и другими секторами экономики. Все решения принимались через Москву, что крайне тормозило выстраивание контактов различных ведомостей внутри регионов и приводило к потере времени и ресурсов.

Рубеж 1920-х–1930-х гг. в СССР ознаменовал политику оптимизации производства в том числе и в его более равномерном территориальном расположении. «Чрезмерная концентрация производства в центральных и западных районах правомерно рассматривалась как фактор, сдерживающий экономическое развитие, формирующий социально-политические диспропорции

¹²⁶ Водичев Е. Г. Наука на востоке СССР в условиях индустриализационной парадигмы. Новосибирск, 2012. С. 16-17; Квинт В. П. Управление научно-техническим прогрессом: региональный аспект. М., 1986. С. 96.

¹²⁷ Водичев Е. Г. Наука на востоке СССР в условиях индустриализационной парадигмы. Новосибирск, 2012. С. 329.

и создающий потенциальную угрозу национальной безопасности»¹²⁸. Урал и Западная Сибирь, как наиболее развитые экономические зоны рассматривались в первую очередь для размещения новой индустриальной базы. В 1920-е гг. был разработан Урало-Кузнецкий проект, целью которого стал подъем металлургической, химической, машиностроительной промышленности. Этот проект стал ведущим в модернизации восточных регионов СССР в 1920–1930-е гг. и опирался на сырьевые ресурсы железной руды и угля.

В пределах данного исследования следует остановиться на Западно-Сибирском филиале АН СССР (ЗСФАН), центром которого стал Новосибирск, как некая точка опоры для дальнейшей организации СО АН. Правительственное постановление от 21 октября 1943 г. о создании ЗСФАН укладывалось в формат практики 1930-х гг., когда регионализация науки связывалась с изучением производительных сил и результаты экспедиций по разведке и описанию месторождений в регионах. Исследовательская проблематика ЗСФАН была сформулирована следующим образом: «изучение ископаемого сырья данного региона с целью развития черной и цветной металлургии; организация эффективной добычи полезных ископаемых и разработка новых технологий извлечения сырья; выработка научных основ некоторых отраслей химической промышленности (углехимии, органического синтеза); изыскание инновационных путей и способов наиболее целесообразного использования громадных энергетических ресурсов и развития транспортных связей; изучение растительных богатств Западной Сибири и ее животного мира»¹²⁹.

С началом Великой Отечественной войны в Сибирские регионы были эвакуированы значительная часть производства, учреждения науки и культуры – это дало импульс к развитию науки и культуры в Западной и частично Восточной Сибири, где расположилось преимущественное большинство «перемещенных» предприятий. «Президиум Академии Наук обязал все научные учреждения

¹²⁸ Водичев Е. Г. Наука на востоке СССР в условиях индустриализационной парадигмы. Новосибирск, 2012. С. 22.

¹²⁹ Куперштох Н. А. Западно-сибирский филиал Академии наук СССР: проекты и реалии первой половины 20 в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 2 (28). С.37.

страны, вузы и НИУ по линии ВКВШ и отраслевых наркоматов перестроить тематику НИР с учетом военных нужд, ускорить получение результатов по исследованиям, тематикой которых была оборонная промышленность»¹³⁰. Приоритетными определялись направления оптимизационного и мобилизационного характера, направленные на добычу сырьевых ресурсов и производства военной продукции.

В Новосибирске такой комитет был создан в 1942 г., его возглавил академик, специалист в области механики и математики, один из организаторов ЦАГИ, С. А. Чаплыгин. В ряду его воспитанников в довоенный период числились С. А. Христианович и М. А. Лаврентьев. В Новосибирск ученый переехал как руководитель эвакуированных лабораторий ЦАГИ, на базе которых был создан его филиал. Местному комитету было указано создать аэродинамическую базу для производства самолетов и оказать помощь предприятиям в их производстве. ЦАГИ-2, наполненный московскими эвакуированными кадрами, успешно справлялся с поставленной задачей. «Аэродинамическая лаборатория стала первой ячейкой будущего Сибирского научно-исследовательского института авиации (СибНИА организован в 1946 г.)»¹³¹. Вероятно, одним из положительных пунктов для выбора места строительства нового научного центра, стал авторитет С. А. Чаплыгина, как учителя и научного руководителя будущих организаторов СО АН, другим – сформированная платформа для деятельности С. А. Христиановича, который именно в это время в ЦАГИ успешно занимался проблематикой повышения аэродинамических показателей военных самолетов¹³².

Академическое общество в военной время оказалась опорой кадрового наполнения первых академических подразделений в Новосибирске. Работа Комиссии и ее комитетов, «непосредственное руководящее участие в исследовательской работе выдающихся ученых страны определили приоритетные

¹³⁰ Куперштох Н. А. Западно-сибирский филиал Академии наук СССР: проекты и реалии первой половины 20 в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 2 (28). С.37.

¹³¹ Куперштох Н. А. Научно-образовательный потенциал Сибири в годы Великой Отечественной войны // Философия науки. № 1 (52), 2012 г. С.132-133.

¹³² Там же.

направления научных исследований ЗСФАН»¹³³. После окончания войны, с процессом реэвакуации ученых коллективов, перепрофилирование научных центров не произошло, следующее десятилетие первостепенные задачи звучали как изучение и добыча сырьевого ресурса.

Кардинальные перемены в Сибирском регионе начали происходить со второй половины 1950-х гг., благодаря оформлению идеи о создании Сибирского отделения Академии наук. Его организация положительно затронула все секторы науки, однако наиболее заметными они стали в академической сфере. новосибирский Академгородок в кратчайшие сроки стал одним из крупнейших в СССР комплексным центром, достигшим приоритетных позиций по ведущим направлениям науки на мировой арене. Опыт создания такого научного центра ускорил организацию Академгородков в других городах. Сибирское отделение получило полномочия создать свой правовой механизм, что обеспечило качественно новый уровень региональной координации научного сектора в Сибири и на Дальнем Востоке. Важнейшим импульсом к развитию региональной науки стала финансовая, информационная и кадровая поддержка СО АН. СО органично вписалось в вертикальную иерархию центра и региона, заняв свое промежуточное звено. После оформления своих механизмов взаимодействия новосибирский Академгородок начал создавать свою научную «периферию», таким образом содействуя воспроизводству организационной структуры региональной науки, гармонизируя на время ее парадигму развития.

В совокупности научная региональная политика увеличила научный потенциал восточных регионов. Ускоренные темпы второй половины 1940-х–начала 1960-х гг. приращения регионального потенциала качественно улучшили его инфраструктуру. Доминирующее место заняли научно-исследовательские институты, несколько сместилась ориентация отраслевых научных учреждений на производственную деятельность, значительно выросло количество учебных

¹³³ Куперштох Н. А. Научно-образовательный потенциал Сибири в годы Великой Отечественной войны // Философия науки. № 1 (52), 2012 г. С.132-133.

заведений в регионе. Однако, «темпы роста вузов значительно уступали развитию отраслевых и, тем более, академических НИУ. Более того, результаты исследования показали, что декларированный «курс на восток» для системы высших учебных заведений во многом остался на бумаге»¹³⁴. Те же проекты, которые были реализованы, часто оборачивались созданием недееспособных вузов, «балансирующих на грани жизни и смерти, с которым было совсем не до научных исследований»¹³⁵. При создании таких вузов часто упускался принцип региональной целесообразности. В целом ситуация в высшей школе не располагала к занятиям научной деятельностью: преподаватели были перегружены учебным процессом и вспомогательными бюрократическими обязанностями, не было оборудования, инфраструктурных возможностей. Сдвиг произошел в конце 1950-х гг. – в вузах появились научно-исследовательские секторы и лаборатории, стали формироваться научные школы. Примером успешности науки в стенах вуза стали Томский университет и Томский политехнический вуз.

Началом практической реализации индустриального вектора в рамках мобилизационной парадигмы стал старт первой советской пятилетки 1928 г. Ускоренная индустриализация проявила острую проблему с подготовкой квалифицированных кадров в различных областях экономики, что сделало становление обновленной системы высшего образования приоритетной задачей. Плановая экономика СССР устанавливала свои правила – первостепенной задачей для высшей школы становилась подготовка высококвалифицированных специалистов для решения практических задач, ускорение промышленности страны, в том числе новых ее отраслей, что в свою очередь диктовало необходимость реформирования подготовки кадров. В общей системе высшей школы первенство в развитии получили технические вузы, выпускающие специалистов с ярко выраженным практическим уклоном. «С начала 1930-х гг.

¹³⁴ Водичев Е. Г. Высшая школа в 1946-1950-е гг.: неосуществленный поворот к восточному сектору развития // Высшая школа в системе регионального научно-образовательного потенциала. Новосибирск, 2008. С. 67-68.

¹³⁵ Водичев Е. Г. Наука на востоке СССР в условиях индустриализационной парадигмы. Новосибирск, 2012. С. 332.

основными элементами структуры вузовской системы СССР становятся политехнические институты и отраслевые вузы, которых было подавляющее большинство»¹³⁶. В 1928 г. преимущественное большинство технических вузов была передана из Главпрофобра Наркомпроса в ведение новой организации, осуществляющей координацию деятельности технических вузов – Главвуз ВСНХ¹³⁷. В течении последующих нескольких лет оставшиеся действующих технических высших учебных заведений, что сблизило систему высшего образования с системой промышленного производства. В 1932 г. был создан Всесоюзный комитет по высшему техническому образованию (с 1936 г., Всесоюзный комитет по делам высшей школы), который существовал вплоть до 1946 г., когда система управления высшим образованием была кардинально преобразована вследствие чего возникло Министерство высшего образования СССР.

Вузовская реформа 1946 г. по расширению и урегулированию системы высшего образования повлекла за собой ряд преобразований. В целом, в стране за следующее десятилетие значительно выросло количество вузов, в том числе университетов: «Если в 1940 г. в стране было 29 университетов, то в 1959 их стало 40»¹³⁸. В 1950-е гг. росла как сеть региональных вузов, так и цифры приема в них студентов и выпуска специалистов: «В 1955 г. выпуск специалистов в вузах восточной части СССР превысил довоенный более чем в три раза и составил около 38 тыс. человек»¹³⁹. Для устранения негативных моментов развития высшего образования в 1946 г. были проведены решения Совета Министров СССР, на основании которых «срок обучения на исторических, филологических, экономических и географических факультетах увеличивался до пяти лет, а также было введено преподавание ряда дополнительных дисциплин, среди которых:

¹³⁶ Чуткерашвили Е. В. Кадры для науки. Специалисты высшей квалификации в СССР и в капиталистических странах. М., 1968. С. 78.

¹³⁷ Водичев Е. Г. Наука на востоке СССР в условиях индустриализационной парадигмы. Новосибирск, 2012. С. 24.

¹³⁸ Высшее образование в СССР: Статистический сборник / Центр. стат. упр. при Совете Министров СССР. М., 1961. С. 177.

¹³⁹ Корнилов Л. Л. Развитие сети вузов Западной Сибири в послевоенные годы // Вопросы истории и методологии науки: Сб. науч. тр. / Омский институт инженеров железнодорожного транспорта. Т. 129. Омск, 1971. С. 69.

всеобщая литература, международное право, история философии и т. д.»¹⁴⁰. Так, наряду с открытием новых учебных центров, преимущественно в региональных точках промышленного строительства Урала, Сибири, Дальнего Востока, осуществлялась и реорганизация ранее существовавших университетов, в частности, значительной модификации подверглись вузы Сибирского региона Томский государственный университет¹⁴¹ и Иркутский государственный университет¹⁴².

Одновременно с усилением централизованного государственного руководства сферой высшего образования осуществлялся и рост партийного контроля над ней, в том числе и в регионах. Вследствие этого к концу 1950-х гг. в структуре региональных органов власти в крупных городах, обладавших определенным научно-образовательным потенциалом, организовывались профильные отделы науки и учебных заведений, в частности, во всех обкомах и крайкомах Сибири¹⁴³.

Утилитарный подход к высшему профессиональному образованию позволил создать обширную сеть вузовской системы и развить из нее рабочий инструмент в условиях мобилизационной парадигмы во второй половине XX века: «Повсеместно создавались специализированные технические вузы, в том числе и на базе выведенных из прикладных факультетов университетов»¹⁴⁴. Такая политика отвечала на государственный запрос, требующий быстрого восстановления после второй мировой войны и прорыва научной мысли в оборонной отрасли в условиях «холодной войны». В мобилизационной системе, ориентированной на утилитарный сектор, «чистая» наука подвергалась жесткой

¹⁴⁰ Корнилов Л. Л. Развитие сети вузов Западной Сибири в послевоенные годы // Вопросы истории и методологии науки: Сб. науч. тр. / Омский институт инженеров железнодорожного транспорта. Т. 129. Омск, 1971. С.70.

¹⁴¹ Петров К. В. Профессорско-преподавательский состав Томского университета: 1945-начало 80-х гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2004. 22 с.

¹⁴² Казарин В. Н. Образование, наука и интеллигенция в Восточной Сибири (вторая половина 40-х - середина 60-х гг. XX в.). Иркутск, 1998. 292 с.

¹⁴³ Петрик В. В. Развитие высшей школы Сибири в конце 1950-х - начале 1990-х годов: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Кемерово, 2009. 54 с.

¹⁴⁴ Водичев Е. Г., Лисс Л. Ф., Узбекова Ю. И. Высшая школа в условиях системных трансформаций переходных эпох. Статья 2: Российская и американская модели // Вестник НГУ. Серия: История, филология, 2012. Т. 11. Вып. 8. С. 138.

критике «за отрыв от практики социалистического строительства», и фундаментальной науке требовалось доказывать ее функциональную значимость. С этим могли успешно справляться лишь ученые и коллективы, чьи достижения находились в авангарде мировой научной мысли. На периферии важность академических исследований доказать было затруднительно, поэтому наметившийся прирост НИИ в восточных регионах страны происходил благодаря прикладному сектору отраслевой науки, обслуживавшему оборонный комплекс.

Структурно высшая школа СССР, особенно в условиях сталинской эпохи, представляла собой подконтрольную модель, ориентированную на выполнение государственного заказа в условиях сформировавшейся мобилизационной доктрины. В соответствии с «типовым уставом высшего учебного заведения», утвержденным 5 сентября 1938 г.¹⁴⁵ была закреплена традиционная структура университета: возглавлял деятельность ректор, он же нес ответственность за работу и состояние вуза; непосредственное управление учебным, научным, хозяйственным и другими процессами осуществляли проректоры; за факультеты несли ответственность деканы, за кафедры – заведующие кафедрами. По традиции, связанной с академической свободой классических университетов, существовал «коллегиальный орган – ученый совет, который координировал основные направления научно-исследовательской, методической и учебно-воспитательной работы»¹⁴⁶. Тем не менее, он строго подчинялся партийному и государственному контролю. Поэтому в условиях жесткой зависимости вуза от государства так называемая академическая свобода проявлялась очень своеобразно и ограниченно, раскачиваясь от различных уровней либеральных послаблений до консервативно-охранительного и даже репрессивного курсов. Профессорско-преподавательский коллектив фактически состоял на государственной службе с выделяемыми штатными должностями и окладами.

¹⁴⁵ Вестник высшей школы. Орган Министерства высшего и среднего специального образования СССР. М., 1961. № 4. С. 4.

¹⁴⁶ Петрик В. В. Развитие высшей школы Сибири в конце 1950-х - начале 1990-х годов: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Кемерово, 2009. С. 52.

«Оттепель» в числе множества реформистских инициатив ознаменовалась и широкомасштабными планами преобразования научно-образовательного комплекса. Важной вехой стала организация республиканского Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР в 1959 г., позволившая расширить возможности развития региональной сети вузов. Широкая поддержка науки государством, как части «культы науки» не только создавала Академии наук возможность утвердить свое уникальное место в научном развитии страны, но и наделяла ее особым весом в иерархии выработки стратегических решений. «Культ науки» был инициирован послевоенными успехами в исследовании и развитии ядерного вооружения и укреплен достижениями в мирном использовании атомной энергии и в изучении космоса. Как отмечает И. С. Кузнецов, «в то время академическое сообщество обладало огромным авторитетом и оказывало немалое влияние на принятие государственных решений. Более того, АН СССР иной раз выступала в роли единственного оппонента высшей власти. Наиболее яркий пример – демарши ведущих ученых в защиту генетики»¹⁴⁷. Одновременно с этим масштабные научные открытия служили в том числе и идеологической кампании внутри страны и за рубежом, которая представляла их как достижения всего советского общества и правильности выбранного социологического пути. «Советский академик» представлялся как человек успешного социалистического будущего, человек реализованный в труде, герой в профессии, что при романтизации и героизации труда в Советском союзе, наделяло его весом и в обществе.

«Советский академик» был с одной стороны лидером научного направления, творцом науки, с другой – административным руководителем, директором института, что давало ему определенную власть в иерархическом советском бюрократическом аппарате. Этому способствовал расцвет идей автономии и самоуправления, которые развились в период «оттепели». Данный момент взаимодействия научного и политического мира принципиально важен в

¹⁴⁷ Кузнецов И. С. М. А. Лаврентьев и реформирование Академии наук // ЭКО, 2014, № 9 (483). С. 153.

понимании выстраивания диалога организаторов Сибирского отделения Академии наук и властных структур. Проект СО АН был поддержан первым секретарем ЦК КПСС Н. С. Хрущевым, планировавшим кардинально реформировать АН СССР путем ее разделения на несколько академий¹⁴⁸. Авторитетные в глазах партийного лидера личности академиков М. А. Лаврентьева, С. Л. Соболева, С. А. Христиановича решающим образом повлияли на положительное решение руководства страны об организации СО АН. Биографии основателей Нового научного центра под Новосибирском – это часть истории страны, отражающая глобальные перемены в образовании и науке в Российском, затем советском пространстве. Поэтому необходимо остановиться на их жизненном пути.

М. А. Лаврентьев родился в 1900 г. в г. Казани, в семье учителя математики, из дворянского рода, будущего профессора Казанского и Московского университетов, имевшего определенный вес в научном сообществе. Друг отца – академик Н. Н. Лузин в последствии стал научным наставником М. А. Лаврентьева в МГУ. «Лузинская модель взаимодействия «учитель-ученик» стала для Лаврентьева примером на всю жизнь»¹⁴⁹. После окончания аспирантуры МГУ в 1927 г., молодой ученый был избран членом Московского математического общества и командирован во Францию. Полгода, которое М. А. Лаврентьев работал в Париже стали решающими для закрепления международного сотрудничества и формирования представлений о ведении организационной деятельности в научных центрах: «Надо сделать как в Париже, а не как в академии наук. В Париже уже 100 лет заведен такой порядок, что академик представляет в понедельник доклад, а в следующий понедельник у

¹⁴⁸ Кузнецов И. С. М. А. Лаврентьев и реформирование Академии наук // ЭКО, 2014, № 9 (483). С. 156.

¹⁴⁹ Куперштох Н. А., Крайнева И. А. Их именами названы институты Новосибирского научного центра. Новосибирск, 2022. С. 56.

академика-секретаря Парижской академии уже лежит готовый набранный номер»¹⁵⁰.

С 1929 г. М. А. Лаврентьев поступил на работу в ЦАГИ, а в 1930-е гг., когда Математический институт им. В. А. Стеклова был переведен из Ленинграда в Москву, возглавил в нем отдел теории функций комплексного переменного. В 1939 г., на выборах в АН СССР, был выдвинут, но не избран в члены Академии. «В характеристике, подготовленной для управления кадров отмечалось два обстоятельства: Лаврентьев был беспартийным, а его теща – Вера Михайловна Данчакова, профессор биологии, проживала в США»¹⁵¹. Затем последовал новый этап жизни ученого – президент АН Украины А. А. Богомолец пригласил его возглавить Киевский институт математики. С началом войны институты Украины были эвакуированы в Уфу, где М. А. Лаврентьевым было дано теоретическое объяснение эффекта кумуляции и изобретен кумулятивный снаряд, способный пробивать танковую броню. «За вклад в оборону страны и создание новых технологий М. А. Лаврентьев был дважды удостоен Сталинской премии 1 степени. В 1950 г. М. А. Лаврентьев был избран академиком-секретарем отделения физико-математических наук АН СССР, возглавил Московский Институт точной механики и вычислительной техники, где совместно с С. А. Лебедевым реализовал проект по созданию БЭСМ»¹⁵². С 1953 г. началось участие академика в атомном проекте, в программе разработки тактических ядерных боеприпасов в Арзамасе-16. По возвращению в Москву, он стал организатором кафедры быстропротекающих процессов в МФТИ, а также опытного полигона в Орево.

К моменту принятия решения о создании нового научного центра в Сибири, М. А. Лаврентьев накопил обширный опыт в научной, организационной и педагогической сферах: вел исследовательские работы «в Центральном

¹⁵⁰ Сибирское отделение Российской академии наук: создание (1957–1961 годы). Сборник документов / сост. Е. Г. Водичев и С. Кузнецов, Л. И. Пыстина. Новосибирск, 2007. С. 53.

¹⁵¹ Куперштох Н. А., Крайнева И. А. Их именами названы институты Новосибирского научного центра. Новосибирск, 2022. С. 57.

¹⁵² Там же.

аэрогидродинамическом институте (ЦАГИ) им. Н. Е. Жуковского и Математическом институте им. В. А. Стеклова АН СССР; организационную и административную работу на посту вице-президента АН Украины и академика-секретаря отделения физико-математических наук АН СССР, директора Института математики на Украине и Института точной механики и вычислительной техники в Москве»¹⁵³; преподавательскую деятельность на посту профессора МГУ. К концу 1950-х гг. он имел статус ученого с мировым именем, высокий авторитет Академии наук и был вхож в кабинеты высокопоставленных чиновников. Так, о реализации замысла по созданию СО АН президент академии наук СССР А. Н. Несмеянов вспоминал: «академик М. А. Лаврентьев, бывший также академиком АН УССР и ранее живший в Киеве, по деятельности в АН Украины был знаком с Н. С. Хрущевым, и Хрущев принимал его в Кремле, когда Лаврентьев просил об этом». «Факт таков, что, когда состоялось решение о создании и строительстве Сибирского отделения, выделение денег на уже начатое строительство в Пущине свелось к минимуму, и дальнейшее строительство Пущина возобновилось лишь через несколько лет, по завершении строительства Новосибирского городка»¹⁵⁴. Сам М. А. Лаврентьев о своем замысле писал: «По возвращении в Москву я зашел к А. Н. Несмеянову и рассказал ему о своих планах»¹⁵⁵, «о новом центре был разговор и с министром Высшей школы Елютиным»¹⁵⁶.

Определяя меру влияния авторитета М. А. Лаврентьева на создание нового научного центра в Сибири, следует подчеркнуть наличие значительной поддержки со стороны партийно-государственного руководства СССР. «Осуществление грандиозного проекта – создание Города Науки в Сибири – стало возможным лишь в результате поддержки Н. С. Хрущева. С известной долей условности можно сказать, что М. А. Лаврентьев был фаворитом, и его рейтинг к

¹⁵³ Куперштох Н. А., Крайнева И. А. Их именами названы институты Новосибирского научного центра. Новосибирск, 2022. С. 52.

¹⁵⁴ Несмеянов А. Н. Без консультации с Академией наук. // Век Лаврентьева. Новосибирск, 2000. С. 200.

¹⁵⁵ Лаврентьев М. А. Опыты жизни. 50 лет в науке // Век Лаврентьева. Новосибирск, 2000. С. 153.

¹⁵⁶ Там же.

концу хрущевского правления достиг максимума»¹⁵⁷. Тем не менее реализация такого масштабного проекта не могла быть инициированной одним академиком, необходима была команда из ряда авторитетных лиц и поддерживающих их руководителей в различных структурах власти. В своих воспоминаниях М. А. Лаврентьев писал: «Начинать дело без широко известных ученых было невозможно; участие академиков С. А. Христиановича и С. Л. Соболева являлось условием, без которого предприятие по созданию нового научного центра было бы обречено на провал в самом начале»¹⁵⁸. Биографии академиков С. А. Христиановича и С. Л. Соболева дополняют картину преемственности в научных, профессорских кругах досоветского и советского времени, отражают реалии революционных лет и последующей ломки научно-образовательной структуры и ее восстановления, обращения к военным достижениям и атомному проекту в обстановке гонки вооружений.

С. А. Христианович родился в семье дворян-помещиков в Орловской губернии, в 1908 г. В годы гражданской войны остался сиротой, но был взят под опеку профессором Д. И. Иловайским – специалистом в области стратиграфии и палеонтологии мезозойских отложений, с 1922 года преподававшим в Московской горной академии. Прекрасному образованию будущего академика способствовали известные профессора: В. Л. Смирнов, Н. М. Гюнтер, и Н. Е. Кочин, и в 1930 г. он успешно окончил ЛГУ¹⁵⁹. Первые годы своего научного пути С. А. Христианович провел в Гидрологическом институте, где создал оригинальный метод расчета неустановившегося движения в каналах и реках. С началом научной карьеры началась и преподавательская деятельность в ЛГУ, Электротехническом институте, им. В. И. Ленина, Институте связи. В 1935 г. по открытию Московского математического института им. В. А. Стеклова, С. А. Христианович переехал в Москву для обучения в докторантуре к своему

¹⁵⁷ Кузнецов И. С. М. А. Лаврентьев и реформирование Академии наук // ЭКО, 2014, № 9 (483), С. 156.

¹⁵⁸ Российская академия наук. Сибирское отделение: Исторический очерк. Новосибирск, 2007. С. 127.

¹⁵⁹ Куперштох Н. А., Крайнева И. А. Их именами названы институты Новосибирского научного центра. Новосибирск, 2022. С. 56.

студенческому однокашнику С. Л. Соболеву. Значительный период в научном пути ученого связан с ЦАГИ, где он возглавлял институт аэродинамического направления с 1940 г. по 1953 г., и организовал ряд исследований по разработке технологий в области аэродинамики.

В годы ВОВ ученый занимался теоретическими и экспериментальными исследованиями увеличения скорости полета самолетов, модернизацией снарядов «катюш», повышением кучности стрельбы гвардейских реактивных минометов и многим другим, что вызывало дань уважения в научных и правительственных кругах, благодаря чему С. А. Христианович в 35 лет стал академиком АН СССР, его кандидатура рассматривалась в качестве возможных на роль президента Академии наук СССР. Также ученый был награжден званием лауреата Сталинской премии 1 степени. Одновременно С. А. Христианович работал над научными проблемами в институте нефти, где совместно со своими учениками выполнялись работы, имеющие важное значение для нефтедобывающей промышленности; в институте химической физики – проблемы атомного взрыва.

В 1946 г. в МГУ был создан новый физик-технический факультет, «выросший» позже в вуз для подготовки инженеров-физиков в области новой техники – МФТИ¹⁶⁰. «в Музее истории МФТИ хранится уникальная магнитофонная запись беседы с академиком С. А. Христиановичем, сделанная 9 июля 1984 г., в которой он вспоминает, что при формулировании идеи Высшей физико-технической школы им и его коллегами был использован не только опыт Петроградского физтеха, но и блестяще удавшийся опыт Парижской политехнической школы»¹⁶¹. Успешная реализация своего замысла подвела его к мысли о создании университета в комплексе СО АН. «В городке Сибирского отделения Академии наук под Новосибирском будет построен университет, базой для которого станут научно-исследовательские институты отделения. Новосибирский университет будет сравнительно невелик: он рассчитан на

¹⁶⁰ Куперштох Н. А., Крайнева И. А. Их именами названы институты Новосибирского научного центра. Новосибирск, 2022. С. 84-85.

¹⁶¹ Там же. С. 85.

обучение полутора тысяч студентов. Основной задачей его явится подготовка научных кадров и работников конструкторских бюро высшей квалификации»¹⁶² – сообщил он об этом в газетной заметке в декабре 1957 г.

Организационная деятельность на посту заместителя директора Института механики АН СССР, начальника лаборатории, научного руководителя по аэродинамике Центрального аэрогидродинамического института им. Н. Е. Жуковского, академика-секретаря отделения технических наук АН СССР и члена Президиума АН СССР помогла С. А. Христиановичу расширить опыт организатора науки. Педагогические навыки были приобретены академиком в ЛГУ, МГУ, МФТИ. Опыт исследовательской работы был пополнен работой в Институте химической физики и Институте нефти АН СССР¹⁶³.

В триаде организаторов СО АН значительную роль сыграл и С. Л. Соболев как яркий представитель академической интеллигенции, успешно решавший поставленные правительством перед ним научные задачи. Он родился в 1908 г., в Санкт-Петербурге в семье юриста, окончил ЛГУ в 1929 г., и уже через 4 года был избран членом-корреспондентом АН СССР, а возрасте 30 лет – академиком¹⁶⁴. В это время он разрабатывал теорию обобщённых функций и пространства в Сейсмологическом институте. Раннее признание в научном сообществе позволило молодому ученому возглавить Математический институт им. В. А. Стеклова в годы ВОВ. В период войны в эвакуированном в Казань институте он исследовал теоретические вопросы движения жидкости во вращающемся сосуде. В 1944 г. С. Л. Соболев был подключен к работе в атомном проекте, где его назначили заместителем начальника Лаборатории № 2 И. В. Курчатова¹⁶⁵. Решение проблемы обогащения урана, создание газовых центрифуг для сепарирования изотопических смесей, разработка уран-графитового атомного реактора, проектирование заводской установки для получения тяжелой воды, которая

¹⁶² Христианович С. А. Что такое сибирское отделение академии наук СССР // Советская Сибирь. 1957. С. 38.

¹⁶³ Куперштох Н. А., Крайнева И. А. Их именами названы институты Новосибирского научного центра. Новосибирск, 2022. С. 84.

¹⁶⁴ Там же.

¹⁶⁵ Архив НГУ Ф. 1848. Оп. 5. Д. 454. Л. 2.

использовалась в ядерных реакторах – только часть проектов, в которых участвовал С. Л. Соболев в годы работы в САП. Важно отметить, что он в ряду немногих ученых был допущен к разведанным атомного проекта, что указывает на высокий уровень доверия в нему высокопоставленных чиновников и лидеров науки.

С 1947 г. С. Л. Соболев был введен в состав Научно-технического совета Первого главного управления при Совете Министров СССР, стал принимать участие в заседаниях Совета, контролировать государственные испытания оборудования для заводов, расходы на строительство заводов, составлять годовые и ежеквартальные планы и отчеты. Также С. Л. Соболев был в составе Ученого Совета САП, где, как известно, что среди сотрудников СО АН «защиту прошли будущие академики Н. Н. Яненко (1954, докторская), Г. И. Будкер (1956, докторская), Г. И. Марчук (1957, докторская)»¹⁶⁶, и другие ученые. С 1935 г. Он являлся профессором МГУ, с 1952 возглавил кафедру вычислительной математики, сформировал ее преподавательский состав.

К моменту принятия решения о создании СО АН, С. Л. Соболев имел опыт заместителя начальника Лаборатории № 2 академика И. В. Курчатова, где вел большую научно-организационную, а также и педагогическую работу в МГУ, руководил одним из шести расчетно-математических бюро в САП, входил в состав Ученого совета, принимающего к защите кандидатские и докторские диссертации при САП. Участие С. Л. Соболева в оборонной программе СССР отмечено рядом правительственных наград. Опираясь на свой колоссальные компетенции в научной, педагогической и организационной практике С. Л. Соболев создал в новом научном центре Институт Математики мирового уровня и научную математическую школу в университете. Именно ему была поручена почетная миссия прочитать в НГУ первую лекцию – «28 сентября – день рождения университета, первую лекцию читает академик Соболев: «Товарищи,

¹⁶⁶ Куперштох Н. А., Крайнева И. А. Их именами названы институты Новосибирского научного центра. Новосибирск, 2022. С. 29.

прежде всего, разрешите поздравить вас с началом занятий в Новосибирском государственном университете. Мне как-то повезло, в 1953 году, когда открывалось новое здание Московского государственного университета на Ленинских горах, мне пришлось читать первую лекцию в этом здании. Сейчас не менее высокая честь выпала на мою долю – прочитать сегодня первую вступительную лекцию по высшей математике»¹⁶⁷.

Сквозь призму биографий академиков, получивших свой статус благодаря научным открытиям в области военной индустрии и воспользовавшихся им для создания нового научного центра под Новосибирском просматривается траектория развития советской науки в целом. Расцвет карьеры будущих организаторов СО АН пришелся на новый этап функционирования науки как социально-экономического института, так называемого «Большая наука», отличавшегося максимальной интегрированностью в производство и решающая экономические и политические задачи. Научные изыскания сконцентрировались на изучении атомной энергии и космоса, что требовала советско-американская «гонка вооружений». Атомный проект, объединивший ученых, инженеров, рабочих и политиков привел к развитию междисциплинарной интеграции естественно-научных дисциплин и одновременно сочетание их фундаментальных исследований с потребностями народного хозяйства (преимущественно военно-промышленного комплекса).

Теоретические работы по исследованию атома в Советском Союзе велись еще в довоенное время¹⁶⁸. В сфере ядерной физики, которая стала бурно развиваться после открытия нейтрона, СССР вошел в число передовых научных держав, несмотря на некоторое отставание от Германии, Англии, США и Франции. В 1937 г. в Государственном радиевом институте, в Ленинграде был пущен первый в Европе циклотрон под руководством Л. В. Мысовского и И. В. Курчатова. «В стране было четыре главных ядерных центра: Ленинградский

¹⁶⁷ Киножурнал «Сибирь на Экране». 1959. № 48, [Электронный ресурс] URL: <https://www.youtube.com/watch?v=rboA9aQXWg4> (дата обращения: 07.04.2023).

¹⁶⁸ Артемов Е. Т. Атомный проект в координатах сталинской экономики. М., 2017. 341 с.

физико-технический институт (ЛФТИ) и Государственный радиевый институт (ГРИ, позже РИАН) в Ленинграде, Физический институт АН СССР (ФИАН) в Москве и Украинский физико-технический институт (УФТИ) в Харькове»¹⁶⁹. Однако поворотным моментом стали атомные бомбардировки США Японии, что потребовало быстрого развертывания атомного проекта, ускорения темпов исследований. С этой целью была создана новая мощная и разветвлённая организационная структура, высшим руководящим органом которой стал Специальный комитет (сначала при ГКО, а затем при СНК), который возглавил Л. П. Берия¹⁷⁰, центральной стала проблема обогащения урана. Изначально ведущая роль в решении научных задач принадлежала Академии наук¹⁷¹, но с разветвлением проекта на «мирный» и «военный» некоторые из институтов и лабораторий вышли из состава АН СССР¹⁷².

Проект имел приоритетное финансирование и с развитием приобретал всё более промышленное измерение, требующее обширного кадрового ресурса. Соответственно, возник вопрос о подготовке специалистов и устранении дистанции между образованием и академической наукой. Необходимые кадры стали готовить в Ленинградском физико-техническом институте, Московском механическом институте, из которого «вырос» Московский инженерно-физический институт (МИФИ). На физфаке МГУ были созданы «отделение строения вещества», НИФИ-2 и физико-технический факультет, из которых впоследствии выросли НИИ ядерной физики при МГУ и Московский физико-технический институт в г. Долгопрудном – МФТИ. Помимо названных ещё 14 вузов страны готовили кадры для атомного проекта, в том числе ЛГУ, ХГУ, МЭИ, МВТУ, МХТИ и др.¹⁷³ Таким образом началось сближение академической науки и

¹⁶⁹ Визгин В.П. Уроки истории советского атомного проекта // Управление наукой: теория и практика. Т. 2 № 2. 2019. С. 148.

¹⁷⁰ Атомный проект СССР. Документы и материалы / Под общей ред. Л. Д. Рябева. Т. 2. Кн. 1. М., 1999, С. 11-13.

¹⁷¹ Артемов Е. Т. Научно-техническая политика в советской модели позднеиндустриальной модернизации. М., 2006. 256 с.

¹⁷² Визгин В. П. «Мирный атом» во время «холодной» войны // Вихревая динамика развития науки и техники. Россия. Саратов, 2018. С. 396–424.

¹⁷³ Визгин В. П. Уроки истории советского атомного проекта // Управление наукой: теория и практика. Т. 2 № 2. 2019. С. 157.

высшей школы и явственно проявилась трансляция знаний и опыта между поколениями в группе научно-технической интеллигенции. Указанный проект стал своего рода важной «точкой сборки», соединив жизненные траектории основной когорты ученых, в дальнейшем участвующей в организации СО АН и НГУ.

В целом, к концу 1950-х гг. советская практика сформировала устойчивые стимулы к развитию интеграции высшей школы и науки. «Она, при выявленных сложностях, выработала приемы и методы институционального и индивидуального характера, которые выводили ее результаты на мировой уровень»¹⁷⁴. Научные школы были стабильными и эффективными образованиями, существовали в разнообразных формах в зависимости от решаемых задач и потенциала лидеров. Наглядным тому примером явился Советский атомный проект (САП), давший стимул к становлению новых научных направлений, требующих масштабного притока новых кадров в научно-технологическую сферу.

В то же время региональные научные учреждения оставались слабо связаны между собой и с производством, разделены различными ведомствами, которые несмотря на инфраструктурные перестройки продолжали быть практически неизменными. Совокупность региональных научных структур не была единым комплексом и лишь оставалась сетью учреждений в местах концентрации тех или иных исследовательских, научно-технических точек обеспечения потребностей региона. Объективная тенденция к регионализации науки получила наиболее осязаемый импульс именно в хрущевскую «оттепель» через создание СО АН СССР. Организация Сибирского отделения стала несомненным, однако единственным на тот момент результативным прорывом в развитии научной региональной политики. Другие попытки развить региональную систему координации науки оказались заторможенными. Причиной этому стала подконтрольность науки политикой, централизованная, иерархичная система

¹⁷⁴ Крайнева И. А. Научное наследие советских ученых в электронных архивах СО РАН. Новосибирск, 2018. С. 35.

управления, при неизменности которой импульсы реформирования оказывались поверхностными, «косметическими» и не решали назревших проблем. В период «оттепели» несомненные сдвиги к укреплению потенциала региональной науки и децентрализации научной инфраструктуры столкнулись с теми же обстоятельствами внешней регуляции научно-технической деятельности, не имевшей перспектив роста. Жесткий централизованный индустриальный сценарий авторитарного советского общества, сохраняющаяся с начала 1930-х гг. модель взаимодействия власти, экономики и науки все более становилась недееспособной и отставала от веяний новой эпохи¹⁷⁵.

1.2. Основание НГУ: от идеи к реализации

НГУ был создан как часть комплексного проекта нового Новосибирского научного центра с целью решения кадрового вопроса. Как отмечено в Положении об университете от 10 октября 1957 г., подписанном академиком М. А. Лаврентьевым: «Университет готовит научных сотрудников для научно-исследовательских институтов Академии наук СССР, в первую очередь для научных учреждений Сибирского отделения АН СССР»¹⁷⁶. Для реализации этой образовательной части программы было необходимо осуществить основную задачу – запустить процесс создания самого Сибирского отделения по линии согласования правительственных учреждений, доказав необходимость его организации. Ведь на территории за Уралом уже функционировали Западно- и Восточно-Сибирский, Дальневосточный и Якутский филиалы Академии наук. Организованные в военное и первое послевоенное время, к середине 1950-х гг. они слабо отвечали запросу времени форсированного индустриального освоения востока России. «К 1956 г. в Западной Сибири работало лишь 3,2 % от общего количества всех научно-исследовательских учреждений АН СССР и 4,6 % всех

¹⁷⁵ Водичев Е. Г. Наука на востоке СССР в условиях индустриализационной парадигмы. Новосибирск, 2012. С. 335-336.

¹⁷⁶ НАСО Ф.10. Оп. 3. Д. 1. Л. 36.

академических научно-исследовательских институтов. В восточной Сибири, включая Якутию, соответственно 4,8 % НИУ и 4,6 % НИИ»¹⁷⁷.

Специфика филиалов АН в Сибири состояла в очевидном крене от фундаментальных исследований к прикладным работам региональной ориентации. Фактически их функцией была поддержка отраслевых учреждений, соответственно, различия между академическими и отраслевыми учреждениями были преимущественно номинальными. «Основной вклад филиалов в науку заключался в «инвентаризации» природных ресурсов и потенциала для развития производительных сил восточных регионов страны»¹⁷⁸. Кроме того академические учреждения, имевшие в своем составе наиболее квалифицированные кадры, острее ощутили на себе тенденцию, выявившуюся к 1950-м гг. – отток научной элиты из Сибири, который был вызван «замедлением развития материально-технической базы филиалов АН СССР в Сибири, а также процессами реэвакуации»¹⁷⁹. Такая, в некотором роде неблагоприятная ситуация способствовала продвижению идей о реорганизации научных центров в Сибири под общим знаменателем Сибирского отделения.

Поэтапно продвижение проекта СО АН проходило в достаточно короткие сроки. Первые контуры плана реформирования территориального размещения научно потенциала страны с вектором движения на восток были предложены в совместной статье М. А. Лаврентьева, С. А. Христиановича и С. А. Лебедева «Назревшие задачи организации научной работы», опубликованной в газете «Правда» 14 февраля 1956 г. Публикация статьи вполне лежала в русле начавшегося публичного обсуждения новых проектов развития страны, совпавшего с работой XX съезда КПСС. Высказывания видных советских ученых приобретали тем самым весомость и актуальность значения науки для развития экономического потенциала страны. Освещение в важнейшем органе СМИ идеи научного сопровождения экономики путем более оптимального территориального

¹⁷⁷ Водичев Е. Г. Наука на востоке СССР в условиях индустриализационной парадигмы. Новосибирск, 2012. С. 148.

¹⁷⁸ Там же. С. 146.

¹⁷⁹ Там же.

размещения НИУ открывало каналы взаимодействия ученых с центральным партийно-правительственным аппаратом.

В течение последующих месяцев осуществлялась работа инициаторов идеи деконцентрации научного потенциала по усилению ее аргументации для высшей бюрократии страны. Следующим рубежом в ее продвижении стала докладная записка М. А. Лаврентьева и С. А. Христиановича, от 8 декабря 1956 г., направленная Н. С. Хрущеву. В ней ученые отталкивались уже от принципиального решения XX съезда партии о создании в восточных районах мощной индустриальной базы с учетом размещения там и соответствующего научного обеспечения. Однако данный аргумент прозвучал в записке в сопровождении не менее весомого геополитического аргумента: «В настоящее время основные научные силы по всем разделам науки сосредоточены в Москве; по некоторым разделам науки (из важнейшим для новой техники) все работы сосредоточены в Москве. Такое положение с точки зрения развития науки, связи науки с техникой, подготовки научных кадров не рационально; в случае военной ситуации такое положение крайне опасно»¹⁸⁰. В той же записке выдвигались конкретные предложения, основным из которых предлагалось создать в Сибири Академию наук Российской Федерации, а также усилить сеть восточных вузов путем перевода из Москвы отдельных вузов, части профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов¹⁸¹.

Следует отметить, что в предложенном варианте представлен первоначально другой алгоритм решения кадровой проблемы для нового научного центра за счет перемещения части квалицированного вузовского потенциала в восточные регионы без прямой увязки с тем, чтобы создавать новый вуз в структуре отделения АН СССР. В контексте изучения динамики прохождения записки по иерархическим ступеням важно, что она попала из секретариата Н. С. Хрущева в отдел науки, вузов и школ ЦК 18 декабря на

¹⁸⁰ Сибирское отделение Российской Академии наук: создание (1957 – 1961 годы). Сборник документов / сост. Е. Г. Водичев, И. С. Кузнецов, Л. И. Пыстина. Новосибирск, 2007. С. 18.

¹⁸¹ Там же.

заклучение руководителей отдела по ней. 30 декабря 1956 г. два работника Отдела В. Кириллин и Н. Казьмин в подготовленном для партийного руководства ответе солидаризировались с основной идеей записки академиков, предварительно согласовав вопрос с секретарем Новосибирского обкома партии Б. И. Дерюгиным о целесообразности строительства нового академического центра в районе Новосибирска¹⁸². В последующем конкретизация идеи создания нового центра академической науки прорабатывалась в рамках созданной партийно-государственной комиссии под председательством секретаря ЦК П. Н. Поспелова комиссии. В сформулированных ею предложениях от 28 февраля 1957 г. основной упор делался на аспектах формирования Сибирского отделения. Что касалось вузовского вопроса, то он формулировался не столь четко, возможно потому, что еще обсуждались различные варианты и достаточно традиционно: «Поручить Министерству высшего образования СССР в месячный срок внести предложение о расширении подготовки специалистов в сибирских высших учебных заведениях в связи с использованием для этой цели ведущих ученых Академии наук СССР, переезжающих на восток»¹⁸³.

В феврале того же года академики - инициаторы выступили на ежегодном общем собрании Академии наук с предложением об организации нового научного центра. Президиум АН поддержал выдвинутую идею: «Заслуживает внимания предложение академиков М. А. Лаврентьева и С. А. Христиановича о создании в Сибири большого научного центра АН, в котором они выразили желание работать. Президиум АН уверен, что и другие ученые последуют этому патриотическому примеру»¹⁸⁴. Последующая работа по продвижению создания СО АН была передана в подготовительный комитет, в составе: «т. т. Лаврентьева,

¹⁸² Сибирское отделение Российской Академии наук: создание (1957 – 1961 годы). Сборник документов / сост. Е. Г. Водичев, И. С. Кузнецов, Л. И. Пыстина. Новосибирск, 2007. С. 19-20.

¹⁸³ Там же. С. 26.

¹⁸⁴ Российская академия наук. Сибирское отделение: Исторический очерк. Новосибирск, 2007. С. 130.

Христиановича, Соболева, Боголюбова, Топчиева, Дерюгина, Кобелева, Жимерина, Силуянова, Посконова, Казьмина, Кириллина¹⁸⁵.

4 мая 1957 г. на расширенное заседание ЦК КПСС, посвященное созданию нового Сибирского научного центра, были приглашены первые секретари обкомов и известные ученые Сибирских и восточных регионов страны, ведь Сибирское отделение должно было объединить филиалы Академии наук и стать главным научным центром за Уралом¹⁸⁶. К этому моменту в Западной Сибири академические учреждения концентрировались в Новосибирске. «В Восточной - конфигурация академической науки была более дисперсной и центры академической науки равномернее распределялись по территории региона»¹⁸⁷. Основным докладом был зачитан М. А. Лаврентьевым, результатом стало поручение о подготовке постановления об организации Сибирского отделения. Именно на этом заседании была озвучена идея основания нового университета как части единого научно-образовательного проекта. Однако не обошлось без дискуссии.

В выступлении профессора А. А. Воробьева, руководителя Томского политехнического института была сделана очередная попытка обыграть вопрос о создании центра с дислокацией в Томске, или, как минимум, создать еще один научно – образовательный комплекс, обыгрывая необходимость именно такого соединения, для которого в Томске могли быть даже более на тот момент конкурентные с Новосибирском условия: « Я бы высказался за создание крупного центра, или главной части этого центра, солидной его части , около г. Томска, где имеется наиболее крупный научный центр с большими результатами в области исследовательской деятельности. [...] создается такое странное положение, что мы не используем имеющиеся научные центры [...] и в то же время будем воздвигать новый научный центр. Это приведет к тому, что мы из Томска возьмем много научных работников и разрушим существующий научный центр. А ведь не

¹⁸⁵ РГАНИ Ф. 3. Оп. 12. Д. 204. Л. 69.

¹⁸⁶ Сибирское отделение Российской академии наук: создание (1957–1961 годы). Сборник документов / сост. Е. Г. Водичев, И. С. Кузнецов, Л. И. Пыстина. Новосибирск, 2007. С. 57.

¹⁸⁷ Водичев Е. Г. Наука на востоке СССР в условиях индустриализационной парадигмы. Новосибирск, 2012. С. 146.

это лежит в основе этого патриотического начинания. [...]. Если такой научный центр будет создаваться в удалении от существующих высших учебных заведений Сибири, то естественно встанет вопрос о создании соответствующих высших учебных заведений вблизи этого центра»¹⁸⁸. Как следует из основного посыла выступления лидера томской профессуры, то он предлагал базироваться в принципиальном решении проблемы на томском потенциале высшей школы, либо претендуя на формирование в Томске второго, параллельного Новосибирску центра, хотя либо Воробьев не знал, либо пытался повлиять на уже фактически принятое по рекомендации М. А. Лаврентьева и С. А. Христиановича решение о создании второго центра в Иркутске для Восточно-Сибирского региона.

Выступивший следом за ним председатель Западно-Сибирского филиала профессор Т. Ф. Горбачев в вопросе о том, как новый центр в Новосибирске в перспективе будет влиять на вузы региона, и не будучи, вероятно, посвященным в замыслы М. А. Лаврентьева и С. А. Христиановича, неожиданно поддержал А. А. Воробьева: «В Новосибирске нет университета и вряд ли в Новосибирске полезно создавать университет параллельно с Томским, существующим и себя прекрасно зарекомендовавшим. Это привело бы к тому, что Томский университет должен быть ослаблен в очень сильной степени. Нет оснований строить и другие, параллельные Томским, высшие учебные заведения, зарекомендовавшие себя достаточно удовлетворительно в прошлом и имеющие право на существование»¹⁸⁹.

Полемика вокруг данного вопроса о возможностях изменения территориальной сети университетов в Сибири приобрела новый поворот с выступлением главы красноярских физиков, известного ученого Л. В. Киренского, который не только поддержал идею с необходимостью создания университета в Новосибирске, но и принципиально решать вопросы насыщения Сибири университетами: «Мне кажется, что если в Новосибирск

¹⁸⁸ Сибирское отделение Российской академии наук: создание (1957 – 1961 годы). Сборник документов / сост. Е. Г. Водичев, И. С. Кузнецов, Л. И. Пыстина. Новосибирск, 2007. С. 40.

¹⁸⁹ Там же.

приедет большая группа ученых, то организация Новосибирского университета будет желательна, она не будет мешать»¹⁹⁰. – завершил Л. В. Киренский свое выступление предложением создать со временем один из новых университетов и в Красноярске.

Выступивший в заключении дискуссии М. А. Лаврентьев проявил осторожность говоря о новых механизмах взаимоотношения между академическими и учреждениями нового центра и вузами. Как показательный пример успешного решения этой проблемы М. А. Лаврентьев привел опыт МФТИ: «Обучение в этом институте происходит в два этапа. Один этап – лекции читаются в самом учебном заведении, а практика и все специальные курсы читаются в базовых институтах, в тех институтах, которые будут брать этих людей к себе. Этот опыт полностью себя оправдал»¹⁹¹. Организатор Сибирского отделения понимал необходимость кадрового наполнения нового научного центра, но дипломатично предложил «мягкий» вариант решения, облекая его в модель, при которой новые академические институты в Новосибирске могут принимать к себе на стажировку наиболее сильных студентов из вузов Западной Сибири для того, чтобы они с 3-го курса могли проходить практику на базе вновь создаваемых институтов Сибирского отделения¹⁹².

Принципиально важным в данном совещании под председательством П. Н. Поспелова являлся не столько вопрос, о том, быть или не быть новому академическому отделению в Сибири с размещением его около Новосибирска, поскольку все присутствовавшие представители вузов и отраслевых институтов Сибири понимали, что вопрос уже принципиально решен. Цель состояла в том, чтобы продемонстрировать солидарность периферийных руководителей с «патриотической инициативой» М. А. Лаврентьева и С. А. Христиановича (с это начинали свои выступления многие). Сами академики понимали определенную

¹⁹⁰ Сибирское отделение Российской академии наук: создание (1957–1961 годы). Сборник документов / сост. Е. Г. Водичев, И. С. Кузнецов, Л. И. Пыстина. Новосибирск, 2007. С. 48.

¹⁹¹ Сибирское отделение Российской академии наук: создание (1957–1961 годы). Сборник документов / сост. Е. Г. Водичев, И. С. Кузнецов, Л. И. Пыстина. Новосибирск, 2007. С. 56.

¹⁹² Там же. С. 57.

ревность и обиду руководителей сибирских вузов, ресурсы для развития которых Центр отпускал далеко не в требуемой мере. Отсюда и определенная осторожность в их выступлениях относительно перспективы создания университета в Новосибирске. За них это убедительно сделал Л. В. Киренский (Красноярск).

Примечательно здесь то, что в последующем стратегически создание НГУ действительно послужило толчком для развития сети университетов Сибири при активнейшей поддержке преподавательского потенциала НГУ, а также и тактически, когда сработала идея М. А. Лаврентьева о переводе во вновь созданный университет студентов из других вузов как для завершения учебы на старших курсах, так и для проведения преддипломной практики в институтах отделения.

Исходя из вышесказанного следует, что сам период времени от заявки М. А. Лаврентьева и С. А. Христиановича в высшее руководство страны о создании Сибирского отделения (декабрь 1956 г.) до выхода официального государственного постановления (18 мая 1957 г.) занял собой полгода интенсивных согласований самого проекта. При этом, как указывалось ранее, основатели отделения, имевшие значительный опыт участия в разработке государственных программ в сфере науки, техники и образования понимали, что первоочередной задачей являлось достичь решения о создании отделения, и затем уже добиваться постановки вопроса о подготовке кадров для науки. При этом весьма удачным тактическим шагом оказалось то, что вопрос о создании университета в Новосибирске на совещании 4 мая 1957 г. у секретаря ЦК П. Н. Поспелова поднимался и обсуждался представителями вузов самой Сибири.

Датой основания Сибирского отделения принято считать 18 мая 1957 г. – день выхода постановления Совета Министров СССР «О создании Сибирского отделения Академии наук СССР», в котором практически дословно повторялся текст постановления ранее принятого тем же днем на заседании Президиума ЦК, где указывалось: «Организовать Сибирское отделение Академии наук СССР и

построить для него научный городок в районе города Новосибирска, помещения для научных учреждений и благоустроенные жилые дома для сотрудников в районах Сибири и Дальнего Востока... Определить основной задачей Сибирского отделения Академии наук всемерное развитие теоретических и экспериментальных исследований в области физико-технических, естественных и экономических наук, направленных на решение важнейших научных проблем и проблем, способствующих наиболее успешному развитию производительных сил Сибири и Дальнего Востока»¹⁹³. На данном этапе институирования создания СО АН вопрос об открытии университета в Новосибирске как донора кадров для СО АН отсутствовал. Вузовский аспект в постановлении был представлен в традиционной, бюрократической постановке о поручении Минвузу страны рассмотреть вопрос о переводе ряда вузов Москвы и Ленинграда в восточные регионы России. В то же время, поскольку такого рода директивные решения Центра ранее обычно не имели успеха, то в сложившихся условиях идея создания в Новосибирске нового вуза с нуля оказывалась более практичной.

Далее для руководства нового отделения начиналось решение более частных, рутинных вопросов: кадровых, финансовых, строительных. Создавалось строительное управление¹⁹⁴, высылались приглашения ведущим ученым с предложением об участии в налаживании научного процесса¹⁹⁵. Среди прочих в партийно- правительственных верхах началась проработка вопроса об организации университета в г. Новосибирске. Здесь также в формате бюрократических технологий требовалось, чтобы данная инициатива исходила от низовой партийной структуры. Так, вероятно в двадцатых числах июля 1957 г. Новосибирский обком КПСС ходатайствовал об организации НГУ перед Министерством Высшего образования СССР (датировку установить не удалось, поскольку само письмо не обнаружено, но именно на него ссылался в дальнейшем

¹⁹³ Сибирское отделение Российской академии наук: создание (1957–1961 годы). Сборник документов / сост. Е. Г. Водичев, И. С. Кузнецов, Л. И. Пыстина. Новосибирск, 2007. С. 63.

¹⁹⁴ Крайнева И. А. Научное наследие советских ученых в электронных архивах СО РАН. Новосибирск, 2018. 385 с.

¹⁹⁵ Кочина П. Я. Воспоминания. М., 1974. С. 163.

министр высшего и среднего образования В. П. Елютин в своем письме от 31 июля в ЦК партии о поддержке министерством организации Новосибирского университета¹⁹⁶). В результате последовательных действий положительный отклик на выдвинутую идею поступил в ЦК не только от центрального Министерства, но и 12 августа от зам. председателя Оргкомитета СО АН С. А. Христиановича¹⁹⁷, а также от отдела науки, вузов и школ ЦК КПСС¹⁹⁸. Этот этап документооборота стал отправной точкой для НГУ, поскольку далее начался путь его институирования как отдельной, самостоятельной единицы, хотя и обязанной своим рождением Сибирскому отделению.

Следующей вехой на пути к реализации идеи о создании университета в составе СО АН стало решение Секретариата ЦК КПСС от 4 сентября 1957 г. о необходимости подготовки постановления о создании НГУ¹⁹⁹. Ввиду его важности, приведем данный текст целиком:

«1. Принять предложение Министерства высшего образования СССР, Новосибирского обкома КПСС и Оргкомитета Сибирского отделения Академии наук СССР об организации в 1959 г. Новосибирского государственного университета. Строительство Новосибирского университета включить в комплекс зданий, строящихся для Сибирского отделения АН СССР, за счет ассигнований, выделенных Академии наук на эти цели.

2. Поручить Совету Министров РСФСР совместно с Министерством высшего образования СССР в двухнедельный срок внести в Совет Министров СССР соответствующие предложения».

Обращает на себя внимание момент, связанный с тем, что сроком организации, или реального открытия НГУ как действующего университета назван 1959 год, то есть на это отводился временной лаг в два года от решения Секретариата ЦК партии. Здесь принималось во внимание то, что открывать

¹⁹⁶ Новосибирский государственный университет: создание, становление, развитие (1959–2019) / Н. Н. Аблажей, С. А. Красильников, Е. Г. Водичев. Новосибирск, 2019. С. 13.

¹⁹⁷ РГАНИ Ф. 4. Оп. 16. Д. 376. Л. 115.

¹⁹⁸ Там же. Л. 113.

¹⁹⁹ РГАНИ Ф. 4. Оп. 16. Д. 376. Л. 112.

университет можно было только после создания хотя бы первичной научной и жилищно-бытовой инфраструктуры Академгородка, что оказывалось разумным.

Отметим также, что партийное руководство воспринимало идею интеграции отделения и будущего университета в связке с решением инфраструктурных аспектов, требовавших санкции «сверху». Так, при рассмотрении на заседании Президиума ЦК партии от 25 октября 1957 г. при рассмотрении вопроса о сохранении за учеными, переезжавшими из Центра в Сибирь жилплощади: «[...] забронировать на 1957 и 1958 годы квартиры за сотрудниками Сибирского отделения АН СССР и Новосибирского государственного университета, выезжающими из Москвы и Ленинграда на работу в Сибирь и Дальний Восток»²⁰⁰.

С этого момента реализация проекта в жизнь перешла на протяжении нескольких месяцев до начала 1958 г. в несколько форматов, первый из которых разрабатывался и обсуждался в кругу самих ученых, а другой состоял в бюрократических согласованиях внутри партийно-государственных структур, где проектировки руководства отделения, как правило, представлял и отстаивал М. А. Лаврентьев.

Первый проект структуры будущего университета обсуждался на заседании Ученого Совета СО АН 10 октября 1957 года в Москве²⁰¹. Лейтмотивом шла идея о необходимости опереться на опыт МФТИ. «Новосибирский государственный университет предполагается организовать на те же основах, что и Московский физико-технический институт»²⁰² – идет первой строкой в протоколе заседания ученого совета СО АН. Основной докладчик «физтеховец», профессор Д. Ю. Панов вновь обозначил идею переноса базовых положений нового университета из МФТИ. Очевидно, что приглашение Д. Ю. Панова в качестве эксперта определялось несколькими обстоятельствами: он являлся одним из

²⁰⁰ Сибирское отделение Российской академии наук: создание (1957–1961 годы). Сборник документов / сост. Е. Г. Водичев, И. С. Кузнецов, Л. И. Пыстина. Новосибирск, 2007. С. 98.

²⁰¹ НАСО Ф. 10. Оп. 3. Д. 1. Л. 5.

²⁰² Там же.

руководителей Физтеха на протяжении ряда лет, был близким соратником С. А. Христиановича. Кроме того, во время войны был руководителем части ЦАГИ, эвакуированной в Новосибирск, возглавлял Новосибирский комитет ученых того периода времени и мог потенциально стать, в случае переезда вместе с С. А. Христиановичем в Новосибирск, связующим звеном между руководством отделения и местными органами власти. Однако данный вариант остался гипотетическим, поскольку сам Д. Ю. Панов в 1957 г. уже серьезно болел и мог выполнять только полезные экспертные функции.

Именно на этапе согласования проекта структуры четко прослеживалась линия преемственности и разграничений между переносом «системы физтеха» и самобытностью нового вуза. Сложный вопрос, требующий отдельного раскрытия – интеграция одной вузовской модели в другую. Практически во всех официальных высказываниях за отстаивание открытия нового вуза проводилась параллель между МФТИ и НГУ, однако его организаторам необходимо было отразить технологию такого переноса.

Трансфер модели МФТИ на сибирскую академическую почву предлагалось осуществить двумя путями – творческим заимствованием успешно апробированных Физтехом принципов и технологий симбиоза науки и образования с целью подготовки кадров специалистов для работы в инновационных сферах науки и техники и наличием «критического ядра» преподавательских кадров из числа тех, кто еще до переезда в Сибирь развивал эти принципы, работая в самом МФТИ. При этом следовало учитывать, что сама «матрица» научно-образовательного симбиоза требовала определенных условий, в том числе наделяния НГУ рядом преференций, которыми ранее в виде исключения наделялся Физтех: возможность перевода талантливых студентов из других вузов, более ранние сроки приемных экзаменов для абитуриентов, широкое привлечение ученых к преподаванию вне имевшихся нормативных практик для совместительства в вузах и др. Начало отстаивания этих преференций было положено уже в первом обсуждавшемся в бюрократических кругах проекте

«Об организации Новосибирского государственного университета» от 28 октября 1957 г.²⁰³, но борьба за них заняла несколько последующих лет.

Корректировка интеграции НГУ и СО АН была одной из принципиальных задач при разработке проекта. Академия наук и Министерство высшего образования вступили в диалог для выработки позиций в этом вопросе. А. Н. Несмеянов, президент АН СССР направил письмо с представлением проекта В. П. Елютину, министру высшего образования²⁰⁴. Для его реализации выявилась необходимость координации финансирования, во-первых, с Госпланом СССР – для внесения строительства университета в общий объем строительно-монтажных работ Академгородка; во-вторых, с комитетом по вопросам труда и заработной платы – для решения вопросов по оплате труда сотрудников университета. Заместитель председателя вышеназванного комитета А. Степанов поддержал проект²⁰⁵. Госплан СССР включил университет в состав объектов строительства СО АН, поддержав базовый пункт проекта – о принятии предложения Совета Министров РСФСР и Министерства высшего образования СССР об организации в 1959 году университета на территории научного городка СО АН СССР. Таким образом Министерство высшего образования СССР обязалось осуществить в 1957–1958 гг. проектирование учебного корпуса для университета объемом 60 тыс. куб. м., студенческих общежитий на 1200 человек и жилых домов на 96 квартир, выдав проектное задание Академии наук СССР не позднее 1 марта 1958г.²⁰⁶ Остальные пункты проекта Госплан СССР отклонил, аргументируя свою позицию тем, что лимит капиталовложений на строительство объектов СО АН, выделяемый Совету Министров на 1958 г. уже сформирован в соответствии с постановлением Совета Министров СССР «о создании Сибирского отделения Академии наук СССР» от 18 мая 1957 г.²⁰⁷ Соответственно обязанность

²⁰³ ГАРФ Ф. Р-5446. Оп. 92. Д.123. Л.14.

²⁰⁴ Там же.

²⁰⁵ ГАРФ Ф. Р-5446. Оп. 92. Д.123. Л.15.

²⁰⁶ ГАРФ Ф. Р-5446. Оп. 92. Д.123. Л. 20.

²⁰⁷ Сибирское отделение Российской академии наук: создание (1957–1961 годы). Сборник документов / сост. Е. Г. Водичев, И. С. Кузнецов, Л. И. Пыстина. Новосибирск, 2007. С. 63.

финансирования строительства НГУ, включаемого в комплекс отделения Академии наук СССР, перенаправлялась Совету Министров РСФСР. Относительно юридического закрепления интеграции НГУ – СО АН вопрос неоднократно обсуждался. М. А. Лаврентьев активно отстаивал позицию слияния университета с научным центром²⁰⁸. Но поскольку подобных прецедентов в стране не существовало, вопрос оставался открытым долгое время.

В итоге межведомственный проект «Об организации Новосибирского государственного университета» от 28 октября 1957 г.²⁰⁹, содержащий 13 пунктов, в ходе бюрократических согласований оказался значительно «урезан». Из него исключались принципиальные положения о принципах формирования университета, которые приходилось отстаивать и легитимизировать в дальнейшем: особые правила приема студентов, срок обучения 5,5 лет, возможность проведения специальных занятий и практики в лабораториях научно-исследовательских институтов, совмещение преподавательской и научной деятельности ученых. Поэтому руководству СО АН требовалось дальнейшее отстаивание позиций относительно будущего университета.

2 ноября 1957 года на общем собрании Академии наук СССР вновь поднимались вопросы о ходе организации Сибирского отделения и планах на строительство университетского кампуса²¹⁰. Основной докладчик М. А. Лаврентьев сообщил, что решение о создании НГУ поддержано ЦК КПСС, и это давало значительный импульс дальнейшему ходу событий. Университетский городок предполагалось построить в комплексе остальных зданий Академгородка. В его текущем выступлении возникла теория, впоследствии названная «треугольником Лаврентьева» – «предусмотрена самая широкая, самая тесная связь этих трех китов – промышленности, науки и

²⁰⁸ ГАНО Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 8. Л. 2-3.

²⁰⁹ ГАРФ Ф. Р-5446. Оп. 92. Д.123. Л. 14.

²¹⁰ Сибирское отделение Российской академии наук: создание (1957–1961 годы). Сборник документов / сост. Е. Г. Водичев, И. С. Кузнецов, Л. И. Пыстина. Новосибирск, 2007. С. 154.

подготовки кадров. Все это будет осуществляться в едином комплексе»²¹¹. М. А. Лаврентьев не просто указал на необходимость открытия нового вуза, но и важность преемственности МФТИ. В университете предполагались общие лекции и лабораторные работы на 1-2 курсах, затем, начиная с 3-4 курсов обучение, прохождение спец. курсов, написание дипломных работ в научно-исследовательских институтах. «Так что кадры будут расти на самом новом оборудовании и под руководством самых крупных наших ученых, которые будут там работать»²¹². Организаторам СО АН уже на первом этапе проектирования была очевидна принципиальная разница между НГУ и МФТИ. Очередное упоминание принципов «системы физтеха» было важным для бюрократии прецедентом, что позволяло облегчить отстаивание своих позиций относительно нового университета. Оригинальные права уже оправдавшей себя системы внесли в абрис университета четкую структуру, что упрощало диалог с партийно-правительственными инстанциями.

Пресса, как инструмент пропаганды, вновь сыграла свою роль агитатора при отстаивании идеи создания университета. Ее основным методом огласки сопровождения важных этапов становления СО АН в качестве очередного достижения СССР традиционно стало обращение к ведущим ученым, как образу советского человека будущего, с передовой научной мыслью. «Советские ученые вместе со всем народом выражают глубокое удовлетворение решениями февральского Пленума ЦК КПСС»²¹³ отметили М. А. Лаврентьев и С. А. Христианович в газете «Правда», упоминая принятый проект постановления «О создании Сибирского отделения АН СССР» как реализованный ответ на их гласный запрос в начале 1956 г. партийно-правительственным аппаратом. Далее академики выдвинули следующую задачу: «Наука в нашей стране достигла стадии зрелости, при которой вполне уместно ставить вопрос о путях ее

²¹¹ Сибирское отделение Российской академии наук: создание (1957–1961 годы). Сборник документов / сост. Е. Г. Водичев, И. С. Кузнецов, Л. И. Пыстина. Новосибирск, 2007. С. 166.

²¹² Там же. С. 154.

²¹³ Лаврентьев М. А., Христианович С. А. Важное условие науки // Правда. 1957, № 92 (2 апр.). С. 24.

дальнейшего развития, искать наиболее рациональные формы ее организации. Эту задачу надо решать в тесной связи с проблемами подготовки и расстановки научных кадров»²¹⁴. В поддержку нового научного центра было добавлено: «Появление в печати краткого сообщения о предложении создать в Сибири крупный научный центр вызвало широкий отклик среди многих наших ведущих ученых. Они изъявили желание ехать туда вместе со своими учениками и сотрудниками»²¹⁵. Демонстрация успешности уже пройденного этапа наталкивала читателя ждать, а гос. аппарат принять активные дальнейшие действия по расширению СО АН и открытию нового вуза в Новосибирске.

Постепенно кроме общей трибуны газеты «Правды» деятельность по созданию Сибирского научного центра, сопровождала и более специализированная научная пресса. Вестник АН СССР освещал общее собрание Академии наук СССР, которое состоялось 2 ноября в Московском доме ученых. На нем обсуждались вопросы организации Сибирского отделения. «Открывая собрание, Президент Академии наук СССР академик А. Н. Несмеянов во вступительном слове подчеркнул большое значение начатого дела. Выразив от имени собрания благодарность ученым – инициаторам движения в Сибирь, изъявившим желание работать в Сибирском научном центре, Президент предоставил слово для доклада академику М. А. Лаврентьеву»²¹⁶. Позже к московским изданиям активно подключились новосибирские: «Вечерний Новосибирск», «Советская Сибирь», «Молодость Сибири». Они освещали новости СО АН и НГУ для местных жителей в том же ключе, как и общесоветские газеты, с узнаваемым пафосом повторяемых заголовков, символической нагрузкой, эпическим дискурсом труда: «Академия наук в Сибири»²¹⁷, «Новосибирск – университетский город»²¹⁸, «Первые экзамены в НГУ»²¹⁹, «Минуло 365 дней»²²⁰ и т.д.

²¹⁴ Лаврентьев М. А., Христианович С. А. Важное условие науки // Правда. 1957, № 92 (2 апр.). С. 24.

²¹⁵ Там же.

²¹⁶ Вестник АН СССР. 1957. № 12. С. 26.

²¹⁷ Советская Сибирь. 1957. № 159 (11232) (10 июля). С. 2.

Окончательный проект организации НГУ от 14 ноября 1957 г. был одобрен по порядку Академией наук, Госпланом СССР, Министерством финансов СССР и Государственным Комитетом по вопросам труда и заработной платы²²¹. В соответствии с ним на Министерство высшего образования было возложено проектирование университетского кампуса вместе с общежитиями и жилыми домами, присоединение его строительства к общему комплексу Академгородка, согласование с СО АН по включению сводного сметно-финансового расчета в общее финансирование. Совету Министров РСФСР было поручено предусмотреть в плане капиталовложений на строительство СО АН необходимые ассигнования на строительство и оснащение НГУ. Проект был крайне урезан от 13 до 3-х пунктов, но именно он стал детерминантой открытия нового вуза. В соответствии с ним 3 февраля 1958 г. вышел приказ Министерства высшего образования об организации НГУ, и его строительство было заложено в план проектных работ текущего года.

9 января 1958 г. вышел первый развернутый устав НГУ, где первой задачей прописано: «подготовка высококвалифицированных специалистов для учреждений АН СССР»²²². Также прописано несколько принципиальных положений: замещение должностей заведующих профилирующими кафедрами из числа руководящих научных работников соответствующих базовых институтов проводится по рекомендациям Президиума СО АН; дневное обучение проводится с исследовательской работой и практикой на старших курсах в базовых институтах Сибирского отделения АН СССР; прием в НГУ производится с правилами приема в вузы без преференций. Структура имела в составе 4 факультета: естественных наук, гуманитарный, механико-математический, физический и 41 кафедру.

²¹⁸ Советская Сибирь. 1959. № 228 (11909) (26 сент.) С. 1.

²¹⁹ Первые экзамены в НГУ // Вечерний Новосибирск, от 4 января 1960.

²²⁰ "Минуло 365 дней..." // Вечерний Новосибирск, от 27 сентября 1960.

²²¹ ГАРФ Ф. Р-5446. Оп. 92. Д. 8-1. Л. 18-19.

²²² ГАНО Ф. Р-1848. Оп. 1. Д.2. Л. 1.

Следующим рубежом в истории создания НГУ стало решение пригласить на должность первого ректора академика И. Н. Векуа. «При определении кандидатуры первого ректора мнение членов Президиума СО АН СССР было единодушным: этот пост должен занять академик Илья Несторович Векуа. Опыт, накопленный им в вузовской сфере во время работы в Тбилиси и Москве оказался востребованным в новых условиях»²²³. Следует отметить, что должность ректора университета являлась номенклатурной единицей, требующей согласования с партийными органами. Поэтому требовалось кадровое согласие на это со стороны не только Новосибирского обкома партии, но и Отдела науки и вузов ЦК, на что уходило несколько месяцев. Соответственно 17 ноября 1958 г. И. Н. Векуа первоначально назначался Министерством высшего образования на должность исполняющего обязанности ректора. Перед академиком ставилась задача в кратчайшие сроки реализовать проект НГУ, организовать работу сотрудников, разработать порядок мероприятий, прописать штатные расписания, расчеты и т.д., чтобы летом 1959 г. университет смог открыть двери для первых студентов. В декабре 1958 г. первые абитуриенты начали готовиться к поступлению, площадкой для проведения первых занятий была выбрана средняя школа Академгородка, поскольку корпус НГУ только проектировался. Тем временем И. Н. Векуа выработал план подготовительных действий по организации работы университета и представил их в докладе перед Президиумом СО АН СССР 23 марта 1959 г.²²⁴ Основные положения были одобрены, среди формальных, выявились и оригинальные для нового университета: подготовка специалистов по тем направлениям, для которых имеется кадровая и материальная база в Академгородке; составление индивидуальных учебных планов с введением оригинальных лекций, опирающихся на современное состояние науки; преподавание делегировано научным сотрудникам научных институтов и лабораторий СО АН; сосредоточение общенаучной подготовки на трех младших

²²³ Куперштох Н. А. Академик И. Н. Векуа – первый ректор новосибирского государственного университета // История науки и техники. 2008. № 10, С. 6.

²²⁴ ГАНО Ф. Р-1848. Оп.1. Д. 3. Л. 4.

курсах и освобождение двух старших курсов для исследовательской работы студентов в лабораториях и подразделениях научных институтов СО АН.

9 апреля 1959 г. И. Н. Векуа был утвержден Министерством в должности ректора²²⁵, с этого времени началось комплектование административно-хозяйственного, профессорско-преподавательского и учебно-вспомогательного персонала. Структура университета с комплектованием кафедр на первый учебный год была утверждена Министерством высшего образования 19 мая²²⁶. НГУ состоял из одного факультета – естественных наук, 11 кафедр, предлагавших следующие специальности: математика, механика, физика, химия, геофизические методы поисков и разведки месторождений полезных ископаемых. План приема студентов в первый год работы университета выглядел таким образом: очное отделение для учащихся с отрывом от производства принимало 150 человек, вечернее, без отрыва от производства – 175. Материальную базу университета составили размещенные на двух этажах школьного здания аудитории и кабинеты (общественных наук и геологии), библиотека; в зданиях институтов гидродинамики и геологии были развернуты учебные лаборатории физики и неорганической химии.

28 мая 1959 г. Президиум СО АН СССР, заслушав сообщение академика И. Н. Векуа о подготовке к началу работы университета, постановил: просить И. Н. Векуа ускорить формирование и утверждение Ученого Совета (УС) университета, разработку плана перспективного развития университета и положения об университете, индивидуальных учебных планов для одобренных специальностей²²⁷. 20 июля 1959 года Министерство своим приказом утвердило состав первого Ученого Совета НГУ²²⁸. 26 сентября 1959 г. Ученый Совет составил кадровый десант университета в первые года. На должность заведующих кафедр были избраны: математического анализа – академик М. А. Лаврентьев;

²²⁵ ГАНО Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 3. Л. 5.

²²⁶ ГАНО Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 3. Л. 6-7.

²²⁷ ГАНО Ф. Р-1848. Оп.1. Д. 3. Л. 10-11.

²²⁸ Там же. Л. 17-18.

высшей математики – член-корр., А. В. Бицадзе; дифференциальных уравнений – академик С. Л. Соболев; теоретической физики – член-корр. Д. В. Ширков; теоретической механики – академик П. Я. Кочина; общей физики – член-корр. Г. И. Будкер; общей химии – профессор Б. В. Птицын; общей геологии – член-корр. Ю. А. Косыгин, газовой динамики – академик С. А. Христианович. На должности профессора кафедры общей химии избран член-корр. А. Н. Николаев; доцентов кафедр: математического анализа – П. П. Белинский, Ю. Г. Решетняк, Л. В. Овсянников, И. И. Данилюк; высшей математики – Б. О. Солоноуц, А. А. Зыков, М. М. Лаврентьев; общей физики – Б. В. Войцеховский, Р. И. Солоухин; общей химии – Б. И. Пещевицкий, В. А. Михайлов; общей геологии – А. М. Дымкин.

Для привлечения будущих студентов и популяризации НГУ И. Н. Векуа активно пропагандировал идею «университета нового типа», возникшую аналогично формулировке «треугольник Лаврентьева» с целью емко обозначить ключевой момент в его будущем механизме. В центральных газетах – «Известия», «Правда», «Советская Россия», в местных печатных органах – «Вечерний Новосибирск», «Советская Сибирь», в радио- и телепередачах ректор раскрывал специфику подготовки специалистов в НГУ, рекламируя успешные методы взаимодействия университета и научного центра, предлагая расширенные возможности в науке для студентов. Вновь был использован метод открытого диалога в прессе для создания инцидента гласности в советском обществе.

Летом 1959 г. в приемную комиссию поступило свыше тысячи заявлений. Первоочередной задачей стало проведение бесед-консультаций с желающими поступить в вуз. Затем был подобран аппарат приемной комиссии, который провел значительную работу по приему заявлений: было оформлено 1023 дел абитуриентов. По количеству поданных заявлений НГУ занял второе место среди 10 вузов г. Новосибирска. Его опередил только Медицинский институт²²⁹. Об успешности проведенной пропагандистской компании НГУ можно судить по

²²⁹ ГАНО Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

высокому конкурсу заявлений на одно место. На дневном отделении по специальности «химия» было зафиксировано 8 человек на 1 место, затем в порядке убывания: «физика» – 5, «геофизика» – 4, «механика» – 3, «математика» – 2,5²³⁰.

Все абитуриенты, допущенные к вступительным экзаменам, комплектовались в группы по специальностям в пределах 30 человек. Всего было создано 34 группы. В соответствии с количеством групп был подобран и утвержден состав пяти экзаменационных комиссий в количестве 73 человек. После проведения инструктивных совещаний, обсуждения расписаний, порядка и организации первых вступительных мероприятий, принципа составления билетов приемной комиссией была принята следующая очередность экзаменов по дисциплинам: математика (письменно и устно), химия, физика, иностранные языки, литература (письменно). Такой порядок проверки знаний полностью себя оправдал, поскольку по такой ведущей дисциплине как математика в начале экзаменов был выявлен уровень подготовки абитуриентов всех специальностей.

В итоге, к моменту сдачи последней дисциплины – литературы из 913 человек, пришедших на первый экзамен было отсеяно 504 (55 %)²³¹. И наконец, проводилась еще одна процедура отбора, вероятно, самая ответственная для будущих студентов – для выявления наиболее способных лиц, «достойных поступить в университет кандидатур»²³² были организованы собеседования академиков и член-корреспондентов АН СССР с лицами, выдержавшими экзамены по всем направлениям. Ученым университета были предоставлены исчерпывающие характеристики о каждом абитуриенте: балльные оценки, производственный стаж, социальное происхождение родителей, партийность, национальность и т.д. Академики и член-корреспонденты в беседе с абитуриентами выявляли степень их сознательного отношения к выбору специальности, наличие знаний в этой области, круг интересов, логичность

²³⁰ ГАНО Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 3. Л. 2.

²³¹ ГАНО Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 3. Л. 4.

²³² Там же. Л. 7.

мышления. Таким образом, было «отсеяно» еще 50 человек. Следует, однако отметить, уже на следующий год практика собеседований отменялась. Но университет при поддержке руководства СО АН СССР добился у министерства с 1960 г. важной привилегии – право на более ранние сроки проведения вступительных экзаменов (середина июля), то есть на две недели раньше, чем в обычные вузы. Здесь опять – таки использовался прецедент, которым уже обладали некоторые ведущие вузы Москвы (МГУ, МФТИ).

В результате всестороннего обсуждения каждой кандидатуры, отбора по оценкам, рекомендаций, характеристик, результатов собеседований приемная комиссия провела достаточно строгий отбор. Последовательность отсеивания абитуриентов первого набора НГУ была следующая: 1023 поданных заявлений, из них допущено к экзаменам – 913 человек, сдали экзамены – 359 из них 308 поступили в университет: 189 на дневное отделение, 119 – на вечернее²³³.

В силу необходимости срочно решать многофункциональные задачи произошла задержка открытия вуза и начала занятий. Торжественное открытие университета прошло 26 сентября в концертном зале Новосибирского театра оперы и балета. «Новосибирск – университетский город – эти слова впервые прозвучали 26 сентября на Торжественном заседании. Его открыл министр Высшего и среднего специального образования республики профессор В. Н. Столетов. Мы собрались сюда по случаю открытия Новосибирского государственного университета»²³⁴ – начинался выпуск киножурнала «Сибирь на экране». Затем зрителей знакомили с молодыми студентами – трудолюбивым веселым коллективом: «Многие первокурсники начали свою трудовую жизнь на строительстве научного центра Сибири. Здесь, на стройке закалялись характеры вчерашних школьников, рождалась мечта учиться в университете, построенном своими руками», «Те, что приехали к экзаменам издалека жили в палатках. Они привыкали к Сибири, вместе с другими готовили университет к открытию».

²³³ ГАНО Ф. Р-1848. Оп.1. Д. 3. Л. 17-19.

²³⁴ Киножурнал «Сибирь на Экране». 1959. № 48, [Электронный ресурс] URL: <https://www.youtube.com/watch?v=pboA9aQXWg4> (дата обращения: 07.04.2023).

Следом идут кадры кабинета ректора и Ученого Совета университета: «И. Н. Векуа, бывший ленинградский ученый, теперь он ректор университета, возглавляет его Ученый Совет. В составе совета 10 академиков столько же членов-корреспондентов»²³⁵ (цитаты приведены из звукового сопровождения документально фильма).

28 сентября в здании временно переданной университету школы в Академгородке начались первые занятия для студентов НГУ. Несмотря на временные трудности, связанные с апробацией механизмов работы на начальном уровне, стержень университета, как уникальной образовательно-организационной структуры, к сентябрю 1959 года был построен, сформулированы основные принципы, сформирована модель, ставшая базой для дальнейшего развития. Таким образом, за трехлетний период 1957–1959 гг. была выстроена необходимая платформа для развертывания НГУ с обеспечением кадрами и материальной базой для учебно-научных целей на уровне лучших университетов и институтов страны. Путь от идеи создания университета к проекту, с последующей реализацией, был пройден в рекордно короткий срок, чему способствовал ряд следующих факторов. В первую очередь это оказалось возможным потому, что университет создавался как органическая составная часть научного центра и в своем формировании и работе опирался на ресурсы Сибирского отделения – кадровые и материальные. Для оснащения лабораторий и практикумов университету от сибирского отделения было предоставлено необходимое современное научное оборудование. Основные вопросы становления университета регулярно рассматривались президиумом СО АН. Намерение провести финансирование строительства и оснащения университета через Сибирское отделение показало себя эффективным курсом для ускоренной реализации проекта и дальнейшего развития. Далекое не все выдвинутые учеными положения о принципах формирования университета в ходе их согласования и

²³⁵ Киножурнал «Сибирь на Экране». 1959. № 48, [Электронный ресурс] URL: <https://www.youtube.com/watch?v=pboA9aQXWg4> (дата обращения: 07.04.2023). (дата обращения: 07.04.2023).

утверждения государственными структурами оказались принятыми (об особом порядке отбора студентов, о более ранних сроках начала приемных экзаменов, о широком использовании совместительства в преподавании и др.). Однако в последующие годы руководству НГУ при поддержке СО АН удалось реализовать большую часть этих первоначально «урезанных» положений.

На основании вышеизложенного следует обратиться к анализу заимствования НГУ принципов «системы физтеха», на которых настаивали его акторы, что приведет к перспективе выявления пути становления его самоидентичности и выбора дальнейшего развития. МФТИ и НГУ стали кадровым фундаментом для современной науки, направленной на решение актуальных практических производственных задач, в контексте мобилизационной парадигмы, сформированной в советском обществе. В опоре на физико-математическую ветвь, как по мнению М. А. Лаврентьева, «философию современного естествознания и инструмент решения прикладных задач»²³⁶, ведущие ученые страны видели будущее науки. В этой парадигме создавался МФТИ и аргументировался перенос его образовательной модели в НГУ. Одновременно очевидна исключительная разница между созданием этих двух вузов. Первый создавался как физико-технический факультет в рамках Московского государственного университета (МГУ) и имел целью приоритетную подготовку кадров для научно-технической сферы, что со временем позволило ему сепарироваться от классической образовательной платформы МГУ. Задачи, поставленные перед открытым в 1951 г. МФТИ были в полной мере практическими – кадровое наполнение научно-технической сферы: «Основная идея, заложенная при организации МФТИ, была призвана сделать процесс обучения подвижным, способным оперативно откликаться на остро актуальные требования промышленности»²³⁷.

²³⁶ Российская академия наук. Сибирское отделение: Исторический очерк. Новосибирск, 2007. С. 127.

²³⁷ Карлов Н. В. О тех, «которых ожидает отечество от недр своих» // Я – ФИЗТЕХ. Книга очерков. М., 1996. С. 98.

Принципиальное отличие создания НГУ состояло в базовой цели – подготовка кадров для академической науки, в первую очередь для СО АН. Основателями нового научного центра в Сибири была изначально заложена иная матрица, предполагающая развитие науки в разных направлениях, связанных со структурой институтов СО АН. С самого начала в НГУ помимо математики и физики были обозначены и такие направления как химия, биология, геология. В проекте положения, принятом на Ученом Совете СО АН 10 октября 1957 г. прописано, что «Университет имеет в своем составе факультеты: физический, физико-технический, математический, химический, геолого-географический и медико-биологический»²³⁸.

Большинство ученых, приглашенных в НГУ на ведущие должности заведующих кафедрами и профессоров, были тесно интегрированы в вузовскую систему. Но лидирующую роль среди них играли именно «физтеховцы». Это справедливо считающийся одним из «отцов Физтеха» акад. С. А. Христианович, который с 1946 по 1950 гг. курировал работу физико-технического факультета МГУ и стал инициатором его выделения в самостоятельный вуз в 1951 г. Это и ставший первым деканом НГУ Б. О. Солоноуц, о котором С. Т. Беляев, руководивший университетом с 1965 по 1978 гг. впоследствии написал: «Лаврентьев (преподавший по совместительству в 1950-е гг. в МФТИ – В. В.), зная о его явно неординарной роли в практическом воплощении идей Физтеха, пригласил БОСа в Новосибирск для аналогичной роли в НГУ»²³⁹. «Физтеховцем» следует считать первого ректора НГУ акад. И. Н. Векуа, уже имевшего опыт организации образовательного процесса в роли проректора Тбилисского университета, затем принявшего приглашение С. А. Христиановича занять в начале 1950-х гг. должность заведующего кафедрой теоретической механики в МФТИ. К когорте «физтеховцев» относились акад. В. В. Воеводский, до переезда в Новосибирск в 1959 г. трудившийся зав. кафедрой и деканом факультета

²³⁸ НАСО Ф. 10. Оп. 3. Д. 1. Л. 5.

²³⁹ ФМШ – СУНЦ НГУ. 50 лет: пять шагов в будущее / под ред. Н. И. Яворского. Новосибирск, 2013. С. 226.

химической физики МФТИ, ученик Лаврентьева Б. В. Войцеховский, с 1956 г. заведовавший исследовательской лабораторией МФТИ, ставший в 1962 г. проректором НГУ Р. И. Солоухин, работавший в МФТИ с 1958 по 1959 гг., один из деканов мехмата НГУ Л. В. Овсянников, также трудившийся в Физтехе с 1956 по 1959 гг.

Следует отметить, что в ходе организации НГУ нашел применение преподавательский опыт ученых, не только работавших в Физтехе, но и сотрудников академических институтов Москвы, Ленинграда (Математический институт, Институт проблем механики, Институт атомной энергии и др.) совмещавших основную научную деятельность с образовательной. Значительным организационно-управленческим опытом в сфере высшего образования обладал чл. корр. И. И. Новиков, один из основателей Московского инженерно-физического института (МИФИ), возглавлявший его в 1954–1956 гг. При этом, несмотря на внешне разнообразные источники формирования преподавательских кадров нового университета, их объединяли не только «матрица», но и идеология Физтеха – органичность соединения научно-образовательных принципов в университетской деятельности.

Позиция, выбранная М. А. Лаврентьевым и С. А. Христиановичем в подборе кадров, объясняется акцентированием на высокой компетенции будущих организаторов НГУ в вопросах соединения науки и высшей школы – первый принцип «системы физтеха». Такая взаимосвязь была уже выстроена в некоторых прогрессивных столичных вузах страны: «Мы постарались полностью использовать опыт, накопленный в этом направлении физико-техническим институтом, Московским и Ленинградским университетами»²⁴⁰. Принцип привлечения в качестве преподавателей, активно работавших в науке и уже имевших, хотя и в разном объеме опыт преподавания в элитных вузах, прежде всего, был успешно перенесен на платформу НГУ.

²⁴⁰ Лаврентьев М. А. ...Прирастать будет Сибирью / Лит. запись Н. А. Притвиц. Новосибирск, 1982. С. 88.

В дальнейшем чтобы сохранить высокий уровень преподавания в НГУ, требовалось отстаивать право на привлечение сотрудников Сибирского отделения к работе в нем по совместительству, что стало затяжной и острой проблемой при взаимодействии с Министерством высшего образования в первое пятилетие. С одной стороны, это было важным условием для существования «вуза нового типа», с другой – финансово проблемной «зоной». В конце 1950-х гг. произошло ужесточение существовавшей практики совмещения основной работы ученых с преподаванием (не только для сотрудников, но даже для членов Академии требовалось получить персональное разрешение Минвуза). М. А. Лаврентьеву потребовались использовать свое влияние и связи в партийных и министерских кругах Центра, чтобы добиться отмены для НГУ данного дискриминационного принципа. В итоге университет действительно оказался в этом отношении уникальным «вузом нового типа», в котором соотношение штатных преподавателей к преподававшим по совместительству и с почасовой оплатой с первых лет выражалось пропорцией 1:5. Столь глубокое вовлечение сотрудников Сибирского отделения в преподавательскую деятельность безусловно имело не только свои позитивные стороны, но и определенные пределы, т.к. существовал государственный бюджет, отводимый на оплату лекционно-семинарской работы. Другой момент отстаивания перед Минвузом – общий для вузов запрет о совместительстве управляющих должностей, который руководство НГУ хотело избежать. Руководители отделов, заведующие лабораторий и др. в вузах могли быть только профессорами, однако это правило противоречило самой сути нового вуза, поскольку ограничивало его взаимодействие с научными учреждениями. Изначально в Академгородке видные ученые занимали руководящие должности и в НИИ и в университете. Вопрос был поднят ректором НГУ на заседании УС 1962 г.: «Заведующим лабораториями, отделами, ректорам и другим товарищам такой категории лиц запрещается в другом месте занимать ответственную должность. Значит, я ни одного из вас не могу зачислить заведующим кафедрой. Но это вопрос специальный, я думаю, войдем с ходатайством в правительство по такому

вопросу, переговорим с товарищами и найдем какой-нибудь выход из этого положения \...\ я хочу добавить – вот Борис Осипович имел переговоры с министерством, и ему сообщили, что до конца этого года сохраняется действующее положение.»²⁴¹. Принцип совместительства на высоких должностях был отвоеван таким же путем, как и ряд других – через ежегодные разговоры, временные разрешения к постоянному результату. На уровне взаимодействия напрямую с ЦК, М. А. Лаврентьев отстаивал идею о совместительстве через идеализированные тезисы: В проекте выступления на июньском пленуме ЦК КПСС 1963 г. М. А. Лаврентьев отметил: «Но главным здесь, я считаю, является непосредственное привлечение ученых к преподаванию без изъятия их из НИИ. Лозунг “При каждом университете комплекс НИИ“ должен быть заменен лозунгами: “При каждом комплексе НИИ свой университет“ и “Каждый ученый должен быть и учителем“»²⁴².

Следующий принцип – обучение на экспериментальной базе лучших исследовательских институтов тесно связан с уникальностью университета при Сибирском отделении. Направленность университетской специализации носила производный от потребностей академической науки характер. Основание кафедр НГУ было аналогично формированию научных институтов в Сибирском отделении и происходило согласно концепции наличия научного лидера в конкретной области исследований («институт под директора»). В соответствии с научными интересами ученого, изъявившего желание принять на себя руководство кафедрой университета, организовывалась научно-образовательная платформа. На практике эта взаимосвязь выглядела единым механизмом и работала следующим образом: С. А. Христианович был назначен директором института теоретической и прикладной механики и создал кафедру газовой динамики; М. А. Лаврентьев возглавил институт гидродинамики и одноименную кафедру в университете; И. И. Новиков – институт и соответствующую ему

²⁴¹ ГАНО Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 8. Л. 7.

²⁴² НАСО Ф. 10. Оп. 3. Д. 404. Л. 12.

кафедру теплофизики; В. Н. Ворожцов – институт органической химии и кафедру цитологии и генетики и т.д. Таким образом планировалось наполнить кадрами научные институты, конструкторские бюро, лаборатории СО АН. Поскольку предполагалось, что первые три курса будут университетские и только потом начнется практика в институтах, университету необходимо было иметь собственную базу для лабораторных работ, либо юридически закрепить работу в институтах, тем более при строительстве институтов были предусмотрены соответствующие лабораторные помещения для приема студентов, их обеспеченность руководством научным и учебным. Работа институтов стала неотъемлемой частью работы университета. «Фундаментальные принципы университета Гумбольдта – это академическая свобода и единство исследования и преподавания»²⁴³ нашли свое отражение в институциональной основе нового вуза.

В условиях образовательного экспериментирования, где даже по основным дисциплинам, а не только специальным, Министерство разрешало НГУ создание принципиально новых учебных программ, требовалось найти оптимальный баланс между аудиторными занятиями и самостоятельной подготовкой студентов. Так, на заседании Ученого совета Физического факультета от 19 июля 1962 г. было подчеркнуто предоставление «лекторам права включать в лекционный материал только ту часть программного – что важно и что ново. Нужно больше требовать от студентов самостоятельной работы»²⁴⁴.

Принципиальным для руководства НГУ был вопрос о ранних вступительных экзаменах, т.е. начинать приемные экзамены не с 1 августа, а с 11 июля. «Это самое главное преимущество, которое должно быть соблюдено» – отметил на совещании Ученого Совета И. Н. Векуа²⁴⁵. Сложилось, хотя полузаконно, правило, что студенты, не прошедшие по конкурсу в НГУ могли с этими сданными положительными оценками поступить в другие вузы.

²⁴³ Шнедельбах Г. Университет Гумбольдта // Логос: Журнал по философии и прагматике культуры. № 5-6 (35). 2002. С. 66.

²⁴⁴ ГАНО Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 71. Л. 11.

²⁴⁵ ГАНО Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 8. Л. 67.

Директорам/ректором других вузов давалось право засчитывать или не засчитывать эти отметки. В дальнейшем опыт показал, студентов в другие вузы принимали. Но изначально за данный пункт пришлось бороться с Министерством образования отдельно – первый прием в НГУ был еще проведен в обычные сроки, но с 1960 г. он проходил уже в более ранние сроки, а в последствии стал неотъемлемой частью устава университета.

Поднимался также и вопрос о снятии государственных экзаменов по окончанию университета, оставив только дипломную работу по аналогии с физическим факультетом МГУ, где госэкзамен по основной дисциплине – физике не проводится. У студентов-физиков принимали только гос. экзамены по общественно-политической дисциплине, философии и иностранному языку. Но участники Ученого Совета, предполагая, что будут открываться новые специальности, где возможно не потребуются дипломные работы как исследовательский труд, решили оставить экзамены. В 1960 г. уже стало очевидно, что в ближайшем будущем откроется еще два направления – экономическое и гуманитарное, но пока был неопределён дальнейший путь развития. На собрании Ученого Совета отметил А. В. Николаев «если гуманитарные науки не могут дать дипломные работы, тогда государственные экзамены должны быть оставлены»²⁴⁶.

Тем не менее уже на начальном этапе организаторами СО АН было озвучено принципиальное различие между двумя вузами. Оно состояло в базовой цели НГУ – подготовка кадров для академической науки, в первую очередь для СО АН. Основателями нового научного центра в Сибири была изначально заложена иная матрица, предполагающая развитие науки в разных направлениях, связанных со структурой институтов СО АН. Таким образом, вектор движения в становлении НГУ был обратный тому, что у МФТИ, который отделился от МГУ, став уникальным факультетом-институтом, потом, конечно, естественным путем начавшим расширять свою специализацию. НГУ двигался в ином направлении –

²⁴⁶ ГАНО Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 8. Л. 69.

от одного факультета к «классическому» университету как многопрофильному вузу, готовящему специалистов по широкому спектру естественных, гуманитарных, технических и других направлений. Открытие новых факультетов и специальностей, не входивших в модель МФТИ с самого начала было неясным. «Физтеховцы» в НГУ, понимая важность расширения специализации университета, с одной стороны, стремились максимально укрепить позиции приоритетного физико-математического направления, с другой, понимали необходимость формирования в нем социально-гуманитарных подразделений.

Таким образом, между МФТИ и НГУ произошел трансфер идей, принципов и кадров. Естественно, модель МФТИ не могла быть механически «скопирована», поскольку в иных условиях институциональная система может быть либо ухудшена, либо модифицирована. Обстановка в Академгородке оказалась более подходящей именно для дальнейшего развития данной модели: «Этому способствовала комплексность и многопрофильность научного центра. В отличие от МФТИ, который имел довольно узкую направленность подготовки, в НГУ удалось привлечь крупных специалистов по всем направлениям современной науки»²⁴⁷. В рамках курса руководителей университета на создание академического вуза «система физтеха» «была адаптирована к потребностям классического университета с широким набором специальностей и специализаций в области естественных, а в дальнейшем также общественных и гуманитарных наук»²⁴⁸. Кроме этого ученые, создававшие МФТИ в силу своего стремления к новаторству не могли удовлетвориться рефлексивным переносом в Новосибирск уже реализованного опыта, опираясь на уже «рабочую» модель» для продвижения идеи в министерстве, они развили новую стратегическую научно-образовательную программу, создав оригинальную модель исследовательского университета. Поэтому НГУ стал не Сибирской репродукцией МФТИ, а первой моделью образовательно-научного центра внутри АН СССР.

²⁴⁷ Российская академия наук. Сибирское отделение: Исторический очерк. Новосибирск, 2007. С. 204.

²⁴⁸ Аблажей Н. Н., Водичев Е. Г., Красильников С. А. Университет и Академия наук: pas de deux в ритмах эпохи // Социология науки и технологий. 2021. Т. 12, № 1. С. 118.

Другой основополагающий лейтмотив борьбы за оригинальность НГУ, требующий отдельного рассмотрения – определение места НГУ в структуре СО АН и Минвуза. Члены первого Ученого Совета НГУ понимали, что фактически университет был связан с Сибирским отделением, но формально он принадлежал Министерству высшего образования. Этот факт вызывал много дискуссий. На начальном этапе организации университета взаимоотношения с Сибирским отделением АН строились на товарищеских началах, на общности научного коллектива, объединенного под руководством Сибирского отделения, но одновременно имелось понимание, что необходима система взаимодействия, которая была бы юридически оформлена. Поэтому одной из важнейших первостепенных задач стал поиск норм, необходимых для оформления правового положения университета. И. Н. Векуа отмечал на заседании УС от 14 января 1960 г.: «Фактически мы находимся при Сибирском отделении Академии наук, а формально, конечно, это есть университет Министерства высшего образования, и такой формальной подчиненности Академии нет. Это вызывает много неудобств. С одной стороны, все, что мы имеем, и все, что должны иметь в будущем, это зависит от Сибирского отделения – и техника, и снабжение; все по существу снабжение сейчас мы получаем от Москвы и даже в большем количестве. Причем то, что дается на строительство, – это целиком дается Сибирским отделением. Наш университет, весь учебный процесс – и это положение есть главное – будет строиться на базе институтов Сибирского отделения. Так что университет будет являться неотъемлемой частью всей системы Сибирского отделения. Поэтому найти тот модус, необходимый для юридического оформления, – это очень важное обстоятельство. Тут, не скрою от Вас, было такое предложение, чтобы, как исключение, считать НГУ научным учреждением Сибирского отделения и вообще учреждением Академии наук. Это будет совершенно новое, не свойственное пока Академии наук учреждение <...> Лично я тоже думаю, что сразу решить этот вопрос, по-видимому, очень трудно»²⁴⁹.

²⁴⁹ ГАНО Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 8. Л. 60-61.

В известной мере точная, но осторожная позиция показана в проекте устава НГУ, утверждённом на вышеуказанном заседании УС: «Обучение по специальностям опирается на лабораторную базу и кадры научно-исследовательских институтов Сибирского отделения Академии наук СССР. Перечень научно-исследовательских базовых институтов, в которых производится обучение студентов утверждается советом Университета по согласованию с Президиумом Сибирского отделения АН СССР»²⁵⁰. В дальнейшем вопрос взаимодействия университета – СО АН решался с переменным результатом. М. А. Лаврентьев дважды инициировал перевод НГУ в состав СО АН²⁵¹. О чем писал в своих мемуарах: «Несколько раз Сибирское отделение выступало с предложением передать Новосибирский университет в его ведение — это помогло бы более тесному слиянию наших интересов, более оперативной подготовке кадров по новым специальностям, широкому привлечению ученых к работе с молодежью. Но это не получилось»²⁵².

В 1962 г. Минвузом был утвержден следующий Устав НГУ, в котором взаимодействию с СО АН придавался приоритетный характер, что стало некоторым компромиссом Министерства и руководства отделения. «Де-юре НГУ находился под юрисдикцией Минвуза, но де-факто являлся частью Сибирского отделения. Решение было половинчатым, но даже этот вариант дал старт становлению университета нового типа, на полвека определившего программу создания исследовательских вузов в масштабах страны»²⁵³. Речь шла о работе со студентами на базе научных институтов и приоритетном распределении выпускников, однако не затрагивался ряд принципиальных вопросов, например, финансирования и совместительства.

²⁵⁰ ГАНО Ф. Р-1848. Оп.1. Д. 8. Л. 54.

²⁵¹ Аблажей Н. Н., Водичев Е. Г., Красильников С. А. Университет и Академия наук: pas de deux в ритмах эпохи // Социология науки и технологий. 2021. Т. 12, № 1. С. 120.

²⁵² Лаврентьев М. А. Опыты жизни. 50 лет в науке // Век Лаврентьева / сост. Н. А. Притвиц [и др.]. Новосибирск, 2000. С. 173.

²⁵³ Аблажей Н. Н., Водичев Е. Г., Красильников С. А. Университет и Академия наук: pas de deux в ритмах эпохи // Социология науки и технологий. 2021. Т. 12, № 1. С. 120.

Тем не менее руководство СО АН изначально рассматривало НГУ как часть научного центра и выделяло финансовые, материальные, кадровые средства на него, что значительно помогло его становлению. В первые годы от отделения вуз получал недвижимость для учебных занятий и под жилье сотрудников и студентов. С другой стороны, финансирование Минвуза включало оплату хозяйственных расходов, заработной платы сотрудникам и стипендий студентам. Фактически финансирование университета до середины 1960-х гг. было двойственным. Так, «в период с 1959 по 1964 г. Сибирское отделение, получавшее средства из госбюджета отдельной строкой, вложило в университет 5 129,4 тыс., а Минвуз РСФСР – 5 864,7 тыс. руб. Руководство СО АН СССР, пользуясь своим политическим весом, постоянно прессинговало Минвуз, подчеркивая уникальность НГУ и его специфическую миссию по подготовке специалистов для академических институтов, со студенческой скамьи способных эффективно работать по приоритетным направлениям современной науки»²⁵⁴. Установка на институциональную интеграцию НГУ и СО АН руководства возвращала Минвуз к ежегодному обращению к этому вопросу и вынужденным уступкам «в порядке исключения» в ряде принципов вуза в интересах статусных академиков. «С середины 1960-х гг., по мере ослабления механизмов лоббирования интересов СО АН СССР в высших институтах власти, делать это становилось все труднее. Идею создания второго после МФТИ исследовательского университета, уже не технологического, а классического по своему типу, административная система восприняла более жестко, и противодействие оказалось еще более серьезным»²⁵⁵. Главный принцип университета – совместительство с работой в научной сфере традиционно Минвузом рассматривалось как раздражающий элемент, усложняющий налаживание взаимодействия Минвуз – НГУ. «Бюрократическая система не

²⁵⁴ Аблажей Н. Н., Водичев Е. Г., Красильников С. А. Университет и Академия наук: pas de deux в ритмах эпохи // Социология науки и технологий 2021. Т. 12, № 1. С. 120-121.

²⁵⁵ Новосибирский государственный университет: создание, становление, развитие (1959–2019) / Н. Н. Аблажей, С. А. Красильников, Е. Г. Водичев. Новосибирск, 2019. С. 24.

желала понимать, что в условиях комплексного научного центра, частью которого де-факто является университет, оно оказывалось несомненным достоинством. Именно принцип совместительства позволял привлекать в университет специалистов по новым направлениям подготовки и формированию новых учебных дисциплин отделения АН СССР»²⁵⁶.

Вторая половина 1950-х гг. оказалась временем начала осуществления трансформации сталинской управленческой системы, которая, однако, приобрела точечный, «очаговый» характер. Формирование практически с нуля и в кратчайшие сроки компактного и одновременно мощного междисциплинарного научно-образовательного комплекса под Новосибирском реализовалось благодаря успешному соединению опыта создания атомоградов, но в модифицированном, «гражданском варианте» и с включением в него в качестве эксперимента университета как канала, источника своего кадрового пополнения. Подобного рода концентрация всех необходимых видов ресурсов носила прежде всего государственно-мобилизационный и по-своему «штучный» характер и не могло иметь столь же адекватного тиражирования в последующем. В то же время сама успешность данного проекта создания университета нового типа в значительной степени опиралась на фактор самоорганизации, самоорганизации и мотивации со стороны участия в нем нескольких поколений ученых и преподавателей. Планируемое, но нереализованное руководством Отделения «поглощение» университета обернулось для НГУ успешным компромиссным вариантом, позволявшим аккумулировать для своего развития ресурсы двух ведомств – Академии наук и высшей школы.

²⁵⁶ Аблажей Н. Н., Водичев Е. Г., Красильников С. А. Университет и Академия наук: pas de deux в ритмах эпохи // Социология науки и технологий 2021. Т. 12, № 1. С. 121.

ГЛАВА ВТОРАЯ. Роль профессорско-преподавательского состава в становлении НГУ

2.1. Акторы формирования научно-образовательной структуры: просопографический анализ

Предпосылки к зарождению оригинального характера Новосибирского государственного университета и эффективность его дальнейшей работы определились в ключевых компетенциях его акторов, обладающих определенным набором общих черт, точек пересечения, схожих путей профессионального развития. Коллектив инициативной группы, собранный для организации нового вуза и пополняемый в период активного развертывания и оформления базовой структуры университета, представил собой портрет советской интеллигенции середины XX века. Траектория ее развития и трансформаций раскрылась в просопографическом абрисе сообщества ученых-пассионариев, уехавших в Сибирь создавать передовой «город науки».

Для исследования сущностных характеристик организаторов НГУ нами отобрано 176 персон, повлиявших в изучаемый период на появление четкой и оригинальной сетки факультетов и кафедр; учебного плана, направленного на подготовку студентов с приоритетом для работы в научной сфере; школ, соответствующих передовым течениям науки своего времени с акцентом на междисциплинарность. В состав акторов научно-образовательной структуры НГУ вошли организаторы СО АН, инициировавшие открытие университета, первые ректоры, проректоры и деканы, заведующие кафедрами, основатели научных школ и направлений, профессура, авторы оригинальных курсов лекций, напечатанных до 1968 г. в типографии НГУ и СО АН. Перечень ученых-педагогов с пояснительной информацией, взятых для просопографического анализа (о методе см. во Введении), представлен в Приложении 1. За рамки исследования вынесены заведующие военной и кафедрой физической культуры и сотрудники Красноярского филиала НГУ.

Затем была составлена проблемно ориентированная просопографическая база данных, основанная на информации, извлеченной из кадровых личных дел, хранящихся в архиве НГУ²⁵⁷. 4 личных дела были утеряны – П. П. Белинского, Т. Г. Голенпольского, П. Я. Кочиной, Р. И. Салганика. Недостающая для анализа информация о них добрана из сопутствующей кадровой документации (приказы, представления от кафедры в Ученый совет НГУ П. П. Белинского²⁵⁸), изданий, в которых собран персональный состав НГУ и СО АН²⁵⁹. В базе, кроме основополагающих персональных данных (дата рождения, пол, национальность, социальное происхождение), отмечены год, место получения высшего образования, кандидатской, докторской степеней, ученых званий, знание иностранного языка, поездки с научными целями за рубеж), фиксировалась также информация о том, имелся ли у конкретных ученых до 1959 г. опыт преподавания и организации учебного процесса, каков был основной род занятий до момента

²⁵⁷ Архив НГУ Ф. Р-1848: Оп. 1, Д. 70; Оп. 2, Д. 11; Оп. 3, Д. 137; Оп. 3, Д. 183; Оп. 3, Д. 203; Оп. 3, Д. 213; Оп. 3, Д. 216; Оп. 3, Д. 298; Оп. 3, Д. 4; Оп. 3, Д. 55; Оп. 5, Д. 1; Оп. 5, Д. 10; Оп. 5, Д. 1026; Оп. 5, Д. 103; Оп. 5, Д. 1031; Оп. 5, Д. 115; Оп. 5, Д. 116; Оп. 5, Д. 120; Оп. 5, Д. 13; Оп. 5, Д. 130; Оп. 5, Д. 132; Оп. 5, Д. 135; Оп. 5, Д. 139; Оп. 5, Д. 14; Оп. 5, Д. 142; Оп. 5, Д. 154; Оп. 5, Д. 16; Оп. 5, Д. 160; Оп. 5, Д. 162; Оп. 5, Д. 164; Оп. 5, Д. 166; Оп. 5, Д. 167; Оп. 5, Д. 17; Оп. 5, Д. 171; Оп. 5, Д. 172; Оп. 5, Д. 173; Оп. 5, Д. 174; Оп. 5, Д. 176; Оп. 5, Д. 179; Оп. 5, Д. 18; Оп. 5, Д. 180; Оп. 5, Д. 181; Оп. 5, Д. 187; Оп. 5, Д. 195; Оп. 5, Д. 198; Оп. 5, Д. 199; Оп. 5, Д. 2; Оп. 5, Д. 20; Оп. 5, Д. 202; Оп. 5, Д. 205; Оп. 5, Д. 207; Оп. 5, Д. 21; Оп. 5, Д. 214; Оп. 5, Д. 219; Оп. 5, Д. 220; Оп. 5, Д. 221; Оп. 5, Д. 226; Оп. 5, Д. 23; Оп. 5, Д. 232; Оп. 5, Д. 236; Оп. 5, Д. 24; Оп. 5, Д. 244; Оп. 5, Д. 248; Оп. 5, Д. 250; Оп. 5, Д. 251; Оп. 5, Д. 252; Оп. 5, Д. 253; Оп. 5, Д. 258; Оп. 5, Д. 259; Оп. 5, Д. 260; Оп. 5, Д. 260; Оп. 5, Д. 269; Оп. 5, Д. 271; Оп. 5, Д. 272; Оп. 5, Д. 274; Оп. 5, Д. 275; Оп. 5, Д. 276; Оп. 5, Д. 278; Оп. 5, Д. 286; Оп. 5, Д. 290; Оп. 5, Д. 294; Оп. 5, Д. 298; Оп. 5, Д. 3; Оп. 5, Д. 306; Оп. 5, Д. 31; Оп. 5, Д. 32; Оп. 5, Д. 329; Оп. 5, Д. 331; Оп. 5, Д. 339; Оп. 5, Д. 948; Оп. 1, Д. 3; Оп. 3, Д. 14; Оп. 3, Д. 210; Оп. 3, Д. 223; Оп. 3, Д. 23; Оп. 3, Д. 29; Оп. 3, Д. 37; Оп. 3, Д. 59; Оп. 3, Д. 69; Оп. 3, Д. 88; Оп. 5, Д. 148; Оп. 5, Д. 150; Оп. 5, Д. 170; Оп. 5, Д. 175; Оп. 5, Д. 264; Оп. 5, Д. 340; Оп. 5, Д. 342-1; Оп. 5, Д. 347; Оп. 5, Д. 355; Оп. 5, Д. 358-1; Оп. 5, Д. 361; Оп. 5, Д. 38; Оп. 5, Д. 399; Оп. 5, Д. 4; Оп. 5, Д. 402; Оп. 5, Д. 41; Оп. 5, Д. 422; Оп. 5, Д. 428-1; Оп. 5, Д. 431; Оп. 5, Д. 438; Оп. 5, Д. 439; Оп. 5, Д. 441; Оп. 5, Д. 454; Оп. 5, Д. 46; Оп. 5, Д. 462; Оп. 5, Д. 463; Оп. 5, Д. 466; Оп. 5, Д. 47; Оп. 5, Д. 473; Оп. 5, Д. 474; Оп. 5, Д. 48; Оп. 5, Д. 482; Оп. 5, Д. 49; Оп. 5, Д. 490; Оп. 5, Д. 493; Оп. 5, Д. 5; Оп. 5, Д. 50; Оп. 5, Д. 52; Оп. 5, Д. 539; Оп. 5, Д. 551; Оп. 5, Д. 552; Оп. 5, Д. 555; Оп. 5, Д. 556; Оп. 5, Д. 57; Оп. 5, Д. 59; Оп. 5, Д. 62; Оп. 5, Д. 65; Оп. 5, Д. 68; Оп. 5, Д. 7; Оп. 5, Д. 70; Оп. 5, Д. 71; Оп. 5, Д. 735; Оп. 5, Д. 74-1; Оп. 5, Д. 75; Оп. 5, Д. 78; Оп. 5, Д. 794; Оп. 5, Д. 8; Оп. 5, Д. 80; Оп. 5, Д. 81; Оп. 5, Д. 82; Оп. 5, Д. 851; Оп. 5, Д. 863; Оп. 5, Д. 87; Оп. 5, Д. 906; Оп. 5, Д. 908; Оп. 5, Д. 918; Оп. 5, Д. 923; Оп. 5, Д. 930; Оп. 5, Д. 94; Оп. 5, Д. 953; Оп. 5, Д. 97; Оп. 5, Д. 98; Оп. 5, Д. не указ.; Оп. 5, Д. не указ.

²⁵⁸ ГАНУ. Ф. Р-1848, Оп. 1. Д. 21. Л. 47-48.

²⁵⁹ Новосибирский национальный исследовательский государственный университет. Гуманитарный факультет. Профессора. Доктора наук – выпускники факультета. Персональный состав (1962–2012) / сост. Н. Н. Аблажей, С. А. Красильников, С. Н. Ушакова. Новосибирск, 2012. 346 с.; Новосибирский национальный исследовательский государственный университет. Физический факультет. Профессора. Персональный состав, 1961–2014 гг. сост. Н. Н. Аблажей, С. А. Красильников, С. Н. Ушакова. Новосибирск, 2014. 539 с.; Новосибирский национальный исследовательский государственный университет. Экономический факультет. Профессора. Персональный состав, 1967–2017 / сост. Н. Н. Аблажей, С. А. Красильников, С. Н. Ушакова. Новосибирск, 2017. 215 с.; Новосибирский национальный исследовательский государственный университет. Механико-математический факультет. Профессора. Персональный состав, 1961–2016 гг. / сост. Н. Н. Аблажей [и др.]. Новосибирск, 2019. 593 с.; Российская академия наук. Сибирское отделение: Персональный состав. Новосибирск, 2007. 603 с.

перевода в Сибирское отделение АН СССР и получения должности в НГУ. На время работы в НГУ фиксировались должность, кафедра, основной род занятия (для совместителей) на момент поступления в НГУ и в 1968 г.

Чтобы ответить на вопрос, почему взяты участники создания научно-образовательной конструкции НГУ до 1968 г., необходимо аргументировать границы периода его становления. Нижняя граница – 1959 г. определена открытием вуза, верхняя – факторами, требующими своего обоснования. Во-первых, к этому году завершилось формирование базовой факультетской структуры из шести факультетов: факультета естественных наук (1959 г.), математического (1960 г.), физического (1961 г.), геолого-геофизического (1962 г.), гуманитарного (1962 г.) и экономического (1967 г.) факультетов; 46 кафедр, среди которых имелись как базовые, так и специфичные, очерчивающие специализацию НГУ, такие как кафедры гидродинамики, ядерной физики, физики полупроводников, цитологии и генетики, теоретической кибернетики, математических методов в метеорологии и в экономике и др.²⁶⁰. С данной структурой университет просуществовал более четверти века, вплоть до конца 1990-х – первой половины 2000-х гг., когда наступил период динамичного роста и стратегических перестроек, и возник ряд новых факультетов²⁶¹. Соответственно, к 1968 г. стабилизировались динамика и каналы пополнения профессорско-преподавательского состава (приложение 2, диаграмма 1), что будет подробно рассмотрено ниже.

Во-вторых, в 1968 г. произошел «кризис гумфака» – руководство НГУ обсуждало перспективу передачи гуманитарного факультета в формирующийся на тот момент на базе филиала НГУ, Красноярский университет. В следствии технократического взгляда на университетское образование широко распространенного среди руководства СО АН, гуманитарные науки изначально оказывались слабо представлены в университете – долгое время гуманитарный

²⁶⁰ ГАНО Ф. Р-1848. Оп. 10. Д. 448 Л. 49.

²⁶¹ Новосибирский государственный университет: создание, становление, развитие (1959–2019) / Н. Н. Аблажей, С. А. Красильников, Е. Г. Водичев. Новосибирск, 2019. 404 с.

факультет не имел базы в виде профильного ему научного института СО АН, соответственно не подходил по принципам обучения и отвлекал значительные финансовые ресурсы, поскольку для обучения небольшого количества студентов приглашались лекторы из других городов. В силу своей малочисленности ГФ «не мог и абсорбировать талантливых выпускников»²⁶².

Предложение о переносе ГФ в Красноярск возникло вследствие ряда предшествующих прецедентов. Одним из них стала скандальная ситуация, возникшая весной 1965 г. в Институте экономики в связи с выделением из него по решению президиума СО АН лаборатории экономическо-математических исследований с передачей ее НГУ и преобразование Отдела гуманитарных исследований в самостоятельный Институт истории, филологии и философии в конце 1966 г. Группа экономистов истолковала эту реорганизацию как разгром ИЭ и ОПП и выступила с предложением отозвать председателя СО АН СССР М. А. Лаврентьева из состава депутатов Верховного Совета СССР²⁶³. В 1968 г., как следствие реакции на судебный процесс над диссидентами Ю. Галансковым, А. Гинзбургом, А. Добровольским и В. Лашковой, преподавателями НГУ, преимущественно гуманитарного факультета, было подписано «письмо 46-ти»²⁶⁴, также прошла акция, инициированная студентами ГФ, по написанию оппозиционных лозунгов на стенах университета и в других общественных местах Академгородка. Решение о ликвидации ГФ НГУ не было осуществлено, однако произошла смена руководства на факультете. В отчетном докладе парткома НГУ от 28 сентября 1968 г. записано: «Партком с самого начала занимал четкую и последовательную позицию – факультет сохранить, но принять меры по коренному улучшению учебной и воспитательной работы по подбору кадров как по деловым, та и политическим качествам. На этой основе партбюро факультета и партбюро института истории СО АН разработали соответствующие предложения.

²⁶² Новосибирский государственный университет: создание, становление, развитие (1959–2019) / Н. Н. Аблажей, С. А. Красильников, Е. Г. Водичев. Новосибирск, 2019. С. 155.

²⁶³ Борзенков А. Г. Переселение гумфака: Красноярская альтернатива // Логос, 1997. № 1. С. 26.

²⁶⁴ Кузнецов И. С. Академгородок в 1968 году: "дело 46-ти" в зеркале документов // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2007. Т. 6. № 1, С. 233-238.

Было сформировано новое руководство факультета декан – Н. Я. Гуцин, зам. Декана В. В. Алексеев»²⁶⁵. В дальнейшем были предприняты меры по ужесточению контроля парткома над ГФ²⁶⁶.

В-третьих, в 1968 г. произошла сепарация Красноярского филиала (КФ) НГУ, доучившего первый и единственный выпуск в составе 82 специалистов, прежде чем стать самостоятельным вузом. 14 января 1969 г. состоялось торжественное открытие Красноярского государственного университета.

КФ НГУ был открыт в 1963 г.²⁶⁷ как часть кадровой поддержки СО АН с целью подготовки специалистов по физике и вычислительной математике для научных центров Сибири и Дальнего Востока. Он имел один факультет – физико-математический. Преподавательский состав набирался по тем же принципам, что и в новосибирском Академгородке – с приоритетом на научный опыт соискателя и готовность к совместительской работе. Преподавание по «системе физтеха», распределение выпускников в научные центры Восточной части СССР, выстраивание взаимодействия с научными центрами также были аналогичными НГУ. Однако спустя пять лет стала очевидной необходимость приобретения филиалом институциональной самостоятельности и расширения масштабов. В первый год КГУ открыл специальности биохимии, юриспруденции, а количество студентов выросло до двух тысяч²⁶⁸.

Кроме вышеперечисленных локальных, внутриуниверситетских причин к концу 1960-х гг. усиливалась общесоюзная тенденция к стандартизации высшего образования. Процесс бюрократизации проявился в высшей школе в закостенении учебных планов, сокращении финансирования и снабжения ресурсами, в требованиях повышения идеологической составляющей в обучении. В НГУ она

²⁶⁵ ГАНО Ф. П-269. Оп. 6. Д. 1460. Л. 50.

²⁶⁶ 1968 год. // Логос, 1997, № 1. С. 19-29.

²⁶⁷ Терскова А. А. Из истории становления Красноярского государственного университета // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2020. № 1. С. 130.

²⁶⁸ Терскова А. А. Из истории становления Красноярского государственного университета // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2020. № 1. С. 132.

выразилась в перманентной борьбе за право на своеобразие, усилении политического и идеологического контроля над преподавателями и студентами.

Динамика прироста организаторского состава НГУ на протяжении времени формирования структуры университета 1959–1968 гг. неразрывно связана с общей картиной пополнения ППС. Соответственно в качестве логического обоснования ее траектории, следует учитывать динамику прироста ППС в целом. Однако определить точное количество преподавателей представляется практически невозможным в связи с тем, что существуют расхождения в их фиксации самими источниками. Так, на протяжении изучаемого десятилетия в разные периоды в одних отчетных документах фигурировали только штатные сотрудники, в других добавились совместители на 0,5 ставки, в третьих преподаватели, работающие по условной часовой оплате, в четвертых они оказывались объединены – такая размытость в сведениях явилась следствием того, что в течении всего исследуемого периода руководство НГУ отстаивало преференцию преобладания совместителей над штатом перед Минвузом, хотя не всегда успешно.

Динамика штатного профессорско-преподавательского состава выглядит следующим образом. В первый год работы в штат ППС было принято 25 человек, в следующий учебный год количество штата ППС составило 57²⁶⁹, в 1962 /1963 – год открытия гуманитарного (ГФ) и геолого-геофизического (ГГФ) факультетов произошел всплеск пополнения, количество штатных сотрудников составило 203²⁷⁰. Следующее очевидное пополнение штата датировалось 1965 г., затем шел стабильный прирост: 1965/1966 – 237 штатных преподавателей²⁷¹, 1966/1967 – 245²⁷², 1967-1968 – 249²⁷³, 1968/1969 – 250²⁷⁴ (приложение 2, диаграмма 1).

Посмотреть на динамику ППС под другим углом позволяет отобранная группа акторов университета, поскольку из 176 ученых-педагогов штатными

²⁶⁹ ГАНО Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 13. Л. 8.

²⁷⁰ ГАНО Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 13. Л.8.

²⁷¹ ГАНО Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 237. Л. 34.

²⁷² ГАНО Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 367. Л. 31.

²⁷³ ГАНО Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 448. Л. 49.

²⁷⁴ ГАНО Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 448. Л. 46.

сотрудниками являлись только 25, остальные совмещали преподавательскую деятельность с научной и организационной преимущественно в СО АН. В 1959 г. непосредственно на работу в НГУ поступило 30 человек, в следующем году к ним прибавилось 17. В 1962 г. также просматривается «скачок» – на работу было принято 49 человек. Затем следует тенденция к постепенному уменьшению в приеме сотрудников (приложение 2, диаграмма 2).

При сравнении двух линий прироста ППС выявился один отличительный аспект: в 1965 г. произошел очевидный прирост штата при уменьшении приема совместителей, однако в следующие годы соотношение цифр стабилизировалось. Вероятно, такая ситуация связана с окончанием временно действующего ходатайства о работе совместителей в НГУ 1961–1964 гг., поданного и. о. ректора Р. И. Солоухиным министру МВССО РСФСР В. Н. Столетову²⁷⁵. Поскольку руководство НГУ не могло официально закрепить эту преференцию на начальном этапе, оно пользовалось временными прошениями, между которыми возникали лакуны в легальном существовании совместителей, в такие периоды руководство НГУ опиралось на неформальные отношения между НГУ и СО АН.

Штатные сотрудники составляли приблизительно 1/3 из общего преподавательского состава, что отражено в следующих документах: в справке координационного совета Западно-Сибирского МВССО ППС НГУ на 1.01.1964 г. указано 148 штатных преподавателя, 143 совместителя²⁷⁶, в внутренних университетских справках указан следующий состав ППС на 1964–1965 г. штат – 209, совместители – 162, почасовики – 329²⁷⁷; распределение численности ППС на 1.03. 1968 г. было следующим – штат – 249, работающих по совместительству на 0,5 ставки – 270, работающих на условиях почасовой оплаты – 237²⁷⁸. Сведений о количестве совместителей в первые годы работы университета в архивах не было

²⁷⁵ ГАНО Ф. Р-1848. Оп. 4. Д. 110. Л. 8.

²⁷⁶ ГАНО Ф. Р-1848. Оп. 6. Д. 226. Л. 10-12.

²⁷⁷ ГАНО Ф. Р-1848. Оп. 10. Д. 448. Л. 49.

²⁷⁸ ГАНО Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 88. Л. 20.

выявлено. Приблизительно, в зависимости от кафедры и года, каждый пятый преподаватель НГУ в определенной мере влиял на формирование его структуры.

Проанализируем вначале базовые, исходные персональные параметры выделенной общности. В исследуемой группе существовал значительный, почти полувековой возрастной разрыв от 1894 до 1940 г. рождения. Использование при его рассмотрении временного лага в 10 лет дало следующую картину: рожденные до 1910 г. – 30 чел., с 1910 по 1919 – 38 чел., с 1920 по 1929 – 64 чел., с 1930 по 1940 – 44 чел. Преобладающее количество акторов НГУ на момент начала своей работы в университете имело средний возраст от 40 до 50 лет. Однако для других показателей, таких как социальное происхождение, получение высшего образования, карьерный рост и др. диссертантом проводилось следующее деление: рожденные до и в революционный 1917 г. – 60 чел., с 1918 г. по 1928 г. – 66 чел., с 1929 г. по 1940 г. – 50 чел. Обусловлено данное деление общими политическими и социальными процессами в стране, связанными с громадными экстремальными событиями (революция и последующая Гражданская война, сталинская «революция сверху»). При обращении к корреляции года рождения и социальному происхождению наблюдалась следующая тенденция. Поколение до 1917 г. (старшее) показало высокую вариабельность признаков: здесь имелось немало выходцев из средних социальных страт – сын священника (Д. К. Беляев), учителя (Ф. Н. Шахов) профессора (И. В. Лучицкий), мещанина (Ю. Я. Керкис, М. И. Рижский, Л. М. Розенфельд, В. Н. Сакс). Социальное происхождение «из дворян» в личном листе указали 7 человек (М. А. Лаврентьев, К. Б. Карандеев, В. С. Соболев, С. А. Христианович, А. А. Ляпунов П. Я. Кочина) и сын дворянина и мещанки (В. В. Воеводский). В то же время имел место факт, что выходец из дворянства Г. К. Боресков предпочел не указывать это. В основной же своей массе самоидентификаторы, отраженные в анкетах и биографиях фактически представляли собой использование стереотипных клише, принятые для маскировки в советское время: «Из служащих» – 29 (48 %), «из рабочих» – 5 (8 %), «из крестьян» – 7 (12 %).

Соответственно, у родившихся в период с 1918 по 1928 (среднее поколение) пропала разновидность социального статуса родителей в заполнении личного листа, маркировка социального происхождения стала формальной и отразила нормативные критерии постреволюционной эпохи. Зафиксировано четыре варианта заполнения пункта о социальном происхождении: «из военнослужащих», «из крестьян», «из рабочих» и преобладающее – «из служащих». Рождённые в третий период с 1929 г. (молодое поколение) показали еще более упрощенную картину в заполнении личного листа – указание «из служащих», вероятно стандартизировалось и стало универсальным для заполняющих, кроме этого увеличился процент незаполненных анкет. Однако такая тенденция указала скорее на изменение отношения к делопроизводству, чем на утраченную самоидентификацию по социальному признаку. Так, в мемуарных источниках встречались обширные знания своей семейной истории, например, Д. В. Ширков (1928 г. рожд.) писал: «Сибирь привлекала не только новизной жизненных задач. В Сибири были мои корни... Дед матери, Петр Иванович Макушин, сын сельского дьячка из-под Перми, он из Петербургской духовной академии отправился миссионером на Алтай, а затем, на рубеже веков стал выдающимся Сибирским просветителем»²⁷⁹.

Фактически советская эпоха привела к редуцированию достаточно непростой картины, связанной со статусным положением семьи, где допускалось варьировать родством по линии одного из родителей, но следует констатировать, что самим фактом получения высшего образования и дальнейшей карьерой в науке ученые были обязаны прежде всего интеллектуальной среде в семьях, где они росли. Другое наблюдение связано с тем, что дискутировавшийся особенно в раннесоветский период тезис о формировании народной интеллигенции, главным образом из низов общества применительно к научно-педагогической интеллигенции скорее подтверждает наличие тенденции к ее воспроизводству на

²⁷⁹ Ширков Д. В. Он был из породы преобразователей // Век Лаврентьева. Новосибирск, 2000. С. 113.

основе различных корпоративных общностей специалистов (учительство, инженеры, медики и др.).

Коллективный портрет акторов университета дополнен сведениями о месте рождения и национальности. Основная часть ученых первой возрастной группы родилась на территории, географически входившей в состав европейской части России (РСФСР), при этом 16 (26 %) из них была связана местом рождения с другими национальными республиками страны (Дагестанская, Латвийская, Польская, Украинская и др.), что подчеркивает не только существование территориального «ядра», но и присутствие «периферийности», смещенной к европейской границе. Следующие две группы показали уверенную тенденцию к географическому расширению на восток. Среди ученых третьей возрастной группы были выходцы из Новосибирска, Томска, Красноярска, Читы, Амурской области и Китайской народной республики. Если первая из возрастных когорт (дореволюционная) представлена территориально только тремя выходцами из Сибири (5%), то вторая – девятью (14%), а третья уже пятнадцатью (30%).

Вариация этнического состава групп не презентабельна в зависимости от периода рождения, он неизменно оставался разнообразным. При доминировании в нем русских – 114 (64%), вторая по численности группа представлена евреями – 33 (19%), третья – украинцами – 10 (6%), остальная часть акторов – выходцами других восьми этносов (армяне, белорусы, греки, поляки, казахи, караимы, татары, чуваша). Естественно, по приведенным данным нельзя считать, что это отражение общих тенденций этнического облика когорты отечественных ученых конца 1950-х – конца 1960-х гг. Тем не менее есть вероятность того, что такого рода данные в известной мере отражали этническое разнообразие не только элитной группы ученых, но и более широкого круга научных работников, участвовавших в создании Сибирского отделения АН СССР и НГУ, во всяком случае, применительно к трем базовым этническим общностям (русские, евреи, украинцы).

При изучении показателя наличия среди акторов членства в КПСС, результаты не дали вариабельности во времени кроме увеличивающегося числа незаполненных анкет. В целом, картина следующая: 78 (44 %) являлись членами КПСС, 83 (47 %) – нет, 15 (9 %) – не указано. Также в представленной группе акторов присутствуют 12 (7 %) женщин, со временем их количество не варьировалось. Далее имело место стабильное преимущественное преобладание городских над рождёнными в сельской местности, в целом: 125 (71 %) – из города, 41 (23 %) – из села (деревни, поселка, местечка и т.д.), 10 (6 %) – не указано.

Характерными отличиями среди возрастных групп обладал путь в науку, обязательным этапом которого являлось окончание того или иного вуза и место его нахождения. Три группы представлены преимущественно выпускниками Московских и Ленинградских вузов, что подтвердило отсутствие разветвленной системы образования и концентрирование интеллектуальной элиты в столичных городах страны. Однако при анализе дифференций групп со временем выявилось смещение вектора от Ленинграда к Москве. Старшая возрастная когорта дает 27 выпускников из северной столицы (45%), 20 – московских (33%), средняя – 10 (15%) и 29 (44%) соответственно, младшая – 6 (12%) и 24 (48%).

Отдельно отметим, что среди акторов НГУ, родившихся после 1931 г. не присутствовало выпускников ЛГУ, и только один закончил Ленинградский горный институт (Н. Л. Добрецов). Здесь имело место действие двух важных факторов, повлиявших на это: во-первых, в рамках советской научной политики перенос стратегических центров в Москву, в том числе перемещение руководства АН СССР в столицу в 1934 г., а также разделение физико-математический института на институт физики им. П. Н. Лебедева (ФИАН) и институт математики им. В. А. Стеклова (МИАН)²⁸⁰, ставших одним из «точек сборки» будущих создателей физико-математических направлений в НГУ. Во-вторых, Великая

²⁸⁰ Кочина П. Я. Воспоминания. М., 1974. С. 94.

Отечественная война, блокада Ленинграда и ее последствия отразились на жизни в Ленинграде в целом, что способствовало переезду групп ученых в Москву.

Одновременно просматривается курс на восток, как в случае с корреляцией места рождения. В старшей группе присутствует только два выпускника из Томского государственного университета; в средней группе к Томскому добавляются выпускники из Новосибирских вузов – медицинского и педагогического; в молодой группе присутствуют выпускники из Иркутского, Томского, Новосибирских вузов.

При сопоставлении вузов, которые закончили будущие ученые и где они начинали формирование собственных научных направлений, вырисовывается дисбаланс факультетского и кафедрального наполнения НГУ. Если авангардные физико-математические специальности создавались выпускниками ЛГУ, МГУ, МФТИ, то специальности, которые можно назвать экспериментальными, не имели такого же ярко выраженного статуса. В них либо не отмечено очевидной «точки сборки» в одном из столичных вузов, (такими направлениями были гуманитарное и биологическое), либо связь есть, и учеными было получено образование в одном вузе, однако не столичном, а ближайшем к Академгородку. Таким было медицинское направление на ФЕН, сформированное благодаря усилиям выпускников Новосибирского медицинского института, и по ряду причин не получившее дальнейшего развития в университете, что привело к его закрытию. Приоритеты одних направлений перед другими полнее раскрыты при обращении к дальнейшему научному пути акторов НГУ. При анализе анкетного пункта о полученном высшем образовании вырисовывается рейтинг самых популярных вузов, где обучалась элита ученых. Несомненными лидерами явились ЛГУ, МГУ, для физической специальности также МФТИ, для химической специальности – МХТИ, для геологической – Ленинградский горный институт.

Следующий этап на пути в науку – защита кандидатской диссертации. Преимущественно она проходила в Москве или в Ленинграде, где концентрировалась научная элита. Данная ситуация обусловлена практическим

отсутствием сети диссертационных советов вне Москвы и Ленинграда в довоенный период. Ученые формировали свои школы в том числе и за счет притока талантливой молодежи из периферийных вузов, тем самым создавая кадровый потенциал для будущего научно-образовательного комплекса в Новосибирске. Средний возраст защитивших кандидатскую диссертацию среди акторов составил 30 лет. При сопоставлении трех возрастных когорт проявилось незначительное омоложение кандидатов наук. В старшей и средней группах средний возраст защитившихся составил 31 г., в младшей – 28.

Однако здесь необходимо учитывать, что из статистики исключены ученые, профессиональное становление которых пришлось на начало и середину 1930-х гг., и не проходивших защиту диссертации в силу внешних по отношению к науке обстоятельств. Так, в 1918 г. произошла первая советская реорганизация науки – были приняты «тезисы Покровского»²⁸¹, где одним из пунктов значилась отмена ученых степеней и званий. Затем, в 1919 году научные работники декретом СНК делились на пять категорий. Категории определяли ценность ученого для советской власти на данный момент и, соответственно, размер его пайка и денежного довольствия. Но опосредованно они фиксировали и научные заслуги ученого при отнесении его в ту или иную категорию. В 1928 году пять цифровых категорий ученых сводились в три буквенные (ученые категории «А», «Б» и «В»). Однако и буквенная система не оправдала себя и в 1934 г. была возвращена старая «имперская», но подредактированная иерархия ученых – «Требования для присвоения ученых званий профессора и доцента весьма схожи с требованиями, установленными Уставом 1906 г.»²⁸², магистры переименовывались в кандидатов наук, приват-доценты – в доцентов. В то же время упрощена была система званий профессора – перестали существовать заслуженный, ординарный, экстраординарный, адъюнкт-профессор.

²⁸¹ Собрание узаконений и распоряжений Правительства за 1917 - 1918 гг. М., 1942. С. 999-1000.

²⁸² Соколов А. Ю. Эволюция правового регулирования института ученых званий в России // Правовая политика в современном обществе. 2021. № 3. С. 15.

Соответственно ряд известных ученых, занимавших высокое положение в научном сообществе, важные посты в вузах и научных центрах до 1934 г. не имели званий. Однако в первые годы после принятия новых правил была распространена практика присваивания степеней без защиты, с целью восстановить ученую иерархию в короткий срок. Такая практика использовалась и далее - присвоение степеней без защиты, основанное на опубликованных научных трудах встречалось в 1940 г. и в 1959 г. Среди акторов НГУ имелось семеро ученых, которым была присвоена кандидатская степень без защиты: А. В. Николаев, Б. В. Птицын, В. Н. Сакс, А. Д. Слоним, В. С. Соболев, П. Я. Кочина, С. А. Христианович; 7 ученых, которым была присвоена докторская степень без защиты: М. А. Лаврентьев, Л. В. Канторович, С. Л. Соболев, Ф. Н. Шахов, В. В. Хвостова, Ю. Б. Румер, Н. А. Желтухин.

Вторая возрастная группа также имеет свою специфику, поскольку обучение в вузе, либо аспирантуре пришлось на годы Великой Отечественной войны, что вынуждало молодых людей откладывать обучение и научную карьеру. В годы войны университет закончили 18 человек, и не защищено ни одной диссертации. Отличительная особенность третьей возрастной группы заключается в том, что в ней присутствуют акторы НГУ, не имеющие степени кандидата наук – Т. Г. Голенпольский – один из основателей специальности математическая лингвистика, Е. Х. Гурская – заместитель декана ФЕН, Л. Ф. Лисс (1928 г. рождения находится на границе средней и младшей возрастных когорт) – начальник учебной части НГУ, со-организатор гуманитарного факультета. Отсутствие ученой степени в данном случае аргументируется не молодым возрастом, на момент поступления на работу в НГУ ученым было более 30 лет, но, как и в случае с выявленной взаимосвязью вуза, в котором проходило обучение и научного направления в НГУ, показаны более слабые направления – биологическое и гуманитарное. Вероятно планка для принятия на работу в эти направления была понижена относительно физико-математических, химических и геолого-геофизических направлений. Следует указать, что для младшего возраста

учтены защиты вплоть до 1968 г., то есть и те, что проходили уже при совмещении с работой в НГУ.

Самые молодые акторы НГУ, которые получили степень кандидата наук, уже имея должность в университете – Е. И. Биченков (к.ф.-м.н. в 28 л., проректор по учебной работе), А. Б. Шабат (к.ф.-м.н. в 27 л., автор опубликованных лекций для студентов в области математической физики), А. С. Марченко (к.ф.-м.н. в 28 л., заместитель декана механико-математического факультета (ММФ)), В. В. Пухначев (к.ф.-м.н. в 25 л., автор опубликованных лекций для студентов в области гидродинамики), Ю. Л. Ершов (к.ф.-м.н. в 24 л., д.ф.-м.н. 26 л., выпускник НГУ, проф. НГУ в 28 л.). Все пятеро получили степень в области физико-математических наук, что позволяет считать наличие повышенной концентрации молодого контингента в наполнении физического и математического факультетов по сравнению с остальными. Подтверждается это и одним из способов формирования физико-математических специальностей в НГУ – из студентов – учеников именитых преподавателей старшего поколения: «В середине 50-х на Физтехе в Долгопрудном Дед (М. А. Лаврентьев) отобрал группу дипломников, около десяти человек, для дальнейшей работы в Сибири. В 1958 г., прямо со студенческой скамьи, Лаврентьев перевез их в щитовые домики Золотой долины...»²⁸³.

Защита докторской диссертации показывает, что среди изучаемой группы характерен динамичный путь в науку – средний возраст присвоения степени доктора наук – 37 лет. Среди первой группы средний возраст составляет – 41 год. Из 60 ученых старшего поколения не имели докторской степени трое: Б. О. Солоноуц, М. И. Рижский, Д. К. Беляев. Следует указать, что Д. К. Беляев, не имея докторской степени, в 1964 г. стал член-корреспондентом Академии наук, что, как и отсутствие степени кандидата у ряда докторов наук, указывает на некоторую ситуативную вариабельность в научной карьере. Вторая группа имеет

²⁸³ Ширков Д. В. Он был из породы преобразователей // Век Лаврентьева. Новосибирск, 2000. С. 116.

средний возраст присвоения докторской степени – 39 лет. Процент не имеющих в ней докторской степени возрос до 33 %.

Третья группа показывает средний возраст – 33 года, однако процент без докторской степени – 54 %, что можно объяснить молодостью ученых в данной группе. На момент поступления на работу в НГУ, средний возраст молодых ученых составлял 29 лет. Преимущественное большинство получило степень доктора уже работая в НГУ. Только два представителя этой группы поступили на работу уже будучи докторами наук - С. В. Нагаев, ставший доктором наук в 31 год, и Н. Н. Воронцов – в 33 года, оба работали в должности профессора в НГУ в области: первый – математической статистики, второй – молекулярной физики. Принятие на работу в СО АН и НГУ стимулировало защиту кандидатской и докторских диссертаций. Те, у кого отсутствовала кандидатская степень, получали ее в течении от одного до двух лет, за редким исключением до четырех - пяти лет (Б. Д. Аннин, Е. И. Биченков, А. С. Марченко). Среди кандидатов наук, принятых на преподавательскую работу в НГУ, срок от поступления на работу до защиты докторской диссертации варьировался от одного до шести лет. Таким образом, работа в Сибирском отделении и университете позволила ученым данной группы обеспечить весьма стремительный по научным меркам статусный рост.

Подобным образом участники двух старших когорт обретали возможность увеличить свой статус получая звание член-корреспондентов и действительных членов Академии наук. За 1959 – 1968 гг. 25 (21 %) ученых приобрели звание член-корреспондента, работая в СО АН. Из 23 (19 %) академиков АН СССР – акторов НГУ, трое – М. А. Лаврентьев, С. Л. Соколов, С. А. Христианович получили это звание в 1930-е – 1940-е гг., далее, шестеро – в 1958 г., к моменту принятия решения о переезде в Новосибирск, во время первых выборов в члены АН СССР на вакансии по Сибирскому отделению, 14 – уже осуществляя активное участие в создании СО АН и НГУ. Средний возраст присвоения звания академика – 48 лет.

Специфика структуры НГУ прослеживается при изучении научной специализации ее основателей (общая динамика: приложение 2, диаграмма 3; по возрастным группам: диаграммы 4-6). 170 ученых исследуемой группы, указали в личном деле область знаний: биология – 10 (6%), геолого-геофизические науки – 16 (10%), история – 11 (5%), медицина – 9 (5%), технические науки – 24 (14%), физико-математические науки – 66 (36%), филология – 4 (2%), философия – 4 (2%), химия – 19 (12%), экономика – 7 (4%). Технократический крен объясняется первоначальной целью создания НГУ – перенос системы «физтеха» и подтверждается тем, что среди тех, кто выступал разработчиками и создателями нового университета, были признаваемый «отцом физтеха» С. А. Христианович, первый ректор университета И. Н. Векуа и М. А. Лаврентьев до переезда в Новосибирск, заведовавшие кафедрами МФТИ. Академики сформировали первую управляющую команду, в которую вошли в том числе преподаватели МФТИ – Б. О. Солоноуц, Р. И. Солоухин, В. В. Воеводский, Б. В. Войцеховский. С той же целью академики «перебросили молодой десант» из своих учеников – студентов, аспирантов МФТИ и МГУ, которые впоследствии приняли активное участие в формировании физико-математической линии НГУ – Д. В. Ширков, Б. В. Шабат, В. В. Пухначев, Е. И. Биченков и др. Участие в становлении и развитии МФТИ, выросшего из физико-технического факультета МГУ и призванного обеспечить специалистами развитие новых отраслей техники, стало первой «точкой сборки» для будущих акторов физико-математической линии НГУ.

Помимо совместной деятельности на платформе «физтеха» другими «точками сборки» для физико-математического направления выступали прежде всего московские структуры, в частности МГУ, где ранее учились, а затем преподавали математики и физики А. А. Ляпунов, С. Л. Соболев, Г. И. Будкер, А. И. Мальцев, Ю. Н. Работнов, И. И. Новиков и др. Многих из них объединяла и работа в Математическом институте им. В. А. Стеклова АН СССР, в Институте атомной энергии им. И. В. Курчатова. Об этом свидетельствует тот факт, что в

названных выше академических институтах и вузах к моменту перевода в СО АН СССР работали и преподавали 45 % ученых физико-математической группы.

В послевоенный период сформировалась еще одна важная «точка сборки», объединившая жизненные траектории основной когорты ученых, и давшая опыт совместной работы в сфере науки - это атомный проект, в реализацию которого были вовлечены элитные группы научно-технической интеллигенции. Необходимо учитывать, что определить точное количество участников атомного проекта среди преподавателей НГУ представляется невозможным, поскольку некоторый процент ученых не указывал в резюме работу над ним в силу различных обстоятельств.

О работе будущих основателей СО АН СССР и НГУ в рамках атомного проекта свидетельствует тот факт, что академики С. Л. Соболев, М. А. Лаврентьев и С. А. Христианович занимали в нем ряд важных позиций. М. А. Лаврентьев в 1953-1955 гг. являлся заместителем научного руководителя КБ-11 (ядерный центр в Арзамасе-16); С. А. Христианович уже во время войны принимал участие в работах коллектива лаборатории № 2 АН СССР, занимавшегося разработкой газодиффузионного метода разделения изотопов урана. В последующие годы он участвовал в испытаниях ядерного оружия в атмосфере и под водой, в разработке проблемы защиты от этого оружия. С 1946 г. в реализации атомного проекта участвовал физик Г. И. Будкер, с 1953 г. математик Г. И. Марчук, с конца 1940-х гг. химик Г. К. Боресков решал задачи, связанные с разработкой методов получения и промышленного производства тяжелой воды. В 1948 г. «расчетная группа математика Л. В. Канторовича была подключена к разработке ядерного оружия. В 1949 году стал лауреатом Сталинской премии за работы по функциональному анализу»²⁸⁴. Важную роль в организации работы над проектом играл И. И. Новиков, в 1950–1956 гг. – начальник научно-технического управления Первого Главного управления при Совете Министров СССР.

²⁸⁴ Лахман И. Леонид Витальевич Канторович [Электронный ресурс] URL: http://www.russianscientist.org/files/archive/History/2015_LAKHMAN-31.pdf. (дата обращения: 07.04.2023).

В Советском атомном проекте принимали участие не только представители двух старших групп, но и молодые ученые, например, А. А. Титлянова, соорганизатор специализации радиохимии НГУ и заместитель декана ФЕН, указала в списке работ с 1952 г. «Атомный проект» (п/я 0215), г. Свердловск²⁸⁵. П/я 0215 был «институтом-дублером» для разработки и испытаний ядерных орудий. В Институте атомной энергии им. И. В. Курчатова до отъезда в Новосибирск работали Р. З. Сагдеев – декан ФФ НГУ и соорганизатор кафедры ядерной физики, Ю. Е. Нестерихин – заведующий кафедрой общей физики НГУ. Кроме того, поскольку преобладающая часть молодой группы состояла из учеников вышеназванных ученых, существует вероятность, что они также были близко знакомы с работой в изучении атома.

МХТИ им. Д. И. Менделеева стал «точкой сборки» для ученых химических специальностей. Академики Г. К. Боресков и Н. Н. Ворожцов заведовали кафедрами в МХТИ, в СО АН они возглавили институты катализа и органической химии соответственно, и стали соорганизаторами одноименных институтам кафедр НГУ. Выпускники МХТИ, оставшиеся там работать в качестве заведующего лабораторией – Г. Г. Якобсон, младшего научного сотрудника – В. А. Коптюг, стали ядром кафедры органической химии НГУ. Декан ФЕН, Д. Г. Кнорре – основатель специализации биохимии в НГУ также был выпускником МХТИ, однако по окончании вуза некоторое время преподавал в МФТИ и вел научную работу в институте химической физики АН.

Основатели других научных направлений в НГУ (гуманитарных, геологических, естественных наук) в большинстве своем ранее были связаны с Сибирью своей научной деятельностью, что играло важную роль в мотивации их приглашения для работы и преподавания в Новосибирск. В частности, областью научных интересов заведующего кафедрой истории археолога А. П. Окладникова также была Сибирь, декан гуманитарного факультета В. А. Аврорин и профессор Е. И. Убрятова являлись одними из ведущих в стране исследователями языков

²⁸⁵ Архив НГУ Ф. 1848. Оп. 3, Д. 216. Л. 2.

народов Сибири, заведующий кафедрой истории КПСС Н. Я. Гушин изучал социально-экономическое развитие сибирской деревни в период социализма. Заведующий кафедрой полезных ископаемых А. А. Трофимук занимался проблемами поисков нефти и газа в Сибири, заведующий кафедрой минералогии и петрографии В. С. Соболев до перевода в СО АН СССР активно изучал минералы Сибири и Якутии, где открыл новое месторождение алмазов. Организаторы кафедры медицинской биологии – заведующий Б. Б. Фукс, профессора Л. Л. Ванников, В. А. Колаев, доцент и зам. декана ФЕН Л. Н. Иванова ряд лет вели практику в Новосибирском медицинском институте.

Деятельность ученых в сфере высшего образования, в частности преподавательский опыт, накопленный до переезда в Новосибирск, является особенно ценным при организации новых структур высшей школы. Ко времени открытия нового вуза в новосибирском Академгородке «старшей» и «средней» группами был накоплен значительный опыт заведования кафедрами, лабораториями, курирования научных работ и других видов организации учебно-научного процесса. Из общего количества ученых 30 (17 %) человек занимали руководящие должности в вузах на момент перехода на работу в НГУ, из них 19 (32 %) – из старшей группы. К моменту поступления на работу в НГУ опыт преподавания в вузах был следующим. В старшей группе: более 10 лет – 46 (76 %) человек, до 10 лет – 2 (3 %), не имели преподавательской работы – 8 (13 %). Не указано – 4. В средней группе: более 10 лет – 22 (33 %), до 10 лет – 29 (44 %), не имели преподавательской работы – 12 (18 %). Не указано – 4. В младшей группе: более 10 лет – нет указаний, до 10 лет – 14 (28 %), не имели преподавательской работы – 35 (70 %). Не указано – 1.

Преобладающее большинство ученых совмещали научную деятельность с преподаванием в вузах, что стало затем базовым принципом работы в СО АН СССР и в НГУ, где уже на этапе становления соотношение в руководящих звеньях между совместителями и штатными преподавателями университета было абсолютно в пользу первых: в изучаемой группе штатными сотрудниками

являлись 24 (14 %) преподавателя. Совместители на момент начала преподавания в вузе, преимущественно год-два работали в институтах СО АН, что подтверждает их первостепенную задачу как научную деятельность. В старшей группе совместителями были 55 (83 %) человек. В следующем соотношении – Институт геологии и геофизики (ИГиГ) – 11, Института математики (ИМ) – 6, Институт гидродинамики (ИГиЛ) – 5, Институт неорганической химии (ИНХ) – 5, остальные институты СО АН и другие предприятия представлены 1-3 работниками. В средней группе совместителями были 55 (92 %) человек. В следующем соотношении – ИМ – 13, Институт ядерной физики (ИЯФ) – 6, Институт экономики и организации промышленного производства (ИЭиОПП) – 6, ИГиГ – 5, ИГиЛ – 4, остальные институты СО АН и другие предприятия представлены 1-3 работниками. В младшей группе совместителями были 42 (84 %) человека в следующем соотношении: ИМ – 10, ИГиЛ – 8, ИЯФ – 5, остальные институты СО АН представлены 1-3 работниками. Численное преобладание представителей из институтов физико-математического профиля объяснялось тем, что преподавание математики распространялось в университете практически на все специальности кроме истории и филологии, то же в отношении курсов физики для естественнонаучных специальностей. Так, через выстроенную таким образом кадровую политику произошло органичное соединение научно-образовательных принципов, которую афористически выразил М. А. Лаврентьев: «Нет ученых без учеников».

При разделении по периодам пополнения нового вуза распределение по институтам сотрудников НГУ показало скорый рост и разветвление сети СО АН. В 1959 г. из 27 совместителей ИГиЛ – 11, ИМ – 7, ИЯФ – 3, остальные институты – ИГиГ, ИНХ, Институт теоретической и прикладной механики (ИТПМ) представлены 1-2 работниками. В 1962 г. из 40 совместителей ИГиГ – 9, ИМ – 7, Отдел гуманитарных исследований и сектора экономики ИЭиОПП – 7, остальные институты – (всего 11) представлены 1-2 работниками. В 1965-1968 из 23 совместителей ИТПМ – 3, ИМ – 2, ИЯФ – 2, остальные институты (всего 16)

представлены 1 работником. Таким образом, в НГУ были представлены сотрудники всех институтов СО АН, а структура факультетов и кафедр вуза развивалась согласно существовавшей структуре научного центра.

Коллективный портрет дополняется сведениями о знании иностранных языков – необходимого условия для взаимодействия с международным научным сообществом и ознакомления с передовыми научными исследованиями. Возможность читать на иностранных западноевропейских языках была у всех ученых исследуемой группы. Возможность свободно говорить на трех языках у старшей группы указали 12 (20 %) человек, на двух – 13 (22 %), на одном – 15 (25 %). Английский указали 30 (50%) человек, немецкий – 27 (45 %), французский – 18 (30 %). Указали «нет» – 19 (31 %), не указали – 1. Возможность свободно говорить на трех языках у средней группы указали 2 (3 %) человека, на двух – 6 (9 %), на одном – 24 (36 %). Английский указали 29 (44 %) человек, немецкий – 10 (15 %), французский – 3 (4 %). Указали «нет» – 31 (47 %), не указали – 4. Возможность свободно говорить на трех языках у младшей группы не указано, на двух – 3 (6 %), на одном – 24 (48 %). Английский указали 21 (42 %) человек, немецкий – 4 (8 %), французский – 1 (2 %). Указали «нет» – 22 (44 %), не указали – 2. Картина динамики знаний иностранных языков в научном сообществе отражает общую мировую тенденцию к редуцированию в науке языкового разнообразия и постепенному установлению английского языка как основного международного.

Практиковались поездки новосибирских ученых за границу: в Англию, Францию, Швецию, Австрию, США, Японию и другие страны. Научное сообщество и в этой сфере показало высокую мобильность. Командировки с научными целями за рубеж, участие в международных симпозиумах, конференциях в старшей группе указали 30 (50 %) человек, средней – 24 (36 %), младшей – 21 (42 %). Полученный за рубежом опыт при ознакомлении с интеграцией высшей школы и науки помог основателям НГУ сформировать свой взгляд на организацию структуры вуза и сотрудничество с институтами СО АН

СССР. Так, М. А. Лаврентьев в книге «... Прирастать будет Сибирью» ставил в пример опыт создания научно-исследовательских центров в Америке и Европе: «Зарубежные городки науки, например, Стенфорд и Принстон в США, Гренобль и центры вблизи Лилля, Марселя во Франции, существуют на основе соответствующих университетов»²⁸⁶. Один из первых преподавателей ГФ НГУ Л. Ф. Лисс в книге «Мои университеты» пишет о рецепции зарубежного опыта ректором НГУ И. Н. Векуа: «Ему виделся при университете Институт высших знаний по типу Копенгагенского Н. Бора. В него могли бы приезжать на длительную стажировку перспективные исследователи из разных мест страны; общаться с учеными, принимать участие в совместных исследовательских проектах; готовить и защищать докторские диссертации [...] Понимал И. Н. Векуа и необходимость создания бытовых условий студенческой жизни. Ему нравился опыт английских университетов по шефству старшекурсников (тьюторов) над младшекурсниками. Поэтому при проектировании студенческих общежитий была реализована блоковая структура из большой (на трех студентов), маленькой (для тьютора) комнат и туалета. НГУ получил семь таких общежитий»²⁸⁷.

Таким образом, применение метода просопографии к изучению личных дел организаторов структуры НГУ подтверждает перенос системы МФТИ как первоначальной образовательной модели при организации Новосибирского университета. Перенос «системы физтеха» осуществлялся в первую очередь кадровой политикой – при отборе ученых для перевода в НГУ на физико-математические специальности предпочтение отдавалось выпускникам физико-технического факультета МГУ, МФТИ. Переехавший в Сибирь «десант» МФТИ создал своего рода фундамент НГУ. Однако в референтную группу вошли и представители широкого спектра ленинградских, московских, сибирских научных школ, специалисты, работающие на стыке наук, в соответствии с заложенным в самой институциональной основе нового университета принципе

²⁸⁶ Лаврентьев М. А. ...Прирастать будет Сибирью / Лит. запись Н. А. Притвиц. Новосибирск, 1982. С. 14.

²⁸⁷ Лисс Л. Ф. Было это так (К 50-летию юбилею НГУ) // Вестник Новосибирского государственного университета. 2009. Т. 8, № 1. С. 227.

междисциплинарности, что уже отличало модель НГУ от МФТИ. В жизненном пути создателей НГУ прослеживается тенденция постоянного профессионального роста, поиска новаторских решений, поэтому С. А. Христианович, М. А. Лаврентьев как одни из акторов «физтех» не могли удовлетвориться механическим переносом в Новосибирск уже реализованного опыта, а развили его в новую стратегическую научно-образовательную программу, создав оригинальную модель исследовательского университета.

Выявление точек пересечения представителей исследуемой группы до их прибытия в Новосибирск, позволило определить потенциал взаимодействия в процессе совместной деятельности в Академгородке, в том числе на стадии согласования и принятия кадровых решений при формировании НГУ. Среди организаторов учебно-научного процесса в новом университете произошло органичное соединение мотивации и интересов представителей трех поколенческих когорт («старшей», «средней» и «молодой»). Столь же органично произошло и соединение представителей трех секторов отечественной науки (академический, отраслевой, вузовский). Основные «точки сборки» соединили профессиональной деятельностью ученых различных специальностей между собой и сформировали взаимопонимание между ними до создания СО АН и НГУ. Предшествующий опыт научно-организационной и образовательной деятельности явился предпосылкой и движущей мотивацией для основателей Сибирского отделения М. А. Лаврентьева, С. А. Христиановича и разделявшего их идею С. Л. Соболева создать на опыте закрытых атомных наукоградов «гражданский» наукоград в Новосибирске, а опыт МФТИ инициировал идею трансфера данной модели для исследовательского университета в составе академического научного комплекса. Кроме того, уже в самой институциональной основе университета закладывалась подготовка кадров по междисциплинарным направлениям, специалистов, работающих на стыке современных наук, что стало фундаментальным отличием двух вузов.

2.2. Молодые преподаватели: реализация научных возможностей и перспективы карьерного роста

Молодой кадровый состав преподавателей-почасовиков является важнейшей компонентой в изучении формирования принципов нового университета, поскольку отражает их фактическую витальность. Молодые люди, выбравшие стезю ученого, с оптимизмом смотрели на новосибирский Академгородок как на место для реализации своих амбиций. Многие из них приезжали вслед за своими учителями, организаторами СО АН и НГУ. «Переезд в Сибирь крупных ученых со своими учениками в том числе выпускниками вузов, гарантировал сохранение научных школ, обеспечивал преемственность традиций»²⁸⁸. Кадровое пополнение нового научного центра осуществлялось преимущественно за счет молодежи. К 1962 г. средний возраст научных сотрудников СО АН отмечен 32-33 годами. Ученые комсомольского возраста составили 28 % от общего числа научных сотрудников²⁸⁹. Молодежь воспринимала принципы работы, выработанные идеологами новосибирского Академгородка, работала в рамках, предложенных им «сверху» условий, проверяла их на работоспособность. Для НГУ такими ключевыми условиями работы стало совмещение научного и педагогического труда, опора на оригинальность и творческий подход в прочтении курсов, ориентация на специализацию организаторов научных школ в рамках университета.

Общие черты динамики комплектования ППС НГУ были изложены в предыдущем разделе. Для анализа динамики численности преподавателей-почасовиков следует отметить, что только в 1964/1965 учебном году в отчетах о составе кафедр НГУ впервые на постоянной основе кроме штатных и совместителей появилась колонка «число преподавателей-почасовиков»: 1964/1965 гг. – 309 почасовиков (46 % от общего числа преподавателей); 1965/1966 гг. – 380 (48 %); 1966/1967 гг. – 398 (44%); 1967/1968 гг. – 333 (42%).

²⁸⁸ Куперштох Н. А. Кадры академической науки Сибири (середина 1950-х – 1960-е гг.). Новосибирск, 1999. С. 32.

²⁸⁹ ГАНУ. Ф. П-1317. Оп. 1. Д. 7. Л. 29.

Отчеты предыдущих лет содержали колонки «всего» и «в том числе совместителей». О наличии преподавателей-почасовиков в первые годы работы НГУ можно судить по документам из официальной переписки представителей НГУ и МВ и ССО – справке²⁹⁰ о преподавателях НГУ, состоящих в 1960/61 учебном году на почасовой оплате, приложенной к объяснительной записке к заключению комиссии при проверке работы университета за 1960 г.²⁹¹, (речь идет о 28 преподавателях-почасовиках); служебной записке о разрешении привлекать на работу лиц с почасовой оплатой сверх 240 часов в количестве 20 человек в период с 1961 – 1964 гг.²⁹²; по внутриуниверситетской документации – приказам о принятии на работу, лицевым счетам.

Инструментом изучения молодого контингента ППС стала сформированная диссертантом проблемно-ориентированная база данных, позволившая через имена и деятельность молодых преподавателей-почасовиков проанализировать феномен совместительства как одного из базовых принципов НГУ. Она включила в себя как опорные сведения (пол, год, место рождения; год, место получения высшего образования, наличие/ защиты кандидатской, докторской степеней, область научной специализации, стаж преподавания), так и информацию, фиксирующую переходные точки в карьерном росте и реализации научных возможностей в НГУ.

Основным источником для создания базы данных послужили материалы личных дел, где по приказам о зачислении на определенную должность и кафедру прослеживается как общая динамика пополнения учебной структуры университета, так и карьерный рост самого преподавателя; отчетам о читаемых курсах и издаваемых публикациях – раскрытие сфер научных интересов, встроенных в предлагаемую акторами НГУ структуру специализаций; по дипломам о присвоении степеней – научный потенциал; выпискам из лицевых счетов – финансовые преимущества системы взаимодействия СО АН – НГУ. Справка о преподавателях НГУ, состоящих в 1960/61 учебном году на почасовой

²⁹⁰ ГАНО Ф.Р-1848. Оп.1. Д. 20. Л. 4-5.

²⁹¹ ГАНО Ф.Р-1848. Оп.1. Д. 20. Л. 1-3.

²⁹² ГАНО Ф.Р-1848. Оп. 4. Д. 110. Л. 8.

оплате, адресованная в МВ и ССО²⁹³ стала первым пофамильным списком преподавателей-почасовиков НГУ и отправной точкой для верификации данных, собранных из личных дел и материалов.

Метод выборки опирается на фактическое наличие дел в архиве НГУ. При сборе материала выявилась проблема высокой текучести кадров среди ассистентов, преподавателей-почасовиков и низкой сохранности их личных дел. Естественный «отсев» преподавателей, которые не смогли адаптироваться к работе в новом вузе оставил историкам возможность изучать преимущественно успешный вариант развития карьеры в НГУ. Следовательно, механический отбор, при котором ошибки репрезентативности могли быть ниже, здесь невыполним. Однако обеспечение жесткого контроля за выбранной исследователем переменной обещает эффективность исследования²⁹⁴. В данной работе такой переменной выступила совокупность ряда показателей – возраст до 28 лет включительно, наличие основной работы в НИИ СО АН, начало преподавательской карьеры в НГУ в качестве преподавателя-почасовика, ассистента, лаборанта, ограничение временного периода принятия на работу с 1959 г. по 1968 г., охват всей структуры факультетов и кафедр при учете ее реформации. Ключевым фактором стала не пропорциональность выборочной доли экспериментальных групп в отношении к их доле в генеральной совокупности, но именно «качественное представительство экспериментальных и контрольных бригад соответственно цели исследования»²⁹⁵. Цель здесь определена как выявление возможностей карьерного и научного роста молодежи на базе университета.

Таким образом, для анализа была отобрана референтная группа из 167 молодых преподавателей²⁹⁶, начавших свою карьеру в НГУ как вспомогательную,

²⁹³ ГАНО Ф.Р-1848. Оп.1. Д. 20. Л. 4-5.

²⁹⁴ Шляпентох В. Э. Проблемы репрезентативности социологической информации: случайная и неслучайная выборки в социологии. М., 1976. С. 66.

²⁹⁵ Ядов В. А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. Самара, 1995. С. 54.

²⁹⁶ Архив НГУ Ф. Р-1848: Оп.5. Д.: 1031; Оп.5. Д.: 104; Оп.5. Д.: 1076; Оп.5. Д.: 111; Оп.5. Д.: 1136; Оп.5. Д.: 1151; Оп.5. Д.: 116; Оп.5. Д.: 117; Оп.5. Д.: 1180; Оп.5. Д.: 121; Оп.5. Д.: 122; Оп.5. Д.: 127; Оп.5. Д.: 138; Оп.5. Д.: 141; Оп.5. Д.: 143; Оп.5. Д.: 15; Оп.5. Д.: 155; Оп.5. Д.: 163; Оп.5. Д.: 178; Оп.5. Д.: 187; Оп.5. Д.: 188; Оп.5. Д.: 19; Оп.5.

при наличии основной работы в одном из научных институтов СО АН в разные года в промежутке 1959–1968 гг. Молодость в данном контексте была определена комсомольским возрастом – до 28 лет включительно, поскольку кроме общего для Советского Союза возрастного деления, в частности, для молодого ученого – это средний возраст присвоения степени кандидата наук, как базового условия при вхождении в научное сообщество.

За основу отбора референтной группы было взято отражение динамики и принципов комплектования кадров ППС, с пониманием необходимости сохранить представительство группы в структуре факультетов и кафедр. Для формирования статистической картины динамики пополнения ППС были использованы отчеты о составе кафедр²⁹⁷, распределение штатной численности преподавателей по кафедрам²⁹⁸, справки об утвержденном штате по должностям²⁹⁹. При составлении реляционной базы наполнения кафедр учитывалось, что один и тот же человек мог числиться на двух кафедрах в качестве преподавателя-почасовика, либо довольно динамично менять прикрепление к кафедрам, читая как один, так и несколько курсов. Таким образом, референтная группа отразила процессы,

Д.: 191; Оп.5. Д.: 193; Оп.5. Д.: 194; Оп.5. Д.: 200; Оп.5. Д.: 201; Оп.5. Д.: 208; Оп.5. Д.: 209; Оп.5. Д.: 216; Оп.5. Д.: 221; Оп.5. Д.: 223; Оп.5. Д.: 224; Оп.5. Д.: 237; Оп.5. Д.: 238; Оп.5. Д.: 239; Оп.5. Д.: 242; Оп.5. Д.: 247-1; Оп.5. Д.: 25; Оп.5. Д.: 250; Оп.5. Д.: 255; Оп.5. Д.: 257; Оп.5. Д.: 266; Оп.5. Д.: 267; Оп.5. Д.: 268; Оп.5. Д.: 280; Оп.5. Д.: 282; Оп.5. Д.: 283; Оп.5. Д.: 285; Оп.5. Д.: 288; Оп.5. Д.: 289; Оп.5. Д.: 293; Оп.5. Д.: 297; Оп.5. Д.: 307; Оп.5. Д.: 308; Оп.5. Д.: 309; Оп.5. Д.: 311; Оп.5. Д.: 323; Оп.5. Д.: 330; Оп.5. Д.: 331; Оп.5. Д.: 337; Оп.5. Д.: 345; Оп.5. Д.: 351; Оп.5. Д.: 358; Оп.5. Д.: 358-1; Оп.5. Д.: 362; Оп.5. Д.: 364; Оп.5. Д.: 370; Оп.5. Д.: 381; Оп.5. Д.: 390; Оп.5. Д.: 408; Оп.5. Д.: 422; Оп.5. Д.: 44; Оп.5. Д.: 447; Оп.5. Д.: 448; Оп.5. Д.: 449; Оп.5. Д.: 450; Оп.5. Д.: 46; Оп.5. Д.: 467; Оп.5. Д.: 468; Оп.5. Д.: 481; Оп.5. Д.: 485; Оп.5. Д.: 486-1; Оп.5. Д.: 49; Оп.5. Д.: 498; Оп.5. Д.: 508; Оп.5. Д.: 51; Оп.5. Д.: 522; Оп.5. Д.: 526; Оп.5. Д.: 539; Оп.5. Д.: 55; Оп.5. Д.: 552; Оп.5. Д.: 558; Оп.5. Д.: 56; Оп.5. Д.: 565; Оп.5. Д.: 566; Оп.5. Д.: 577; Оп.5. Д.: 578; Оп.5. Д.: 617; Оп.5. Д.: 653; Оп.5. Д.: 678; Оп.5. Д.: 69; Оп.5. Д.: 74; Оп.5. Д.: 79; Оп.5. Д.: 833; Оп.5. Д.: 84; Оп.5. Д.: 841; Оп.5. Д.: 85; Оп.5. Д.: 860; Оп.5. Д.: 898; Оп.5. Д.: 90; Оп.5. Д.: 918; Оп.5. Д.: 92; Оп.5. Д.: 995; Оп.5. Д.: не указано; Оп.5. Д.: не указано; Оп.5. Д.: не указано; Оп.5. Д.: не указано; Оп.3. Д.: 8; Оп.3. Д.: 20; Оп.3. Д.: 1; Оп.3. Д.: 125; Оп.3. Д.: 13; Оп.3. Д.: 133; Оп.3. Д.: 136; Оп.3. Д.: 137; Оп.3. Д.: 140; Оп.3. Д.: 148; Оп.3. Д.: 152; Оп.3. Д.: 156; Оп.3. Д.: 159; Оп.3. Д.: 185; Оп.3. Д.: 19; Оп.3. Д.: 205; Оп.3. Д.: 208; Оп.3. Д.: 208; Оп.3. Д.: 217; Оп.3. Д.: 26; Оп.3. Д.: 271; Оп.3. Д.: 28; Оп.3. Д.: 283; Оп.3. Д.: 298; Оп.3. Д.: 3; Оп.3. Д.: 329; Оп.3. Д.: 38; Оп.3. Д.: 46; Оп.3. Д.: 48; Оп.3. Д.: 51; Оп.3. Д.: 52; Оп.3. Д.: 59; Оп.3. Д.: 62; Оп.3. Д.: 63; Оп.3. Д.: 63; Оп.3. Д.: 64; Оп.3. Д.: 74; Оп.3. Д.: 76; Оп.3. Д.: 88; Оп.3. Д.: 91; Оп.3. Д.: 93; Оп.3. Д.: 105; Оп.3. Д.: 97; Оп.3. Д.: 122; Оп.3. Д.: 130; Оп.3. Д.: 10; Оп.3. Д.: 107; Оп.3. Д.: 21.

²⁹⁷ ГАНО Ф.Р-1848. Оп.1. Д. 65. Л. 4-6, ГАНО Ф.Р-1848. Оп.1. Д. 146. Л. 43-45, ГАНО Ф.Р-1848. Оп.1. Д. 216. Л. 5-7, ГАНО Ф.Р-1848. Оп.1. Д. 294. Л. 8-10.

²⁹⁸ ГАНО Ф.Р-1848. Оп.1. Д. 215. Л. 77, ГАНО Ф.Р-1848. Оп.1. Д. 243. Л. 8, ГАНО Ф.Р-1848. Оп.1. Д. 293. Л. 36, ГАНО Ф.Р-1848. Оп.1. Д. 448. Л. 49.

²⁹⁹ ГАНО Ф.Р-1848. Оп.1. Д. 13. Л. 43, ГАНО Ф.Р-1848. Оп.1. Д. 14. Л. 8.

происходившие в НГУ в комплектовании кадров ППС и наполнении кафедр (приложение 3, диаграмма 1).

Основываясь на положении, что «численность (объем) выборки зависит от уровня однородности изучаемых объектов»³⁰⁰, можно гарантировать репрезентацию по важным для проблематики исследования параметрам молодых преподавателей – почасовиков как социальных объектов, собранных в целевую аналитическую выборку. Она включила в себя 26 почасовиков, принятых на работу в 1959 г. (что соответствует списку справки о преподавателях НГУ 1960 г., за исключением 2 имен), 16 преподавателей, принятых в 1960 г., 19 – 1961 г., 23 – 1962 г., 18 – 1963 г., 21 – 1964 г., 19 – 1965 г., 7 – 1966 г., 11 – 1967 г., 7 – 1968 г., что коррелирует с общей тенденцией формирования ППС, снижение динамики принятия новых кадров после 1966 г., (приложение 2, диаграмма 1). Что касается наполнения кафедр участниками референтной группы, здесь представлена вся структура, сформированная к 1968 г. и состоявшая из 46 кафедр за исключением физвоспитания, военного дела, педагогики. Также есть представители кафедр, которые к 1968 г. были закрыты, например, кафедры упругости и пластичности, кристаллохимии; либо видоизмененных кафедр, на всех этапах их развития, разрастания из одной общей кафедры в несколько, например, при выделении из кафедры теплофизики – газовой динамики, делении кафедры аналитической и органической химии, кафедры, которая была в разное время «математических расчетов в экономике и планировании», «применение математических методов в экономике», «экономической кибернетикой» и др. Такая выборка, не охватывая генеральной совокупности, определяет индивидуальные различия, имеющие систематический характер и является качественно представительной в отношении цели исследования.

В референтной группе состав молодых преподавателей НГУ формировался из выпускников следующих вузов: Московский государственный университет (МГУ) – 45 человек, Московский физико-технический институт (МФТИ) – 18,

³⁰⁰ Ядов В. А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. Самара, 1995. С. 54.

Ленинградский государственный университет (ЛГУ) – 11, Томский государственный университет (ТГУ) – 9, Саратовский государственный университет – 5, Ленинградский политехнический институт – 4, Уральский государственный университет – 4, Львовский государственный университет – 3. Также представлено значительное разнообразие других столичных и периферийных вузов от Тбилиси до Благовещенска, откуда выпускники приезжали работать в СО АН и НГУ. С 1964 г. в НГУ стали преподавать его первые выпускники, в референтной группе их представительство достаточно высоко – 28 человек. Отдельно следует выделить группу выпускников НГУ, которые перевелись из других вузов на последние (4-5) курсы нового университета и активно начали свою научную карьеру: из 14 представителей этой группы 3 чел. перевелись в НГУ из Ленинграда, 2 чел. из Москвы, 2 чел. из Казани, также есть представители Томского, Дагестанского, Казахского, Одесского, Ташкентского и Новосибирских вузов.

Помимо статистики, данные формирования первого состава молодых преподавателей подкрепляются их личными воспоминаниями. Геолог Н. Л. Добрецов, представитель династии ученых Келлей-Добрецовых, вспоминал о своем решении ехать в Академгородок по окончании Ленинградского горного института: «После моего окончания института в 1957 г. как раз было опубликовано постановление Правительства о создании Сибирского отделения АН СССР. В конце 1957 г. после моей необычной защиты дипломной работы дед предложил мне попробовать свои силы в Сибирском отделении. «Здесь, в столицах, таких, как ты – как сельдей в бочке. А там, в Сибири – простор, возможность проявить себя...»³⁰¹. В словах «деда» подчеркнуто видение нового научного центра в Сибири как пространства для раскрытия потенциала молодежи. «...Он написал письмо к только избранному академику В. С. Соболеву, который когда-то работал у деда на практике на Урале: «Помнишь, Володя, как ты таскал

³⁰¹ Из российской глубинки - в науку. Научная династия Келлей-Добрецовых // ред. Н. А. Притвиц, Новосибирск, 2009. С. 162.

рейку и теодолит у меня на горе Магнитной? Не согласишься ли ты побеседовать с моим внуком, тезкой Николаем на предмет возможности перехода в Сибирское отделение?»³⁰². Элемент протезирования для набора первых молодых преподавателей был обычной практикой среди именитых преподавателей, старших родственников в научной среде. Так, в Сибирь вслед за М. А. Лаврентьевым поехали выпускники МФТИ, среди которых был и Д. В. Ширков, впоследствии, осветивший этот момент в своих воспоминаниях об учителе³⁰³.

Другие воспоминания представительницы гуманитарного направления в университете – Н. В. Ревякиной, выпускницы МГУ и ученицы академика С. Д. Сказкина, приехавшей в Академгородок в 1964 г., подтверждают представление молодежи о новосибирском Академгородке как новом, свободном научном мире. «Информация о создании совершенно нового научного центра в Сибири привлекала многих, в том числе и меня, и когда в Академгородке появился университет и возник гуманитарный факультет, мое намерение отправиться в Сибирь стало вполне реальным.... После шумной Москвы Академгородок показался мне каким-то удивительным сказочным местом, где наука и природа живут дружно»³⁰⁴.

Представляет интерес динамика наполнения кадров выпускниками различных вузов по годам их принятия на работу в НГУ. В первый год в НГУ был выброшен десант выпускников МФТИ – 11 чел. из общего количества – 26 чел. Также в первой группе молодых преподавателей были 6 выпускников МГУ, 2 – Ленинградского политехнического вуза и ряда других вузов по 1 представителю.

В следующие годы представительство МФТИ среди принятых на работу в НГУ значительно уменьшилось и каждый год принималось на работу один-два его выпускника либо представительства МФТИ не было. Далее вплоть до 1964 г.

³⁰² Из российской глубинки - в науку. Научная династия Келлей-Добрецовых // ред. Н. А. Притвиц, Новосибирск, 2009. С. 162.

³⁰³ Ширков Д. В. Он был из породы преобразователей // Век Лаврентьева, Новосибирск, 2000. С. 116.

³⁰⁴ Ревякина Н. В. Интервью // ГУМФАКиЯ 60-70-х годов XX века: воспоминания наших учителей и выпускников / сост. С. А. Красильников, И. С. Кузнецов, Г. Г. Пиков. Новосибирск, 2022. С. 121.

на первом месте в процентном соотношении выступили выпускники МГУ, варьируя в разные годы от 30 % до 57% от общего числа поступивших на работу в НГУ. А с 1964 г. заметным конкурентом для выпускников МГУ стали выпускники НГУ: из 21 чел., принятых на работу 4 из МГУ (19%) и 4 из НГУ (19%); в 1966 г. из 7 принятых на работу, 4 – из НГУ, 1 из МГУ; в 1968 г. из 7 чел. 6 – НГУ, 1 – МФТИ. Таким образом, можно утверждать, что к 1968 г. университет уверенно встал на путь самовоспроизводства преподавательских кадров. Относительно представительства других вузов: в течении всего исследуемого периода был небольшой, но показательный процент выпускников Ленинградских и Томских вузов.

Преимущественная направленность преподавания в НГУ в сферах физико-математических наук очевидно отражалась в наполнении молодыми преподавателями кафедр обучения в данных областях по сравнению с остальными. Тем не менее видна корреляция открытия новых факультетов, специальностей в НГУ и пополнения их выпускниками соответственно специализирующихся вузов, так с 1962 г., когда было открыто два новых факультета и в дальнейшем в университете появились представители педагогических вузов – для наполнения гуманитарных направлений, Ленинградского горного института, Одесского гидрометеорологического ин-та – геолого-геофизического факультета. С расширением факультета естественных наук химическими и биологическими специальностями в разные года появились представители МХТИ, Ленинградского политехнического ин-та, Днепропетровского металлургического ин-та, Ленинградского химико-фармацевтический ин-та, Читинского медицинского ин-та. Экономическое направление кроме ведущих столичных вузов пополнялось выпускниками Московского государственного экономического ин-та, Ленинградского инженерно-экономического ин-та.

Средний возраст окончания вуза в изучаемой группе представлен 23 г., приступивших к работе в НГУ – 26 г., среди них – 44 % от людей в возрасте 23-25

лет. В год окончания вуза, либо чуть ранее начали свою преподавательскую деятельность 32 чел. (19 %), от года до трех после окончания вуза – 82 чел. (49 %) чел., более – 53 чел. (32 %). По годам расхождений в возрасте принимаемых на работу не наблюдалось: как в 1959 г., так и в последующие годы изучаемого периода принимались молодые люди и со студенческой скамьи, и с небольшим опытом преподавания. По половому признаку в целом группа делится следующим образом: 31 (19 %) женщина и 136 (81 %) мужчины. Согласно выборке, ежегодно на работу принималось от трех до шести девушек вплоть до 1966 г., когда общая численность прироста кадров значительно снизилась. С 1966 по 1968 г. в коллектив НГУ принималось по одной девушке в год.

Количественное пополнение кафедр указывает в том числе на их статус в структуре университета. На кафедрах с наибольшим количеством преподавателей создавались научные школы, вокруг них концентрировалась научная жизнь студентов, и именно они формировали облик НГУ. В референтной группе присутствуют представители всех кафедр университета, открытых в исследуемый период, несмотря на то, что некоторые из них были закрыты, либо преобразовались. Проведенный анализ показал исключительное преобладание физико-математических направлений в НГУ в 1960-е гг. с одной стороны, с другой – выделил самых активных организаторов кафедр, привлекающих к работе молодежь, в основном на кафедры общей специализации, поскольку самым молодым преподавателям предлагалось вести общие курсы, базовые практикумы, семинары, лабораторные работы.

При определении участников референтной группы к определенной кафедре за весь исследуемый период виден следующий результат: наиболее крупными кафедрами, принимающими молодежь, являлись: кафедра общей физики под руководством Г. И. Будкера, затем Ю. Е. Нестерихина и Р. И. Солоухина – 27 человек; математического анализа под рук. М. А. Лаврентьева, затем А. А. Ляпунова, Ю. Г. Решетняка – 17; дифференциальных уравнений под рук. С. Л. Соболева – 9; алгебры и

математической логики под рук. А. И. Мальцева, затем М. И. Каргаполова – 8; неорганической химии под рук. Б. В. Птицына, затем Л. М. Волштейна – 8; физической химии под рук. В. В. Воеводского, затем Е. С. Рудакова – 7.

Для составления общего понимания о количественном составе кафедр данные по группе были дополнены цифрами из отчетных документов. В справке³⁰⁵ 1962 г. общий состав кафедр выглядел следующим образом: кафедра математического анализа оказывалась самой большой по численности – 16 преподавателей, затем общей физики – 13, физической химии и общего языкознания – по 12, высшей математики – 11, алгебры и математической логики, теоретической физики, общей геологии, геофизики – по 8, неорганической химии – 7, дифференциальных уравнений – 3. По справке³⁰⁶ 1968 г. самой большой являлась кафедра общей физики – всего 103 преподавателя, затем общего языкознания – 40, иностранных языков – 38, математического анализа – 37, алгебры и математической логики – 27, теоретической физики – 23, дифференциальных уравнений, аналитической химии, политэкономии – по 20. На вышеприведенных кафедрах ФЕН работало 13 преподавателей на кафедре неорганической химии, 18 – физической химии. (приложение 3, диаграмма 1).

Разница между достаточно высокой численностью кафедр языкознания и иностранных языков и малым процентом работающих здесь молодых преподавателей объясняется следующим образом: до открытия Института истории и филологии в 1966 г. гуманитарные кафедры формировались преимущественно штатными сотрудниками, поэтому и процент совместителей и почасовиков – должностей, на которые принималась молодежь, здесь был значительно понижен. В целом картина распределения преподавателей по кафедрам показала, что молодежь концентрировалась на общих кафедрах - это видно и по тем курсам, которые были отданы молодым ученым.

³⁰⁵ ГАНО Ф.Р-1848 Оп.1. Д. 65. Л. 4-6.

³⁰⁶ ГАНО Ф.Р-1848 Оп.1. Д. 448. Л. 49.

В НГУ молодые преподаватели читали, во-первых, введение в курс, например, введение в квантовую физику, в механику сплошной среды, в статистические методы метеорологии, в теорию управляющих систем в фольклористику; во-вторых, в рамках специфики вуза, общие курсы физики и математики на непрофилирующих факультетах, например, высшая математика на ФЕН, общая физика на ГГФ; в третьих, общие предметы и основы курса, например, неорганическая химия, механика, основы математической логики, функционального анализа; в четвертых, лекции на вечерних подготовительных курсах. Помимо ведения курсов лекций, молодые преподаватели проводили семинары, практикумы, лабораторные занятия, помогали в организации работы приемной комиссии. «В первые годы после приезда я веду в университете семинары по статфизике. Лекции по этому предмету тогда читал замечательный человек Юрий Борисович Румер»³⁰⁷ – вспоминал один из представителей молодежи В. Г. Сербо.

В качестве основного места работы указывалась научная деятельность в институтах СО АН: 40 (24 %) представителей референтной группы были сотрудниками ИМ, 30 (18 %) человек – ИГиЛ, 18 (11 %) – ИЯФ, 10 (6 %) – ИНХ, небольшим процентом также представлены вычислительный центр, институт химической кинетики и горения, органической химии, экспериментальной биологии и медицины, цитологии и генетики, теплофизики, полупроводников, отдела гуманитарных наук СО АН, Института истории и философии и др. В соответствии с политикой основателей СО АН в НГУ в качестве ассистентов и преподавателей-почасовиков были представлены сотрудники всех действующих НИИ Академгородка. На момент поступления на работу в НГУ молодые преподаватели указали в личном деле как основное занятие: учеба в аспирантуре – 8 %, работа лаборантом (в т.ч. старшим лаборантом) – 20 %, стажером-

³⁰⁷ Сербо В. Г. Румер, Титов, Ломоносов и партком // О времени и о себе. ФФ НГУ 1963-1968 гг. Новосибирск, 2013. С. 107.

исследователем – 5 %, инженером – 5 %, м. н. с. – 37 %, ст. н. с. – 3 %, начальниками группы – 1 %.

Молодые ученые начали свою педагогическую работу в НГУ в следующем порядке: одновременно с работой в институтах СО АН – 35 %, через год - три после поступления на работу в СО АН – 47 %, через четыре и более – 16 %, в обратном порядке (сначала в НГУ, через год в СО АН) – 3 %. Среди них 10 % имели опыт преподавания в других вузах до того, как поступили на работу в НГУ: 10 человек от года до трех, 3 человека – 4 года и более; в московских вузах – 6 (МГУ, МФТИ, МИФИ, МИНХ им. Г. В. Плеханова, Московский институт иностранных языков). И. Ф. Гинзбург, один из учеников М. А. Лаврентьева, приехавший в Академгородок первым десантом как сотрудник для работы в институте математики, писал о своей работе в университете: «В 1963–1964 учебном году чтение курса физики на физфаке начиналось со второго семестра. В первом семестре шло «выравнивающее» изучение математики и решение задач по «школьной» программе. Здесь очень пригодился опыт работы в школьном кружке МГУ, который позволил четко выделить ключевые задачи для такого этапа обучения»³⁰⁸. И. Ф. Гинзбург преподавал в НГУ теоретическую физику, участвовал в создании ФМШ и организации ФФ, как разработчик концепции курса электродинамики. Благодаря опыту, приобретенному в Москве, молодой преподаватель активно включился в педагогическую деятельность, проявив оригинальность и настойчивость: «Первой моей задачей я полагал отучить студентов от всяких искусственных приемов типа «действующая сила», «скатывающая сила», «центробежная сила» с тем, чтобы они использовали только силы, обусловлены реальными взаимодействиями. Я давал им задачи, и после того, как они показывали решения, усложнял их до тех пор, пока использование искусственных «сил» оказывалось слишком сложным или приводило к ошибке. Постепенно я перевел всех в эту «веру»³⁰⁹.

³⁰⁸ Гинзбург И. Ф. Мои воспоминания // О времени и о себе. ФФ НГУ 1963-1968 гг. Новосибирск, 2013. С. 106.

³⁰⁹ Там же.

Первая очередность поступления на работу в СО АН а затем в НГУ отразила стратегию основателей Академгородка в наполнении молодыми специалистами уже функционирующих институтов в 1957–1958 гг., и, позднее, при открытии университета в 1959 г. расширение их круга деятельности за счет добавления к научной работе педагогической. В дальнейшем такая стратегия продолжала соблюдаться. «В университет, а точнее, в школу микрорайона «А», где в первые годы на 2-м и 3-ем этажах размещался университет, я ходил на занятия два раза в неделю.... Уже во втором семестре я попросил так составить расписание занятий, чтобы они шли один за другим и все были в один день. Было трудно вести подряд двенадцать часов, – восемь на дневном отделении и четыре – на вечернем, но это позволяло мне все остальные дни работать в институте, не отвлекаясь»³¹⁰ – вспоминал молодой преподаватель-почасовик М. С. Качан, который в 1959 г. вел практические занятия по курсу дифференциальных уравнений.

Кандидатскую диссертацию защитили в комсомольском возрасте – 70 молодых ученых (42 %), затем, в период до 35 лет было защищено еще 57 диссертаций. Всего в группе из 167 человек кандидатов наук насчитывалось 127 (76 %), 40 (26 %) – не защитили кандидатскую диссертацию. В области физико-математических наук – 89 (70 %), технических – 5 (4 %), химических – 17 (13 %), геолого-минералогических, экономических, исторических – по 4 (3 %), философских – 3 (2 %), биологических – 1 (1%). По годам принятие на работу в НГУ молодых специалистов того или иного профиля не дифференцируется. Ежегодно был высокий процент молодежи, специализирующейся на физико-математических науках, примерно в рамках 50-80%, далее шли химики – 8-15%, остальные специальности занимали от 0 до 5 % в год (либо не представлено, либо принималось по 1-2 ученых каждой специальности в год). Защита кандидатской диссертации проходила в среднем через 3,5 года после поступления на работу в

³¹⁰ Качан М. С. Первые шаги, 1960. [Электронный ресурс] URL: <https://proza.ru/2017/01/24/556> (дата обращения: 07.04.2023).

НГУ. В дальнейшем 65 человек (34 %) защитили докторскую диссертацию. Трое из них – до 30 лет: это А. А. Галеев, А. П. Деревянко, К. А. Желваков. До 35 лет включительно докторами наук стали 21 человек, до 40 лет – 13, позже 40 лет – 27.

Кандидатская диссертация для работы в НИИ СО АН открывала доступ к должности ст.н.с. в течение года после защиты, ею воспользовались 45 % кандидатов наук; в течение пяти лет – 39 %. Были прецеденты, когда должность ст.н.с. была получена до присвоения кандидатского звания – 6 %. Управление коллективом научной группы (лаборатория, сектор, отдел) получили 23 %, из них 60 % в течение первых пяти лет после защиты кандидатской диссертации.

Для преподавания в университете наличие кандидатской степени позволяло получить должность доцента, то есть перейти в более высокую категорию совместителей, однако в силу проблем с расширением штата преподавателей, о чем указывалось выше, это оказывалось несколько затяжной процесс, занимавший в среднем от 1 года до 7 лет. Тем не менее все ученые, защитившие кандидатские диссертации, получили должность доцента в НГУ.

На этом этапе карьерного роста появилась возможность для части молодых специалистов проявить себя в административных должностях, где приходилось сталкиваться с новыми комплексными задачами еще отстраивающейся образовательной модели НГУ. Так, В. М. Титов вспоминал: «Вернулся я в университет уже в качестве декана физфака в 1968 г. И моя первая задача оказалась не из приятных. Абсурд, но почти треть из восьмиста студентов имела длинные «хвосты», тянувшиеся семестрами. Примерно в равной пропорции студенты якобы не могли справиться с такими дисциплинами, как английский язык и физвоспитание»³¹¹. Для выхода из сложившейся ситуации В. М. Титов пересмотрел учебный план по проблемным предметам и облегчил его, поскольку, как выяснилось, многие способные в физике студенты не справлялись с высокой нагрузкой по дисциплинам, далеким от их специальности, в первую очередь, с изучением разговорного английского языка. Однако молодой декан «ставил более

³¹¹ Титов В. М. Наука не терпит суеты // Наука. Академгородок. Университет. Выпуск 1. Новосибирск, 1999. С. 97.

скромную задачу – я обязан выпустить именно физиков с умением прежде всего читать свою научную литературу по-английски. Именно читать, а не говорить. Выявленную закономерность удалось доказать на статистике. С физвоспитанием было, естественно, гораздо проще»³¹². Его соратник по работе на ФФ, В. Г. Сербо вспоминал о В. М. Титове как уже опытном администраторе: «На физическом факультете появился новый декан В. М. Титов. Он подбирает команду молодых замдеканов: Ф. М. Израилев, С. А. Хейфец, В. И. Яковлев и я. На заседаниях и в кулуарах я впервые знакомлюсь с деталями и подробностями жизни факультета. Опытный Титов учит нас азам администрирования: работа должна вестись по правилам, которые должны быть ясно сформулированы, доведены до сведения студентов и последовательно проводиться в жизнь.... Работа в деканате была по-своему интересной, но я чувствовал, что эта деятельность для меня все-таки чужеродной. Гораздо больше мне нравилось встречаться со студентами на лекциях и семинарах, чем в деканате»³¹³. В. М. Титов работал в должности декана физического факультета (1968–1972 гг.), В. Г. Сербо заместителем декана физического факультета (1970–1972 гг.). Также административные должности в возрасте до 35 лет включительно заняли: Е. И. Биченков на посту проректора по учебной работе (1967–1973 гг.), Б. Д. Аннин – заместителя декана ММФ (1966–1970 гг.), Л. А. Бокуть – председателя совета молодых ученых (1966–1968 гг.).

Для полноты анализа следует указать, что среди изучаемого списка ученых имел место и определенный отток из числа преподавателей НГУ. Среди них те, кто возвращались в Москву: так, А.И Прилепко был переведен для преподавания в МИФИ, С. И. Похожаев – в Московский энергетический институт, В. Л. Макаров в МГУ, Ю. И. Журавлев – в ВЦ АН в качестве заведующего лабораторией и МФТИ – профессора и др. Далеко не каждое увольнение означало переезд в другой город, чаще молодые специалисты оставались работать в научном центре СО АН, оставив по разным причинам работу в НГУ. Также были

³¹² Титов В. М. Наука не терпит суеты // Наука. Академгородок. Университет. Выпуск 1. Новосибирск, 1999. С. 97.

³¹³ Сербо В. Г. Румер, Титов, Ломоносов и партком // О времени и о себе. ФФ НГУ, 1963-1968 гг. Новосибирск, 2013. С. 109.

примеры, когда молодой человек прекращал преподавание в университете, а спустя несколько лет возобновлял его.

Коллективная биография данной группы позволила выявить усредненную траекторию карьерного пути в СО АН и НГУ. Молодые люди получали аттестат о высшем образовании в 23 года. От окончания университета до перевода в СО АН на должность лаборанта проходил год, еще через год молодые сотрудники переходили на должность м.н.с., что позволяло принимать их на работу в НГУ в качестве ассистента, преподавателя-почасовика. Одновременно проходило обучение в аспирантуре, но молодые ученые могли пользоваться возможностью защиты диссертации без дополнительного обучения. Защиты кандидатской диссертации проходили преимущественно в 27-29 лет, после чего, к 30 годам ученые повышались в должности в институтах до ст. н. с. Как только появлялась новая вакансия доцента в НГУ в связи с открытием новых кафедр, либо освобождением уже имеющихся мест, они занимали должность доцента. Таким образом, к 31 году молодые ученые, получившие возможность работать в СО АН и НГУ имели должности ст. н. с. и доцента соответственно. Управленческие должности как в НИИ СО АН – заведующий отделом, лабораторией, сектором, группой и др., так и в НГУ – заведующий кафедрой, деканами, проректор и др., становились доступны в среднем к 35 годам, и для этого не требовалась степень доктора наук. Для защитивших докторскую диссертацию от защиты кандидатской проходило около 11 лет (приложение 3. диаграмма 2).

Вместе с перспективой карьерного роста университет давал возможность творческой реализации своих научных знаний через прочтение авторских спецкурсов. Получив степень кандидата наук, молодые ученые могли преподавать материалы своей более узкой научной специализации. В. Л. Истомина вел спецкурс по взрывчатым веществам; А. В. Беляев – «кинетика реакций замещения»; К. А. Желваков – «теория колец»; В. М. Кузнецов – «гидродинамика идеальной жидкости»; В. В. Митрофанов – «теория детонации»; Ю. В. Немировский – «упругое и неупругое поведение многофазных материалов»;

А. И. Прилепко – «нелинейные интегральные уравнения и обратные краевые задачи теории потенциала»; С. Г. Попов – «экспериментальная ядерная физика», И. Ф. Гинзбург – «асимптотика диаграмм Фейнмана», Т. В. Гувакова вела спец. практикум по электронной микроскопии. Опубликованные спецкурсы состоялись у В. В. Пухначева – «Уравнения Навье-Стокса», у Б. Д. Аннина – «Двумерные упруго-пластичные задачи». Были примеры, когда молодежь влияла на организацию учебного и экзаменационного процессов. Так, И. Г. Фельдман организовал «ядерный практикум» по курсу «экспериментальные методы ядерной физики», Г. В. Меледин стал инициатором введения письменного вступительного экзамена по физике с задачами-оценками и задачами – демонстрациями в 1966 г.

В 1962 г. заработал редакционно-издательский отдел НГУ, где наряду с редакционными отделами НИИ СО АН начали печататься научные труды молодых ученых – статьи и доклады на конференциях как самостоятельные, так в соавторстве с их учителями и руководителями, кандидатские диссертации, учебные пособия. Так, в РИЦ НГУ и СО АН В. В. Митрофанов, М. Е. Топчийн в соавторстве с Б. В. Войцеховским опубликовали научный труд «Структура фронта детонации в газах», М. И. Воротникова в соавторстве с Р. И. Солоухиным – «Расчет пульсаций газовых пузырьков в несжимаемой жидкости под действием периодически изменяющегося давления» и др. Самостоятельные научные статьи публиковали Б. А. Луговцов – «Распространение ударной волны в водоеме постоянной глубины на большом расстоянии от места взрыва», А. И. Хисамутдинов – «Оценка функционалов от решения сопряженного уравнения переноса» и др. Е. И. Биченков издал пособие для учащихся физико-математической школы, Б. А. Рогозин – сборник подготовительных задач по математике для поступающих в НГУ.

Есть примеры, когда молодые специалисты занимались переводами иностранной научной литературы, участвовали в международных конференциях с докладами. Так, В. В. Митрофанов совместно с рядом ученых участвовал во Второй Международной конференции Организации объединенных наций по

применению атомной энергии в мирных целях в 1958 г. с докладом «Применение методов ядерной спектроскопии к дозиметрии бета-гамма-излучений». В. А. Цецохо совместно с В. О. Сергеевой перевел научный труд французского исследователя Р. Латтерса «Метод квазиобращения и его приложения», вышедший под редакцией М. А. Лаврентьева.

В личном деле, в графе «выезд за рубеж» самыми частыми были указания «посещение с научной целью» (Чехословакия, Польша и Франция). Тем не менее ойкумена научного взаимодействия преподавателей НГУ была огромной – были указаны такие страны как Канада (В. Н. Панфилов), Гвинея (Р. С. Сакс), Швейцария (Н. С. Диканский, В. Л. Ауслендер), Швеция (Г. М. Заславский, А. А. Галеев), Англия (Л. А. Бокуть, А. А. Галеев), Голландия (А. М. Кудрявцев), Италия (Н. В. Ревякина, А. А. Галеев, С. Г. Попов, А. М. Кудрявцев, В. Л. Ауслендер), Индия и Япония (Н. Л. Добрецов), Вьетнам (Е. И. Биченков) и др. Один из учеников М. А. Лаврентьева Д. В. Ширков вспоминал «Другим подобным мероприятием была туристская групповая экскурсия из строящегося Академгородка в Париж весной 1961 г. М. А. Лаврентьев пригласил в эту двухнедельную поездку около десяти своих ближайших сподвижников вместе с женами»³¹⁴.

Отдельно следует упомянуть и о финансовых преимуществах работы в университете. В лицевых счетах за 1959 г. указаны следующие заработные платы преподавателям-почасовикам в зависимости от нагрузки: за 46 часов работы 409 р. (М. С. Качан)³¹⁵, за 36 ч. – 323 р. (В. А. Цецохо)³¹⁶, за 30 ч. – 271 р. (П. А. Билута, М. Е. Топчиян, Л. А. Лукьянчиков)³¹⁷, за 20 ч. – 183 р. (С. И. Похожаев)³¹⁸. Фактически час работы в университете для молодого специалиста оплачивался 10 рублями без учета налогов. Заработная плата 1:10 до денежной реформы СССР с деноминацией в 1961 г. была адекватна последующей

³¹⁴ Ширков Д. В. Он был из породы преобразователей // Век Лаврентьева. Новосибирск, 2000. С. 116.

³¹⁵ Архив НГУ Ф.Р-1848. Оп. 2. Д. 6. Л. 46.

³¹⁶ Там же. Л. 68.

³¹⁷ Там же. Л. 73, 67, 49.

³¹⁸ Архив НГУ Ф.Р-1848. Оп. 2. Д. 6. Л. 57.

1:1. В 1962 г. ставка за 1 час работы преподавателя-почасовика составляла 1 рубль, в зависимости от количества часов молодые специалисты получали около 20-40 рублей в месяц³¹⁹. Преподаватели-почасовики принимались на работу на определенную нагрузку, которую должны были отработать за учебное полугодие/год. Допустим, нагрузка 240 часов распределялась на учебный год, соответственно выплачивалась зарплата приблизительно 27 рублей в месяц. Для сравнения: в приказе от 25 декабря 1962 г. указаны следующие заработные платы для штатных сотрудников университета: доцентам В. В. Чирикову, Л. Л. Ваньяну, А. С. Рудакову установить оклад по 140 р. в месяц; профессорам М. М. Лаврентьеву, Ю. Г. Решетняку – 200 р. в месяц; профессору С. М. Белоносову – 225 р. в месяц; зав. кафедрами Г. И. Будкеру, Г. Б. Бокию, А. П. Окладникову, А. И. Тайманову, Б. В. Войцеховскому – 250 р. в месяц³²⁰. К концу первого десятилетия работы университета ситуация не изменилась: преподаватель-почасовик, ассистент, доцент-совместитель получали 1 рубль за 1 час работы, будь то ведение практических занятий, семинаров или чтение курсов.

В первые годы работы университета сформировалась сложная совокупность официальных выплат и личных договоренностей, поэтому говорить о реальных заработках становится крайне затруднительно. Например, в личном счете Г. И. Будкера за 1959 г. есть приписка от руки об удержании 1/3 зарплаты по личной просьбе в счет 4 ассистентов. Заработная плата Г. И. Будкера в 1959 г. в месяц составляла 1125 р., из которых он получал на руки 375 р.³²¹ Остальные средства распределялись между его учениками. С другой стороны, воспоминания В. М. Титова содержат заметки о неоплачиваемой работе: «В поселке «Золотая долина» разместилось на зиму около 50 сотрудников с семьями, и почти две трети из них вели занятия со строителями в вечернее время (исключительно на общественных началах)»³²². М. С. Качан описал общую сложившуюся ситуацию

³¹⁹ Архив НГУ Ф.Р-1848. Оп.2. Д. 49. Л. 16, 24, 28,79, 89, 103.

³²⁰ Архив НГУ Ф.Р-1848. Оп.2. Д. 11. Л. 424.

³²¹ Архив НГУ Ф.Р-1848 Оп.2. Д. 6. Л. 1.

³²² Титов В. М. Наука не терпит суеты // Наука. Академгородок. Университет. Выпуск 1. Новосибирск, 1999. С. 96.

для молодежи в университете и отношение к ней через свои воспоминания: «Тогда преподавательская работа молодых научных сотрудников в университете поощрялась. Никаких разрешений я ни у кого не испрашивал, и у меня в университете не просили каких-либо разрешений на работу почасовиком. Но получал я за эту работу буквально гроши – что-то вроде десяти рублей за академический час. Так что я работал не за деньги, а за идею, хотя и приработок был отнюдь не лишним. Кроме того, мне нравилось общение со студентами, которые были немногим моложе меня»³²³. Общая картина распределения финансов показала стандартные цифры заработных плат для СССР 1960-х гг. Вынужденные сбои в финансировании на первых порах, медленное установление договорённостей с МВ и ССО, борьба за высокий процент преподавателей-почасовиков, высветили веру в общее дело, альтруизм, высокие моральные принципы участников становления проекта СО АН – НГУ разных социальных рангов выходили.

Подходя к выводам, есть необходимость расширить хронологические границы анализа и посмотреть на дальнейший карьерный рост референтной группы, состоявшей из 167 первых молодых преподавателей НГУ. 57 (34 %) человек стали докторами наук, профессорами разных вузов страны, из них: 12 – действительными членами Академии Наук, 3 - член-корреспондентами. В данную группу вошли А. П. Деревянко – ректор НГУ (1980-1982), академик (1987), Н. С. Диканский – ректор НГУ (1997-2007), академик (2011), Б. Д. Аннин – академик (2011), А. А. Галеев – академик (1992), А. Г. Гранберг – академик (1990), Н. Л. Добрецов - академик (1987), Ю. И. Журавлев – академик (1992), В. Е. Захаров – академик (1991), В. Л. Макаров – академик (1990), В. М. Титов – академик (1990), А. В. Чаплик – академик (2011), Ч. Б. Борукаев – член-корреспондент (1987), В. Д. Мазуров – член-корреспондент (1987), В. В. Пухначев – член-корреспондент (1997), В. Г. Романов – академик (2022).

³²³Качан М. С. Первые шаги, 1960. [Электронный ресурс] URL: <https://proza.ru/2017/01/24/556> (дата обращения: 28.01.2023).

Таким образом, соглашаясь на работу в СО АН, молодые специалисты получали возможность двойного ангажирования в научной практике в ННЦ и в педагогической – в НГУ, а их профессиональный путь оказался динамичным и преимущественно успешным: «Новая среда новосибирского Академгородка способствовала реализации новых возможностей научного сообщества»³²⁴. Когорта молодых ученых продемонстрировала несколько путей развития, самым эффективным из которых стала реализация своего научного и карьерного потенциала, при котором за короткий срок был пройден путь от должности лаборанта к заведованию лабораторией в научно-исследовательских институтах и путь от ассистента до доцента в университете. Другими вариантами развития биографий стали – отъезд из Новосибирска с возвращением в столичные вузы и научные центры; увольнение из НГУ по разным причинам при сохранении работы в ННЦ СО АН. В целом же в первые годы становления СО АН – НГУ был заложен высокий потенциал возможностей для формирования новой академической среды в научном центре и преподавательской – в университете.

Развитие научно-исследовательских институтов происходило стремительней и обширней, чем становление университета, который стал скорее калькой происходивших в СО АН процессов. Кадровое наполнение первым порядком институтов гидродинамики, математики, неорганической химии, геологии и геофизики повлекло за собой открытие аналогичных специальностей в университете как базовых в начале его становления. Физико-математические, технические и химические, как приоритетные науки, органичным образом вписывались в концепцию открытия СО АН – создание комплексного научного центра, опирающегося на современную промышленность и решающего актуальные задачи в рамках стратегии развития страны.

³²⁴ Куперштох Н. А., Крайнева И. А. История Новосибирского Академгородка через призму биографий ученых-основателей институтов и научных направлений // Иркутский историко-экономический ежегодник. 2019: Сборник статей. Иркутск: Байкальский государственный университет, 2019. С. 294.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Формирование и динамика учебно-научной и социокультурной среды в университете

3.1. Условия, тенденции и результаты образовательного процесса

После открытия университета в 1959 г. силы его организаторов направились на установление целенаправленного, планомерного развития образовательного процесса и роста объемов выпуска специалистов. Спустя три года, в 1962 г., обрисовалась базовая сетка факультетов и специальностей, определены основные научные направления. Обретение стабильности произошло к 1968 г. – преодолев трудности поиска пути и эволюционируя от вуза «системы физтеха» к классическому университету, НГУ организовал и апробировал жизнеспособность четкой образовательной структуры и оригинальных принципов обучения. В настоящем параграфе будут рассмотрены альтернативы развития специализаций и структурных подразделений, ведущие научно-образовательные направления, получившие уверенный прогресс, как результат работы университета – динамика распределения молодых специалистов-выпускников НГУ.

Уже в первом проекте создания НГУ в 1957 г. был сформирован взгляд организаторов будущего университета на стратегию обучения, предполагающий развертывание обширной структуры факультетов и специальностей. Так, на шести факультетах – геолого-геофизическом, медико-биологическом, математическом, физическом, механическом и химическом факультетах появились междисциплинарные специальности: геофизика, медико-генетика, радиохимия, физическая химия и т.д. Одновременно с набирающим широкое распространение междисциплинарным подходом просматривалась тенденция формирования структуры университета в соответствии с научными интересами основателей СО АН, будущих заведующих кафедрами НГУ. Специализации механико-математического факультета полностью соответствовали научным интересам и фундаментальным достижениям академиков М. А. Лаврентьева (прочность, взрыв, горение и гидродинамика), и С. А. Христиановича (аэродинамика); специализации физического факультета – академиков

Г. И. Будкера (ускорители элементарных машин, ядерная физика), И. И. Новикова (теплофизика) и т.д.³²⁵. Следует обратить внимание, что первоначальный проект не предполагал организации как в целом гуманитарного направления, так и специализации математические расчеты в экономике (экономическая кибернетика), которая впоследствии стала одним из успешных новаторских направлений в НГУ. С другой стороны, уже в первом проекте предусматривалось открытие специализации цитологии и генетики, что было смелой инициативой М. А. Лаврентьева, поскольку после августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г. генетическая наука в СССР подвергалась гонениям³²⁶.

В 1959 г. университет начал свою работу имея один факультет и четыре специализации, следующие три года активно разрастался и очерчивал границы возможных направлений. Первый четкий облик разветвленной структуры НГУ появился к 1962 г. На 1962/63 учебный год НГУ состоял из шести факультетов: естественных наук, механико-математический, физический, гуманитарный, геолого-геофизический, и вечерний, 41 кафедры³²⁷, а также 10 специальностей: математика, механика, физика, химия, медико-биология, геофизические методы, история, математика в экономических расчетах, русский язык и литература, математическая лингвистика³²⁸. Важным отличием от первоначального проекта стало появление гуманитарного факультета и совмещение медико-биологических специализаций с химическими в рамках факультета естественных наук, в значительной мере урезанных. Становление образовательной программы университета сопрягалось с определенными трудностями, которые в первую очередь коснулись направлений, по ряду причин не имеющих возможности быть математизированными в той мере, в какой от них требовала «система физтех».

Гуманитарный факультет в годы становления университета был проблемной точкой для организаторов НГУ, поскольку при понимании необходимости его

³²⁵ НАСО Ф. 10. Оп. 3. Д.1. Л. 1-5.

³²⁶ Куперштох Н. А. Институт цитологии и генетики Сибирского отделения РАН // Вестник Российской академии наук. 2009. Т. 79, № 6. С. 546-555.

³²⁷ ГАНФ Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 101. Л. 8-9.

³²⁸ ГАНФ Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 82. Л. 55.

открытия, не было точного плана его развития. Создатели НГУ, преимущественно специалисты технических областей, не имели контактов с крупными историками и филологами, что затрудняло проектирование гуманитарного сегмента. Первоначально ни один ведущий ученый-гуманитарий не изъявил желание продолжить свою работу в новом Сибирском научном центре, соответственно, ППС гуманитарного факультета НГУ пополнялся с некоторыми затруднениями. Другой проблемой было то, что на специальностях: языкознание и история в первые годы факультета обучалось 5 % студентов НГУ, но они требовали значительного количества штатных преподавателей. В соответствии с развитием НГУ – СО АН базовый институт истории и филологии появился только в 1966 г. Ранее сотрудники-совместители работали в организациях – предшественниках: секторе истории промышленности (с 1961 г.), Отделе гуманитарных исследований (с 1962 г.), институте экономики и организации промышленного производства СО АН СССР. Немалую часть первопроходцев – основателей ГФ составляли совместители – сотрудники СО АН: В. А. Аврорин, М. М. Громыко, Н. Я. Гущин, Ю. С. Постнов, Е. К. Ромодановская, В. Л. Соскин, Е. И. Убрятова, А. И. Федоров, М. И. Черемисина и др. Однако процент штатных преподавателей здесь был значительно выше, чем на других факультетах. Среди организаторов научных направлений первыми штатными сотрудниками ГФ стали Е. И. Дергачева-Скоп, Л. Ф. Лисс, В. Г. Одинокоев, Н. В. Ревякина, М. И. Рижский, К. А. Тимофеев и др. В связи с повышенной долей штата на ГФ долгое время факультет не расширялся. Так, предложение К. А. Тимофеева разделить кафедру языкознания ввиду того, что сибирские языки, на изучении которых базируется отделение филологии НГУ, многочисленны и разнообразны, было отклонено. Аргументирован отказ был нецелесообразностью «разбивать 25 человек на 10 специальностей» и финансовой невозможностью увеличения штата преподавателей³²⁹. Молодая преподавательница Н. В. Ревякина, только что защитившая кандидатскую диссертацию (1963 г.) и приехавшая из Москвы в

³²⁹ ГАНО Ф. Р-1848. Оп.1. Д. 237. Л. 52-61.

Академгородок, вспоминала состояние на гуманитарном факультете к 1964 г. «Поскольку я была человеком новым в университете и впервые приступала к преподавательской работе, я плохо знала сложные организационные проблемы, с которыми столкнулся факультет; возможно, ко времени моего приезда в 1964 г., они уже были решены. Но я была огорчена отсутствием специализации у всеобщих историков»³³⁰.

При постановке вопроса о развитии гуманитарного направления основателям университета была понятна позиция экономической специальности, базирующейся на сопряженном институте, однако если речь заходила об истории и языкознании, они занимали технократическую позицию. А. В. Бицадзе на заседании Ученого Совета от 04.04.1966 г. высказал четкий взгляд на дальнейшее развития вуза: «если речь идет о расширении университета, то в первую очередь нужно создать физико-технический факультет, факультет прикладной математики, т.к. по физико-техническим наукам и математике у нас высококвалифицированные кадры. Назрела необходимость расширить университет, но это нужно делать на серьезном уровне»³³¹.

Относительно математизации гуманитарного факультета в соответствии с курсом на «систему физтеха» решался вопрос о вводе вступительного собеседования по математике для гуманитариев. Организаторы ГФ В. А. Аврорин, К. А. Тимофеев, понимая необходимость существовать в установленных рамках, аргументировали необходимость этого собеседования в первую очередь тем, что на всех специальностях университета введена математика как обязательный предмет. Однако А. И. Мальцев, В. В. Воеводский и Г. И. Будкер критически отнеслись к математизации гуманитарного отделения, тем самым изначально выводя его за рамки общей стратегии НГУ³³². Таким образом, предложение о вводе экзамена либо собеседования по математике для

³³⁰ Ревякина Н. В. Интервью // ГУМФАКиЯ 60-70-х годов XX века: воспоминания наших учителей и выпускников / сост. С. А. Красильников, И. С. Кузнецов, Г. Г. Пиков. Новосибирск, 2022. С. 121.

³³¹ ГАНО Ф. Р-1848. Оп.1. Д. 237. Л. 60.

³³² ГАНО Ф. Р-1848. Оп.1. Д. 237. Л. 54.

гуманитарных специальностей было отклонено. Некоторые усилия в направлении математизации исторических дисциплин были сделаны: в структуре дисциплин по отделению «история» в 1968 г. присутствовали дисциплина «основы высшей математики» и небольшой курс «математические методы в истории». Кроме того был поставлен эксперимент – в 1968 г. состоялась защита дипломной работы трех студентов под руководством Л. М. Горюшкина с обработкой материалов с/х переписи Томской губ. 1916 г. методами ЭВМ. Однако, уже с 1970 г. основы высшей математики уже перестали читаться историкам, а читался курс «основы статистики», более практически понятный и близкий для историков.

Как результат воздействия «системы физтеха» на гуманитарный факультет появились специальности «математика в экономических расчетах» и «математическая лингвистика». Специальность «математика в экономических расчетах» возникла в 1962 г. одновременно в НГУ появились одноименная кафедра и лаборатория экономико-математических исследований (ЛЭМИ). Здесь разрабатывались проблемы математического моделирования экономических механизмов, рационального использования природных ресурсов, изучались возможности использования ЭВМ. Специальность развивалась успешно, набор на нее вырос с 25 до 75 человек. В 1967 г. из гуманитарного факультета выделился самостоятельный экономический (ЭФ).

В 1962 г. в «Литературной газете» Новосибирска появилась небольшая заметка, анонсирующая открытие новой гуманитарной оригинальной специальности в НГУ: «Может быть, сейчас, когда пишутся эти строки, некий «юноша, обдумывающий жите», знакомится с проспектом для поступающих в Новосибирский государственный университет. В составе нового гуманитарного факультета он найдет отделение математической лингвистики. Расшифровку таинственных писем майя, осуществленную сибирскими учеными и помощью быстродействующей вычислительной машины, журналисты окрестили «электронным чудом». Прошло немного времени – и «чудеса» перестают быть чудесами: на вузовской скамье готовятся специалисты для работы в этом

направлении»³³³. Фактически математическая лингвистика как специальность была основана в 1962 г. и принимала студентов порядка 10-12 человек вплоть до 1966 г. Она не имела своей кафедры, продолжительное время у нее не было утверждённого учебного плана, значительные трудности были также в поиске специалистов.

Вопрос о целесообразности ее существования в НГУ неоднократно ставился на заседаниях Ученого Совета, поскольку у основателей университета не было четкого представления, где специалисты - математические лингвисты будут использованы после окончания вуза. В 1965 г. на обсуждении методической комиссии было решено вести прием на эту специальность через год. Тем не менее был положительно решен вопрос о том, что таких специалистов университет готовить должен, специализируя их как «лингвист – математическая лингвистика»³³⁴. Однако в следующем году прошел последний набор на данную специальность. Показательным в отношении взгляда организаторов университета на математическую лингвистику на гуманитарном факультете явилось выступление А. И. Мальцева на заседании Ученого Совета НГУ от 04.04.1966 г. Обращая внимание на то, что нельзя соединять два понятия «лингвистика» и «математическая лингвистика», поскольку вторая является специальностью по переработке информации, по сути современной кибернетикой, академик заключил: «Такую специальность мы организуем, если нужно, на математическом отделении, независимо будет ли она на гуманитарном факультете, где будет заниматься не 12 человек, а минимум 30. Так что ясно: есть гуманитарная наука – лингвистика, и математическая лингвистика – кибернетика. И лингвисты по языку должны заниматься своим языком. Для этих лингвистов не требуется чрезвычайно тонких знаний математики»³³⁵.

В ходе поиска оптимальной структуры университета возникла идея создания специальности «социология», которая не была открыта в изучаемый

³³³ Математическая лингвистика // Литературная газета, 1962. № 75. С.60.

³³⁴ ГАНО Ф. Р-1848. Оп.1. Д. 164. Л. 22.

³³⁵ ГАНО Ф. Р-1848. Оп.1. Д. 237. Л. 60.

период, однако предполагалась как реальная альтернатива в развитии гуманитарного факультета. Ввод ее в учебную программу неоднократно обсуждался на заседаниях Ученого Совета НГУ, в 1966 г. был создан учебный план для нее³³⁶. Активно поддерживал развитие социологии А. Г. Аганбегян, считая ее частью экономического отделения. Он предложил переименовать гуманитарный факультет в социально-экономический и создать лабораторию социологических исследований – инициатива была поддержана С. Т. Беляевым³³⁷, но не реализована в дальнейшем, поскольку наличие гуманитарного факультета было в приоритете для вуза. Тем не менее несомненна дальновидность А. Г. Аганбегяна в определении одного из самых авангардных научных течений – когда в 1989 г. открылась специальность «социология» в рамках экономического факультета, НГУ оказался в числе первых семи вузов страны, где началась профессиональная подготовка по данной специальности.

Наличие гуманитарного сегмента в НГУ требовала сама концепция его создания как академического вуза. Изначально прохладное отношение М. А. Лаврентьева и его соратников к открытию гуманитарного факультета, связанное с рядом трудностей от технократических ориентиров десанта «физтех» до финансовых вопросов и политически неосторожных поступков студентов-гуманитариев, не изменило курса на академическое образование руководителей университета. «Спектр направлений профессиональной подготовки в области гуманитарного образования постепенно расширялся. К трем основным – история и археология, языки и фольклор народов Сибири, сравнительно-историческое языкознание и русистика – добавились такие как литературоведение, археография, этнография, с 2002 г. на факультете как направление обучения появилось «востоковедение и африканистика»³³⁸, в 2001 г. из Гуманитарного выделился факультет журналистики. Сегодня в структуре НГУ существует

³³⁶ ГАНО Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 352. Л. 26-27.

³³⁷ ГАНО Ф. Р-1848. Оп.1. Д. 237. Л. 61.

³³⁸ Новосибирский государственный университет: создание, становление, развитие (1959–2019) / Н. Н. Аблажей, С. А. Красильников, Е. Г. Водичев. Новосибирск, 2019. С. 282.

Гуманитарный институт (ГИ), в котором функционируют 14 кафедр. Преподавательский корпус ГИ насчитывает более 300 человек – сотрудников институтов СО РАН, масс-медиа и др. Что касается «математической лингвистики», эта специализация существует в магистратуре на механико-математическом факультете, однако имеет вполне гуманитарные дисциплины: современные проблемы философии и филологии, лингвистика текста, риторика, лингвокультурология, билингвизм и мультикультурность и др.

Значительные пертурбации претерпело биологическое отделение факультета естественных наук. Подготовка биологов в НГУ началась через три года после открытия университета, поскольку у организаторов учебного процесса не было четкого плана относительно развития данной специализации. На заседании Ученого Совета НГУ от 22.12.1966 г. Д. К. Беляев прокомментировал сложившуюся ситуацию: «Мы считали, что образование должно быть медико-биологическим. Но скоро эта тенденция довольно тактично была преодолена и наше биологическое образование стало рассматриваться как образование биологическое с большим удельным весом математики, физики, химии»³³⁹. В 1961 г. было постановлено организовать специальность теоретической медицины³⁴⁰, однако ориентированность организаторов НГУ на «систему физтеха» поставила перед студентами-медиками трудную задачу: с одной стороны, требовалось расширение всего комплекса физико-математических дисциплин, с другой, достижение достаточно высокого уровня общей биологической подготовки студентов. Учебный план биологического отделения НГУ отличался от существующих планов биологов других вузов наличием математической нагрузки и сокращенными курсами общей биологии. В результате выяснилось, что выпускниками - биологами знания по математике не использовались³⁴¹. В данном контексте стало очевидным, что «в СО АН и Академгородке имела место определенная недооценка биологических

³³⁹ ГАНО Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 310. Л. 83.

³⁴⁰ ГАНО Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 20. Л. 45.

³⁴¹ ГАНО Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 310. Л. 82.

исследований, которые в институциональном и кадровом отношении значительно уступали структурам физико-математического и химического профиля»³⁴². Первый ректор НГУ И. Н. Векуа, осознавая необходимость развития разностороннего обучения в университете, в 1964 г. репортеру газеты «За науку в Сибири» изложил свою позицию касательно химической специальности: «Но вместе с тем, в подготовке химиков мы отстаем от той потребности, которая имеется сейчас. Мне кажется необходимым расширить химический факультет. Кроме того, надо с будущего года организовать в физико-математической школе химическое и биологическое отделение»³⁴³.

Актеры учебного процесса ФЕН, понимая специфику биологических направлений стремились найти компромисс с установкой «отцов-основателей» на внедрение «системы физтеха» во все учебные программы НГУ. Поскольку стало очевидным, что при отнимании часов биологии в пользу математики готовить специалистов по медицине невозможно, было предложено переориентироваться на выпуск специалистов – биологов для сельскохозяйственных работ³⁴⁴. Другим вероятным решением стало предложение о продлении срока обучения до 6 лет³⁴⁵. По ряду причин эти предложения не были приняты, траектория развития ФЕН вернулась в точку исходного плана – акцент на направлении цитологии и генетики. Его развитие встроено в историю сопряженного института, который стал первым научным центром генетики после сессии ВАСХНИЛ 1948 г. Несмотря на поддержку председателя СО АН М. А. Лаврентьева, ИЦиГ нередко был на грани ликвидации или репрофилирования. Его первый директор Н.П. Дубинин был вынужден отправиться в отставку и вернуться в Москву³⁴⁶. Долгое время ИЦиГ «находился на полулегальном положении», не имея своего здания (собственный корпус он обрел летом 1964 г.). Кардинальные положительные перемены в сторону генетической науки произошли в 1968 г. – «при Академии

³⁴² Josephson P. New Atlantis revisited: Akademgorodok, the Siberian city of science. Princeton, XXII, С. 156.

³⁴³ Векуа И. Н. Расширить подготовку химиков // За науку в Сибири. 1964.

³⁴⁴ ГАНО Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 310. Л. 85.

³⁴⁵ Там же. Л. 86.

³⁴⁶ Дубинин Н. П. Вечное движение. М., 1973. С. 389.

наук ССР был создан Научный совет по проблемам генетики и селекции, появилось Всесоюзное общество генетиков и селекционеров» (ВОГиС)³⁴⁷. Когда ИЦиГ занял уверенную позицию в научном сообществе, переломив негативное отношение к генетике у советских биологов и «отстояв право на существование» перед Министерством науки, по инициативе нового директора ИЦиГ Д. К. Беляева открылась кафедра цитологии и генетики в НГУ. В итоге две кафедры – медицинской биологии и общей биологии были преобразованы в три – общей биологии, физиологии и цитологии и генетики.

Отдельно следует отметить, что на угасание развития медико-биологических направлений в НГУ повлиял конфликт М. А. Лаврентьева и одного из основателей медицинского направления в СО АН, куратора медицинского обслуживания в Академгородке, директора Института экспериментальной биологии и медицины СО АН, хирурга и ученого Е. Н. Мешалкина. Институт был основан в числе первых, в 1957 г. и подавал большие надежды, однако уже в 1963 г. он был реорганизован, переведен в состав Минздрава РСФСР, переименован в Институт патологии и кровообращения, и переехал в новое здание за границами Академгородка. Это стало одной из причин, что в университете медико-биологическое направление трансформировалось в биологическое³⁴⁸. Медицинская специальность, безусловно актуальная всегда, вновь возродилась с появлением активного лидера, ученого, специалиста в области вирусологии и молекулярной биологии (впоследствии чл. корр. РАН) А. Г. Покровского. В 1997 г. Он стал одним из соорганизаторов кафедры фундаментальной медицины на ФЕН, в 2003 г. – организатором и первым деканом медицинского факультета. Сегодня в структуре НГУ существует институт медицины и психологии В. Зельмана, он сотрудничает с ННЦ СО РАН биологического и медицинского

³⁴⁷ Куперштох Н. А. Институт цитологии и генетики сибирского отделения РАН // История Академических учреждений // Вестник российской академии наук, 2009, Т. 79, № 6, С. 549.

³⁴⁸ Куперштох Н. А. Институт экспериментальной биологии и медицины СО АН СССР: страницы истории // Философия науки. 1997. № 1(3). С. 9., Качан М.С. Дело Мешалкина [Электронный ресурс] URL: <https://proza.ru/2017/02/14/614> (дата обращения: 07.04.2023).

профиля, ГНЦ ВБ «Вектор», клиническими учреждениями Новосибирска и имеет в своем составе 10 кафедр.

Продолжая сюжет негативного влияния личного фактора на развитие структуры НГУ, следует остановиться и на других случаях оттока высококвалифицированных кадров из состава первого «десанта», приехавшего в Новосибирск создавать новый научный центр. Так, один из инициаторов создания, соорганизатор СО АН, организатор кафедры газовой динамики НГУ С. А. Христианович был вынужден отойти от дел Сибирского научного центра. «В научной и личной биографии С. А. Христиановича многое изменил 1961 год, когда академик М. А. Лаврентьев предпринял против своего недавнего соратника ряд весьма жестких мер. Поскольку суть конфликта изложена в ряде публикаций, напомним, что его следствием стало освобождение академика С. А. Христиановича со всех постов, которые он занимал в Сибирском отделении»³⁴⁹. Это событие очень ослабило созданную им кафедру в университете. В 1965 г. академик вернулся в Москву и стал научным руководителем Всесоюзного НИИ физико-технических и радиотехнических измерений.

Значимой потерей для НГУ стало возвращение в Москву Б. О. Солоноуца. Будучи деканом ФЕН, в первые два года он «тащил» на своих плечах все текущие учебные дела»³⁵⁰. Б. О. Солоноуц имел огромный опыт в организации учебного процесса, был участником создания МФТИ. «Первые наши выпускники и сейчас вспоминают «БОСа» добрым словом. Однако похоже, твердая приверженность всем тонкостям физтеховских канонов привела его к противоречию с той частью ученых, которая видела в формирующемся вузе

³⁴⁹ Куперштох Н. А. Академик С. А. Христианович - организатор института теоретической и прикладной механики со ан СССР // Бусыгинские чтения. Казань, 2019. Вып. 12. С. 109.

³⁵⁰ Лисс Л. Ф. Было это так... (К 50-летию юбилею НГУ) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2009. Т. 8, № 1. С. 228.

классический университет, а не технический институт, и он вернулся в Москву»³⁵¹.

Г. Б. Бокий, один из основателей института неорганической химии СО АН создатель рентгеноструктурной лаборатории, в НГУ – организатор кафедры кристаллохимии. В 1963 г. он вернулся в Москву, что привело к расформированию его кафедры в университете. Ю. Н. Работнов, академик, заместитель директора института гидродинамики СО АН, стал организатором кафедры теории упругости и пластичности в 1960 г. Спустя пять лет он вернулся в Москву, что также привело к расформированию созданного им научного направления. Проблема потери московского состава преподавателей первого набора затронула все уровни в структуре нового университета, о проблеме высокой текучести кадров в первые годы и оттоке молодых специалистов отмечено в параграфе 2.2.

Конфликтные ситуации при решении задач, возникающих в новом вузе, не всегда заканчивались отъездом «пострадавшей» стороны. Так, Р. И. Солоухин был ближайшим помощником И. Н. Векуа и следующим претендентом на должность ректора. Л. Ф. Лисс вспоминал о команде И. Н. Векуа и Р. И. Солоухина: «Работали они очень слаженно, уважительно относясь друг к другу. Стиль работы проректора отличала собранность. Он умел организовать себя и организовать дело. Суть проблемы схватывалась им «с лету», несколько секунд взгляда в сторону – размышление, и решение принято и сформулировано /.../ И. Н. Векуа очень ценил организаторский талант своего заместителя и рекомендовал его в качестве своего преемника на ректорском посту»³⁵². Исполняющим обязанности ректора Р. И. Солоухин был полгода, в 1965 г. «Похоже, он слишком круто взялся за некоторые сложные университетские проблемы, среди части ученых возникла оппозиция, и ему пришлось оставить

³⁵¹ Лисс Л. Ф. Было это так... (К 50-летию юбилею НГУ) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2009. Т. 8, № 1. С. 228.

³⁵² Там же. С. 229.

ректорство»³⁵³. Ученый остался в университете в качестве заведующего кафедрой общей физики, затем стал основателем кафедры физической кинетики в 1972 г., в Сибирском отделении он занимал должность директора института теоретической и прикладной механики. Р. И. Солоухин покинул Академгородок в 1976 г., переехав в Минск и заняв должность директора института тепло- и массообмена и профессора Белорусского государственного университета.

Несомненно, общее демографическое состояние научного сообщества в новосибирском Академгородке влияло и на развитие университета. Зав. отделом науки и учебных заведений Новосибирского обкома КПСС М. П. Чемоданов в докладной записке в Москву выразил ряд опасений, в том числе и касающихся, высокому проценту отъезда научных кадров из Сибирского отделения: «...Руководители Президиума СО АН СССР высказывают тревогу относительно оттока ученых и вносят в вышестоящие органы различные предложения по преодолению этого нежелательного явления. Факты говорят, что основания для подобного рода тревоги имеются. Всего за 1958–1966 гг. Сибирское отделение покинуло 600 квалифицированных научных сотрудников, в т. ч. 89 членов Академии и докторов, 511 кандидатов наук. За тот же период защищено 112 докторских диссертаций и 960 кандидатских. Таким образом, по основной группе ученых утечка едва покрывается за счет подготовки новых кадров»³⁵⁴.

Отдельно следует сказать о такой неотъемлемой части становления вуза как вечернее обучение, позволяющее университетам выполнять нормы распределения молодых специалистов, а самим студентам получать высшее образование без отрыва от производства. В НГУ такой способ обучения оказался неработоспособным, поскольку ориентированность на научную деятельность не позволяла студентам заниматься в урезанном рамками вечернего образования объеме. В первый год работы университета было создано вечернее отделение, в

³⁵³ Лисс Л. Ф. Было это так... (К 50-летию юбилею НГУ) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2009. Т. 8, № 1. С. 228.

³⁵⁴ ГАНУ Ф. П-4. Оп. 69. Д. 127. Л. 1-7.

1962 г. план набора на него состоял из 200 мест, принято было 219³⁵⁵. В 1963 г. оно было видоизменено на вечерний факультет, который полностью дублировал дневные специальности кроме гуманитарных (история, филология).

В 1965 г. план приема студентов определялся в 225 мест, однако набрано 133 чел.³⁵⁶ В 1968 г. прием на вечернее отделение прошел с еще большим трудом. Достаточно отметить, что на 125 мест было подано только 77 заявлений, а выдержало лишь 29 абитуриентов. Добор с дневного отделения был затруднен из-за малого контингента местных абитуриентов, желающих получить вечернее образование, и не позволил выполнить план – принят только 61 студент³⁵⁷, и в следующем году прием на вечерний факультет был закрыт.

Важной ступенью расширения сферы влияния СО АН стал Красноярский филиал НГУ (1963 г.). В рамках стратегии НГУ он базировался на научном институте физики, имел два факультета – физико-математический и естественных наук, преподаватели преимущественно совмещали научную деятельность и преподавание. В первый год было принято 84 студента, через пять лет в нем обучалось 889 студентов. Однако на иной платформе постепенно выяснилось, что стремление к «системе физтеха» скорее тормозит развитие вуза, не дает возможности расширяться в направлениях актуальных для Красноярска. В 1969 г. филиал стал самостоятельным вузом и приобрел самобытные черты, приведшие к скорому расширению структуры и резкому увеличению численности студентов. Инициатором создания Красноярского филиала НГУ стал академик Л. В. Киренский, основатель открытого ранее, в 1957 г. института физики СО АН в Красноярске. Л. В. Киренский призывал членов краевой партконференции поддержать открытие факультета физики НГУ в Красноярске, подчеркивая, что это приведет к качественному научному росту в крае и решит проблему дефицита

³⁵⁵ ГАНО Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 68. Л. 16.

³⁵⁶ ГАНО Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 242. Л. 12.

³⁵⁷ ГАНО Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 469. Л. 12.

научных кадров³⁵⁸. «В настоящее время представляется реальная возможность открыть в Красноярске факультет Новосибирского университета. Об этом ходатайствует Научный совет по физике твердого тела при Президиуме Академии наук СССР, это предлагает ректорат Новосибирского университета»³⁵⁹. Первым директором филиала стала ученица Л. В. Киренского – Г. Р. Балуева, первым ректором самостоятельного вуза – его ученик А. И. Дрокин³⁶⁰.

Таким образом, к 1968 г. структура НГУ сложилась как самостоятельная, самовоспроизводимая рабочая модель, естественным образом вытеснив нерабочие элементы. в 1968/1969 учебном году структура университета состояла из семи факультетов: геолого-геофизический, гуманитарный, естественных наук, механико-математический, физический, экономический, вечерний; 46 кафедр; 11 специальностей: математика, инженерная математика, физика, химия, биология, геофизика, геология и геохимия, экономическая кибернетика, политэкономия, история, языкознание³⁶¹.

Составители структуры дисциплин аккуратно учли принципы работы нового вуза, добавив в учебный процесс основательную базу математических и междисциплинарных знаний. Варьируя временем курсов с целью соблюдения общих для вузов нормативов, могли «урезать» часы общеуниверситетских дисциплин, таких как «физ. воспитание», «ин. языки» и «общественные науки». Структура основных дисциплин по специальностям к 1968 г. выглядела следующим образом (с указанием количества часов):³⁶² на специальности «математика» наибольшее количество часов занимала дисциплина «мат. анализа» - 500 ч., затем «общественные науки» - 430 ч. и «иностранные языки» – 400 ч.,

³⁵⁸ Терскова А. А. Из истории становления Красноярского государственного университета // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2020. № 1(15). С. 130.

³⁵⁹ ГАКК Ф. П-6693. Оп. 1. Д. 25. Л. 155-156.

³⁶⁰ Терскова А. А. Из истории становления Красноярского государственного университета // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2020. № 1(15). С. 126-133.

³⁶¹ ГАНО Ф. Р-1848. Оп.1. Д. 448. Л. 46.

³⁶² Новосибирский государственный университет, Механико-математический факультет / сост. Н. Н. Аблажей [и др.]. Новосибирск, 2019. С. 146-149.

следом «высшая алгебра» – 240 ч., «физика» – 210 ч. «аналитическая геометрия» – 100 ч., «программирование» – 70 ч. и «физ. воспитание» – 140 ч.

На специальности «инженерная математика» аналогичное количество часов было по дисциплинам «мат. анализ», «аналитическая геометрия», «программирование», «физика», «физ. воспитание». «Теория упругости и пластичности» читалась 170 ч., «гидро, аэро и газодинамика» – 140 ч., «теоретическая и аналитическая механика» – 280 ч., «дифференциальные уравнения» – 140 ч., «теория вероятности и математической статистики» – 70 ч. Чуть больше было часов «общественных наук» – 450 ч.

На специальности «физика» треть времени занимала дисциплина «общей физики» – 840 ч., другую треть – «общественные науки» – стандартные 450 ч., «физ. воспитание» – 140 ч., «иностранный язык» – 340 ч. Также были «математический анализ» – 420 ч., «теоретическая физика» – 370 ч., «высшая алгебра и аналитическая геометрия» – 140 ч., и в рамках междисциплинарного подхода - «основы радиотехники» – 100 ч. и «химия» – 36 ч.

Специальность «биология» включала в себя «физиологию» – 190 ч., «цитологию и генетику» - 140 г., «неорганическую химию» – 110 ч., «анатомию» – 140 ч., «ботанику» – 100 ч., «зоологию» – 120 ч. В рамках математизации читалось 390 ч. «вышей математики», в рамках междисциплинарности – 320 ч. «физики», 100 ч. «биофизики», 34 ч. «радиобиологии» и общеуниверситетские «общественные науки» – 450 ч., «иностранный язык» – 330 ч., «физ. воспитание» – 120 ч.

Специальность «химия» содержала дисциплины «неорганической химии» – 320 ч., «аналитической химии» – 280 ч., «органической химии» – 330 ч., «физической и коллоидной химии» – 200 ч., «радиохимии» – 90 ч. В соответствии с принципами вуза читались «высшая математика» и «физика» по 440 ч., «радиотехника» – 70 ч. обучение дополнялось общеуниверситетскими «общественными науками» – 450 ч., «иностранным языком» – 340 ч., «физ. воспитанием» – 140 ч.

На специальности «русский язык» четверть обучения занимала дисциплина «современный русский язык» – 730 ч., более чем на 100 часов увеличено изучение «иностранных языков» относительно негуманитарных специальностей – 450 ч., «общественные науки» и «физ. воспитание» сохраняли стандартную длительность – 450 и 140 ч. соответственно. «Зарубежная литература» читалась 140 ч., «этнография народов Сибири», «история Сибири», «введение в фольклористику», «история и грамматика русского языка» занимали по 70 ч. в учебный год, «этнография с основами археологии» – 140 ч., «общее языкознание» – 60 ч., «логика» – 50 ч.

Четверть специальности «история» занимала дисциплина «история СССР» – 750 ч., увеличены на 30 ч. «общественные науки» – 480 ч., «иностранный язык» и «физ. воспитание» преподавались стандартные – 300 ч. и 140 ч. В рамках математизации гуманитарного образования велись «основы высшей математики» – 80 ч., «математические методы в истории» – 40 ч., «основы статистики» – 80 ч. Также читались курсы: «история нового и новейшего времени» – 300 ч., «история средних веков» – 170 ч., «история Сибири» – 100 ч., «новая и новейшая история стран Запада» – 100 ч., «основы археологии и истории» – 70 ч., «источниковедение истории СССР» – 70 ч., «основы этнографии» – 36 ч., «историография СССР» – 60 ч.

Наибольшее количество часов на экономической специальности было посвящено «общественным наукам» – 620 ч., повышено было и время обучения «иностранных языков» – 400 ч. Все образование на экономической специальности пронизывала математизация, читался «математический анализ» – 330 ч., «статистика» – 280 ч., «высшая алгебра» – 210 ч. «Программирование» велось 170 ч., «математические методы в программировании», «экономика в промышленности», «теория вероятности и мат. статистика», «экономико-математические модели», «планирование народного хозяйства» – по 140 ч. Также «экономическая география СССР» – 140 ч., «планирование народного хозяйства» – 140 ч., «экономика труда» – 100 ч., «бухгалтерский учет» – 70 ч., «финансы и

кредит СССР» – 60 ч., «современные экономические учения» – 60 ч., «экономическая история СССР» – 60 ч. и 140 ч. «физ. воспитания».

Специальность «геология» на треть по временному наполнению состояла из дисциплины «геодезия» – 936 ч. «Физика» читалась 290 ч., «высшая математика» – 270 ч., «общая химия» – 160 ч., «аналитическая химия» – 70 ч. Из специализированных дисциплин читались: «петрография» – 270 ч., «месторождения полезных ископаемых» – 200 ч., «геофизические методы исследования» – 140 ч., «минералогия» – 110 ч., «кристаллография» – 100 ч., «палеонтология» – 100 ч., «историческая геология» – 100 ч., «геотектоника» – 50 ч., «общая геология» – 100 ч., «геохимия» – 40 ч., «физика земли» – 40 ч., «геология СССР» – 90 ч.

На специальности «Геофизические методы поисков и разведки полезных ископаемых» наибольшее количество часов занимала «высшая математика» – 740 ч. Затем «физика» – 470 ч., «магниторазведка, гравиразведка» – 340 ч., «ядерная геофизика» – 100 ч., «радиотехника и электроника» – 120 ч., «теоретическая механика» – 90 ч., «физико-химические основы петрографии» – 120 ч., «химия» – 70 ч., «общая геология» – 100 ч., «геология СССР» – 90 ч., минералогия (60), «геокартирование» – 60 ч., «месторождения полезных ископаемых» – 110 ч., «историческая геология» – 80 ч., «геодезия» – 40 ч., «петрография» – 70 ч., «бурение и прокладка горных пород» – 24 ч. На геологических специальностях «общественные науки» и «иностранный язык» читались стандартные 450 ч. и 300 ч., «физ. воспитание» «урезано» на 20 ч.

На каждом факультете имелось одно или два ведущих направления научно-исследовательской работы (НИР), которые базировались на идентичных учебных специальностях, определяемых НГУ в качестве ведущих. Согласование работы НИР университета и академических институтов осуществлялась в рамках положения «о взаимодействии научно-исследовательской части (НИЧ) и научно-

исследовательских институтов СО АН СССР»³⁶³. Тематические научно-исследовательские лаборатории, базировались на площадях академических институтов и входили в состав учебно-научного комплекса «факультет – тематическая лаборатория – базовый институт СО АН СССР». Научными руководителями данных лабораторий назначались преимущественно заведующие кафедрами, которые одновременно имели управляющие должности в НИИ.

Авангардные научные направления на кафедре гидродинамики механико-математического факультета формировались «под влиянием фундаментальных достижений М. А. Лаврентьева и его школы в теории квазиконформных отображений, теории волновых и струйных течений идеальной жидкости, в исследовании взрывных явлений»³⁶⁴. С 1966 г. во главе кафедры встал Л. В. Овсянников. В связи с этим наряду с развитием заложенных ранее научных направлений, возник ряд новых: исследования нестандартных движений жидкости и газа со свободными границами, групповой анализ дифференциальных уравнений, теория дифференциальных уравнений в шкалах банаховых пространств и ее приложения в механике, исследования по динамике вязкой жидкости. Большое значение уделялось задачам прикладной гидродинамики, аэроупругости, теории решеток турбомашин.

НИР физического факультета включала в себя такие основные работы, как создание установок со встречными электрон-электронными и электрон-позитронными пучками, благодаря которым в 1967 г. заведующий кафедры ядерной физики Г. И. Будкер и профессор А. Н. Скринский были награждены Ленинской премией.

На геолого-геофизическом факультете разрабатывались проблемы петрографии и геохимии, теоретической и прикладной минералогии, исторической геологии и палеонтологии, поиска и разведки месторождений

³⁶³ Петрик В. В. Становление и развитие главных организационных форм вузовской науки в конце 1950-х – начале 1990-х гг. (на примере высшей школы Сибири) // Известия томского политехнического университета Т. 309. № 1, 2006, С.236.

³⁶⁴ Петрик В. В. Развитие основных направлений научных исследований в вузах сибирского региона в конце 1950-х – начале 1990-х гг. // Вестник томского государственного университета. История, № 1 (2). 2008. С. 55.

полезных ископаемых. Здесь под руководством заведующего кафедрой минералогии и петрографии В. С. Соболева сформировалась известная научная школа петрологов, «продолжившая лучшие традиции Ленинградской Федоровской школы»³⁶⁵.

Факультет естественных наук развивался в двух основных направлениях: химия и цитология и генетика. Кафедра физической химии являлась самой крупной на факультете по числу преподавателей, количеству курсов и практикумов. Опираясь на Институт химической кинетики и горения, под влиянием достижений заведующего кафедрой и декана ФЕН В. В. Воеводского³⁶⁶ проводилась НИР НГУ по реакционной способности атомов и свободных радикалов, ион-радикалов и различных комплексов, кинетике химических реакций с их участием, механизму их образования под действием света и ионизирующих излучений. НИР кафедры цитологии и генетики под руководством Д. К. Беляева была посвящена в основном проблемам цитогенетических основ онтогенеза и управления наследственностью.

Экономическая кибернетика, возникшая на гуманитарном факультете, стала базой для экономического факультета и ЛЭМИ. Большую роль в организации научной школы по экономической кибернетике сыграли академик Л. В. Канторович, возглавлявший отделение Института Математики и кафедру вычислительной математики НГУ, и чл. корреспондент А. Г. Аганбегян, бывший директором института Экономики ОПП СО АН и заведующим кафедры политической экономии.

В 1967 г. была открыта новая специальность «выросшая» из механики – инженерная математика. Для набора студентов на нее была проведена ознакомительная работа среди будущих абитуриентов, выпущены статьи с обрисовкой ее специфики: «Еще не привычное для слуха, но уже немало

³⁶⁵ Петрик В. В. Развитие основных направлений научных исследований в вузах сибирского региона в конце 1950-х – начале 1990-х гг. // Вестник томского государственного университета. История, № 1 (2). 2008. С. 55.

³⁶⁶ Куперштох Н. А. Научное наследие основателей химических институтов Новосибирска // Исторический курьер № 2 (16), 2021. С. 63.

объясняющее название – отделение инженерной математики. Оно создано в этом году. В трех его группах будет заниматься 67 человек...Новое отделение будет удовлетворять потребности науки и производства в специалистах по основным направлениям именно прикладной математики»³⁶⁷ – рассказал корреспонденту газеты «За науку в Сибири» член-корреспондент АН СССР Г. И. Марчук, один из основателей отделения. Основные направления, по которым производилась специализация инженерной математики были следующими: гидроаэродинамика, теоретическая кибернетика, вычислительная математика, теория упругости и пластичности, динамическая метеорология и океанология, математическая геофизика, теория переноса лучистой энергии.

НИР гуманитарного факультета определялась в первую очередь сибиреведческими рамками: для филологического отделения – это исследования тунгусо-маньчжурских, тюркских языков, алтаистики; исторического отделения – археология Сибири под руководством А. П. Окладникова, история отечественного феодализма под руководством профессора Н. Н. Покровского. Несомненно значительным было направление, заложенное в НГУ профессором А. И. Федоровым – фразеологическая семантика и отношения на фразеологическом уровне языка.

Оригинальность научно-образовательного процесса НГУ нашла отражение в построении авторских лекторских курсов. Согласно идеи о математизации НГУ в первый год обучения студентам предлагалось прослушать авторский курс по математическому анализу И. И. Данилюка, часть которого в 1964 г. была опубликована как учебное пособие, высшую математику для химиков и геологов второго курса преподавал первый декан Б. О. Солоноуц. «Зачастую курсы носили альтернативный характер, так, например, А. А. Ляпунов и Ю. Г. Решетняк совершенно по-разному читали математический анализ для студентов различных

³⁶⁷ Новое отделение НГУ // За науку в Сибири. 1967. № 37. С. 2.

специальностей»³⁶⁸. В отчете о работе партийного бюро НГУ с октября 1962 г. по июнь 1963 г. указано: «Большое значение в организации учебной работы несет издание курсов лекций и учебных пособий для студентов. В текущем году были изданы курсы лекций по теории функций вещественных переменных /доц. Данилюк/, термодинамике и статистической физике /проф. Румер/, математическому анализу /проф. Ляпунов/ и др.»³⁶⁹. В последствии Ю. Г. Решетняк также издал учебник «Курс математического анализа» в двух частях, основанный на своем опыте чтения лекций. Публиковать свои оригинальные курсы стало обычной практикой в НГУ, в частности, из-под станка РИЦ НГУ вышли учебные пособия академиков В. С. Соболева по основам метаморфизма (совместно с Н. Л. Добрецовым), Л. В. Овсянникова по основам газовой динамики и др.

Кроме опубликования курсов лекций уже именитых ученых стартовала практика публикаций курсов лекций молодых преподавателей практически полностью физико-математической направленности: выпускник Одесского государственного университета, доцент кафедры общей физики НГУ Г. М. Заславский в 1964 г. и 1965 г. опубликовал два курса лекций для студентов НГУ: «Асимптотический метод изучения неравновесных систем»; «По применению метода ВКБ в физике»; выпускник МГУ, ассистент МФТИ, переведшийся в НГУ доцентом кафедры теоретической физики, Ю. И. Кулаков в 1966 г. опубликовал курс лекций для студентов НГУ: «Тензорный анализ для физиков»; выпускник МФТИ, ассистент кафедры гидродинамики НГУ, В. В. Пухначев в 1968 г. опубликовал курс лекций по динамике вязкой несжимаемой жидкости и др. Также был опубликован один курс лекций для гуманитарной специальности: выпускник, затем преподаватель Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена, переведшийся в НГУ доцентом на

³⁶⁸ Новосибирский государственный университет: создание, становление, развитие (1959–2019) / Н. Н. Аблажей, С. А. Красильников, Е. Г. Водичев. Новосибирск, 2019. С. 38.

³⁶⁹ ГАНО Ф. П-269. Оп. 6. Д. 1451. Л. 15.

кафедру общего языкознания, А. И. Федоров, в 1964 г. опубликовал курс лекций для студентов НГУ: «Русская фразеология».

В год открытия редакционно-издательского отдела в плане работы было указано два пункта: лекции для студентов по читаемым в университете оригинальным курсам, и учебные программы общим и специальным курсам, тиражом по 200 экземпляров каждый, утверждаемые учеными советами факультетов и издаваемые для НГУ³⁷⁰. Практика публиковать учебные пособия для студентов появилась в силу необходимости оформлять библиотеку нового вуза, вызванной, с одной стороны, затруднением приобретения книг из других вузов, городов, с другой, стремлением к уникальности НГУ, выстроенном по совершенно новым, ранее не апробированным образовательным схемам, опирающимся на взаимодействие с СО АН.

Координация с другими вузами и научными центрами через проведение научных конференций, съездов, симпозиумов и встреч в НГУ заняла устойчивую позицию одной из эффективных форм организации НИР. «Они давали возможность ученым совместно подводить итоги научно исследовательской работы, определять перспективы ее дальнейшего развития»³⁷¹. Научно-студенческая конференция (НСК) была важной частью работы научно-исследовательской работы студентов как одна из форм интеграции образования в системы научных коммуникаций. Наличие такой конференции в вузе указывало на определенную степень сформированности в нем диалога «образование – наука». В НГУ НСК проводилась с 1963 года ежегодно. В начале учебного 1962/1963 г. была организована научная студенческая группа, задачей которой стала организация и проведение конференции. А менее чем через год, с 24 по 27 апреля 1963 г., проходила I научная студенческая конференция университета. На 5 секциях было представлено 55 докладов, преимущественно студентами НГУ, из

³⁷⁰ ГАНО Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 69. Л. 2.

³⁷¹ Петрик В. В. Становление и развитие главных организационных форм вузовской науки в конце 1950-х – начале 1990-х гг. (на примере высшей школы Сибири) // Известия томского политехнического университета Т. 309. № 1, 2006. С. 240.

гостей присутствовали только студенты Томского государственного университета³⁷². Среди выступающих были студенты разных лет обучения, и если для младшекурсников участие в НСК стало первой пробой своих научных сил, то выступления старшекурсников несли ядро серьезных научных изысканий. Работы студентов В. Портнова («две теоремы теории кубатурных формул») и Ю. Романенко («автоматический переводчик непрерывных графиков в дискретные цифровые значения функции») были награждены главной премией – бесплатной поездкой во время студенческих каникул в Москву и Ленинград. Почетные грамоты победителей конференции вручали академик М. А. Лаврентьев и проректор НГУ Р. И. Солоухин³⁷³.

В 1964 г., конференция стала «посвященной Ленинским дням» и значительно расширила границы: «с докладами выступали студенты Московского, Ленинградского, Горьковского, Уральского, Иркутского, Красноярского, Омского и Томского университетов»³⁷⁴. В следующие годы НСК НГУ стала традиционной для университета формой учебно-научного процесса, стимуляцией научной деятельности студентов. НСК НГУ обладала высоким образовательным и научным потенциалом, складывающимся из кооперации и взаимодействия студентов, аспирантов и молодых преподавателей между собой и с высококвалифицированными учеными. Тем самым на практике реализовывался принцип – через университет в «большую науку». Конференции заняли прочное место в студенческом сообществе Сибирского региона и обеспечивали научный диалог со столичными вузами РСФСР и других советских республик. НСК НГУ ежегодно освещались в СМИ, иногда под авторством ведущих ученых СО РАН. К примеру, Р. И. Солоухин опубликовал статью в газете «За науку в Сибири», посвященную научной деятельности студентов в НГУ: «Входят в традиции университета ежегодные научные студенческие конференции, посвященные Ленинским дням. В прошлом году на конференции были доложены наиболее

³⁷² Куликов В. Поиск молодых // Советская Сибирь. № 116, 1972. С. 3.

³⁷³ Романенко Ю., Репосов А. Студенческая страница // За науку в Сибири, № 19 (96), 1963. С. 2.

³⁷⁴ Студенческая юбилейная // За науку в Сибири, № 16 (143), 1964. С. 2.

интересные работы 40 студентов. Большинство из них представляют собой самостоятельные, законченные научные исследования, зачастую уже готовые к внедрению в практику...»³⁷⁵.

Важным этапом в становлении научного профиля НГУ стала организация на его базе международных конференций. Пионерным стал советско-американский симпозиум по дифференциальным уравнениям с частными производными. Он был проведен в 1963 г. совместно университетом, Институтами математики и гидродинамики. «В работе симпозиума приняло участие около 200 математиков из которых около 100 делегатов прибыло из советских городов – Москвы, Ленинграда, Киева, Харькова, Воронежа. Делегация США составила 23 ученых, их география – Йельский, Чикагский, Нью-Йоркский, Бруклинский и Стенфордский университеты»³⁷⁶. Среди участников также фигурировали молодые ученые научных центров СО АН и студенты НГУ. Приглашенную делегацию составили ученые с мировым именем – Р. Рихтмайер, Дж. Дуглас, П. Лакс, К. Фридрихс, Л. Ниренберг, возглавил ее американский ученый немецкого происхождения, создатель одного из крупнейших институтов математики в США Р. Курант. Ознакомившись с учебным процессом в НГУ, Р. Курант отметил, что важным принципом его организации была очевидная математизация в учебных программах. Сравнивая с жизнью Западной Европы, математик описал преподавателей НГУ как «первоклассных, вдохновляющих лидеров, которые собирают вокруг себя группы учеников и научные школы растут органично, во многом также, как они существовали в старину в довоенной Германии и других странах Европы»³⁷⁷, а также добавил он: «как мы собираемся развиваться в США»³⁷⁸.

³⁷⁵ Солоухин Р., Алехина Л. Студенты на практике. // За науку в Сибири. №15 (142), 1964 г. С. 3.

³⁷⁶ Выборнова В. А. Советско-американский математический симпозиум 1963 года в Новосибирском государственном университете как научно – образовательное событие. // Всеобщая история, № 4, 2019. С. 24.

³⁷⁷ Shields B. Mathematics, Peace, and the Cold War: Scientific Diplomacy and Richard Courant's Scientific Identity // Historical Studies in the Natural Sciences / Vol. 46, №. 5, 2016. С. 582.

³⁷⁸ Там же.

В дальнейшем масштабы международных коммуникаций постоянно возрастали. Известность и узнаваемость НГУ в системе международных научных и образовательных связей как российского университета нового типа, созданного в соответствии с моделью, соответствовавшей мировым тенденциям интеграции передовой науки с высшим профессиональным образованием, быстро возрастала. Одновременно с этим И. Н. Векуа получил приглашение прочитать курс лекций в Мэрилэндском университете, С. Л. Соболев стал почетным членом Американского математического общества. В 1965 г. в здании Новосибирского университета прошел Международный симпозиум по проблеме многих тел. «По окончании симпозиума к Р. И. Солоухину обратился профессор Иллинойского университета (США) Д. Пайнс с предложением о заключении соглашения об организации научных обменов между университетами»³⁷⁹.

Развитие научно-образовательной структуры университета коррелировалось с ростом количества студентов и балансом их распределения по факультетам и специальностям. Картина результатов приемной и выпускающей экзаменационных комиссий подтвердила процесс прямолинейного успешного роста линии «системы физтеха» и попыткой встроить и расширить другие направления в университете с целью приблизить образование к классическому.

По результатам приемной комиссии в первый год работы университета на дневное отделение было принято 189 человек на 5 специальностей со следующими результатами: химия – 28 (15 %), физика – 56 (30 %), математика – 49 (26 %), механика – 27 (14 %), геофизические методы - 29 (15 %)³⁸⁰. Следующие два года новые специальности не появлялись, картина численности поступивших медленно росла. 1962 г. показал рывок в развитии сетки специальностей и роста численности поступивших. Всего поступило 436 человек на 10 специальностей: математика – 74 (17 %), мат. методы в экономике – 27 (7 %), механика – 50 (11%), физика – 125 (29 %), химия – 51 (12 %), биология – 25 (5 %), геофизические

³⁷⁹ Новосибирский государственный университет: создание, становление, развитие (1959–2019) / Н. Н. Аблажей, С. А. Красильников, Е. Г. Водичев. Новосибирск, 2019. С. 78.

³⁸⁰ ГАНО Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 9. Л. 14.

методы – 25 (5 %), история – 26 (7%), математическая лингвистика – 15 (3%), филология – 18 (4%)³⁸¹. Показательным был план приема студентов 1962 г. в котором прописано как «математическая лингвистика» выделилась из специальности «языкознание» гуманитарного факультета, а специальность «математика в экономических расчетах» – из специальности «математика» механико-математического факультета³⁸². Несмотря на то, что традиционно экономические науки считались гуманитарными, поддержка математиков дала толчок для развития экономического направления в НГУ. Математическая лингвистика, выделенная из гуманитарного факультета, так и не оформилась как самостоятельная дисциплина.

Крупный прирост численности приема при сохранении уже существующих специальностей произошел в 1964 г. Всего поступило 744 человек на 10 специальностей: математика – 152, механика – 50, физика – 254, химия – 100, медико-биология – 53, геофизические методы – 28, экономическая кибернетика – 51, история – 26, математическая лингвистика – 13, русский и литература – 17³⁸³. Представленная картина численности принятых на обучение человек стала стабильной для последующих лет, однако баланс распределения по специализациям подвергался некоторым изменениям. К концу исследуемого периода (1968 г.) в НГУ всего поступило 761 человек на 11 специальностей: математика – 178, инженерная математика – 77, физика – 201, химия – 81, биология – 51, геология и геохимия – 23, геофизические методы – 25, экономическая кибернетика – 70, политэкономия – 5, история – 25, языкознание – 25³⁸⁴. Общая динамика приема студентов показана в приложении 4, диаграмма 1; распределение студентов по специальностям в динамике показано в приложении 4, диаграмма 2; прирост общей численности студентов в приложении 4, диаграмма 3.

³⁸¹ ГАНО Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 68. Л. 16.

³⁸² ГАНО Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 68. Л. 3.

³⁸³ ГАНО Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 150. Л. 1.

³⁸⁴ ГАНО Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 464. Л. 62.

Отдельно стоит отметить, что ежегодно реальный прием был несколько выше чем план приема, за исключением 1967 г., за счет недобора на специальность математики, что повторилось и в следующем 1968 г., но «выравнивание» плана произошло благодаря добору на более узкие математические специальности, такие как инженерная математика (механика) и математика в экономических расчетах (экономическая кибернетика). Средний конкурс в 1959 г. и в 1968 г. составлял 4 человека на место. Экзамен по математике (устный и письменный) проводился на всех факультетах исключая гуманитарный³⁸⁵.

Что касается выбывания студентов из университета, картина была следующей. К тому моменту как окончательно сформировалась первая устойчивая структура НГУ (на 1963/1964 г.) в отчете в Минвуз указано, что на очном отделении НГУ обучалось 1695 студентов, за учебный год выбыло 273 (16%), в том числе по неуспеваемости 135 (8%). По факультетам: ММФ – всего студентов 497, выбыло 109 (22 %), из них по неуспеваемости 47 (10%); ФФ – всего студентов 538, выбыло 80 (15%), из них по неуспеваемости 37 (7%); ФЕН – всего студентов 340, выбыло 49 (14%), из них по неуспеваемости 9 (2%); ГФ– всего студентов 202, выбыло 10 (5%), из них по неуспеваемости 5 (2,5%); ГГФ – всего студентов 118, выбыло 10 (8%), из них по неуспеваемости 5 (4%)³⁸⁶.

Выбывшие студенты не по «неуспеваемости» преимущественно указывали причину «по семейным обстоятельствам», однако первые годы в НГУ существовала серьезная проблема с выплатами стипендий, что дополнялось тяжелыми условиями быта в только строящемся Академгородке и слабо развитой инфраструктурой. И. Н. Векуа не раз обращался в Министерство с запросом о повышении стипендиальной выплаты. В служебной записке к министру Высшего образования В. Н. Столетову ректор описал положение дел на физическом факультете, сложившееся в 1961 г. «Настоящим ставлю Вас в известность, что ряд

³⁸⁵ ГАНО Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 469. Л. 7.

³⁸⁶ ГАНО Ф. Р-1848. Оп. 4. Д. 110. Л. 11.

студентов физической специальности Новосибирского государственного университета подали и подают заявления о переводе в Томский государственный университет на радио-физический факультет. Во время беседы со студентами выяснилось, что единственным серьезным мотивом для этого послужило то обстоятельство, что в Томском университете на указанном факультете размер стипендии примерно в два раза больше, чем у нас.... Мы принимали все меры, чтобы удержать наиболее способных студентов, но к сожалению, не имели успеха»³⁸⁷. Далее упоминается о предшествующем неудовлетворенном прошении о повышении стипендий: «Исключение, которое сделано в отношении Новосибирского университета в смысле отказа удовлетворить его просьбу о повышении стипендии, является ничем не оправданным... Положение, в котором он оказался в настоящее время, резко снижает эти возможности, ставя его в явно невыгодные условия при отборе необходимого контингента студентов»³⁸⁸.

В следующие годы отчетность в профильное министерство несколько изменилась и статистика отчисления студентов стала перечисляться не по факультетам, а по годам обучения и более подробно рассматривались причины «выбывания» студентов. Так, в 1964/1965 г. указывалось всего 2404 студента на дневном отделении, выбыло – 223 (9%), по неуспеваемости – 77 (3%), по семейным обстоятельствам и собственному желанию – 87 (3%), переведено в другие учебные заведения – 50 (2%). На первом курсе обучалось 827 студентов, выбыло – 101 (12%), по неуспеваемости – 38 (5%), по семейным обстоятельствам и собственному желанию – 36 (4%), переведено в другие учебные заведения – 22 (3%). На втором курсе обучалось 640 студентов, выбыло – 67 (10%), по неуспеваемости – 19 (3%), по семейным обстоятельствам и собственному желанию – 23 (4%), переведено в другие учебные заведения – 16 (2%). На третьем курсе обучалось 370 студентов, выбыло – 38 (10%), по неуспеваемости – 7 (2%), по семейным обстоятельствам и собственному желанию – 20 (5%), переведено в

³⁸⁷ ГАНО Ф. Р-1848. Оп.1. Д. 51 Л. 21.

³⁸⁸ ГАНО Ф. Р-1848. Оп.1. Д. 51 Л. 22.

другие учебные заведения – 11 (3%). На четвертом курсе обучалось 241 студент, выбыло – 15 (6%), по неуспеваемости – 8 (3%), по семейным обстоятельствам и собственному желанию – 6 (2%), переведено в другие учебные заведения – 1 (0,4%). На пятом курсе обучалось 183 студента, выбыло – 2 (1%), нет выбывших по неуспеваемости, по семейным обстоятельствам и собственному желанию – 2 (1%), нет переведенных в другие учебные заведения³⁸⁹. Картина успеваемости студентов более общих чертах освещалась в отчетах о работе партийного бюро НГУ в разделе «учебной и научной работы университета»³⁹⁰.

В отчетах экзаменационной комиссии летней сессии 1963 г. ФЕН отчетливо просматривается проблематичность математизации биологических направлений. На первом курсе среди явившихся на экзамен по высшей математике 70 студентов получили оценку «5» – 5 человек, оценку «2» – 15. На втором курсе – из 66 студентов, оценку «5» – 4 человека, оценку «2» – 4. На третьем из 42 студентов, оценку «5» получили 6 человек, «2» – 4. Беспрецедентное количество «двоек» получили студенты ФЕН третьего курса на экзамене по физической химии, который принимал Д. Г. Кнорре. Из 42 студентов с оценкой «2» ушли 20 человек. Для сравнения, на экзамене по органической химии также третьего курса, который принимал В. П. Мамаев, из 38 пришедших на экзамен, с оценкой «2» ушли 8 человек. Общий результат по студенческой неуспеваемости по факультету в летнюю сессию 1963 г. следующий: из 615 человек количество двоечников – 75 (12,2%), после пересдач – 46 (7,3 %) ³⁹¹.

В черновике выступления на УС НГУ 1966 г. декана ГФ В. А. Аврорина сохранились следующие цифры. Всего на 1965 г. на ГФ обучалось 392 студента, по курсам: 1 – 109, 2 – 109, 3 – 105, 4 – 69. По специальностям: «экономисты» – 176, «историки» – 107, «языковеды» – 76, «матлингвисты» – 33. «Успеваемость в общем особенной тревоги не вызывает. У матлингв. – 100%, у ист. и языков. – 89,7 %, у эконом. 89,3. Но если иметь в виду качество успеваемости, то ею мы не

³⁸⁹ ГАНО Ф. Р-1848. Оп.1. Д. 150. Л. 6.

³⁹⁰ ГАНО Ф. П-269. Оп. 6. Д. 1450. Л. 102-107; Д. 1451. Л. 15-19; Д. 1452. Л. 15-19, Л. 34-43; Д. 1458. Л. 87-89.

³⁹¹ ГАНО Ф. Р-1848, Оп.1. Д. 71. Л. 27.

вполне удовлетворены. Слишком много троек, поэтому средний балл равен 3,5. Нас особо беспокоит 3 курс. Если на 1 и 4 курсах отличников 21 %, на 2 – 15 %, то на 3 – 2,8 % /.../ количество двоечников велико – 37 чел. (18 экон., 11 ист. и 8 языков.), всего 9,4 %. Низкая успеваемость прежде всего по математическим дисциплинам, особенно у языковедов и историков. Удивили двойки по научному коммунизму и политэкономике. Отчислено за 1965 г. 41 чел., из них по неуспеваемости 32»³⁹².

Государственная экзаменационная комиссия (ГЭК) НГУ начала свою работу в 1963 г. Первый выпуск, т.н. «особый», состоял из студентов, которые ежегодно переводились на старшие курсы НГУ из других вузов. Практика добора студентов проводилась с 1959 г. с целью повысить общую численность студентов. Среди студентов «особого» выпуска были те, кто, доучившись до третьего, четвертого, пятого курса, переводились из МФТИ, Московского энергетического вуза, Ленинградского политехнического вуза им. М. И. Калинина, Томского государственного, Ташкентского государственного университетов и Новосибирского НЭТИ и др. Также в его составе оказались и те, кто окончил полный курс обучения в своих первых вузах, но защищал дипломные работы уже в Новосибирске. Так трое студентов Ленинградского университета, преддипломная практика которых проходила в ИЯФ СО АН СССР, с разрешения руководства своего вуза были переведены в Новосибирский университет с последующей защитой дипломов³⁹³. Первый выпуск специалистов активно освещался в новосибирских СМИ: «Вчера один из самых молодых вузов страны – НГУ – прощался со своими питомцами. Правда, они не поступали на первый курс – обладатели дипломов с первыми номерами в свое время перевелись сюда из других институтов страны»³⁹⁴ – опубликовала заметку газета «За науку в Сибири». Западно-Сибирская киностудия осветила это событие в киножурнале

³⁹² ГАНО Ф. Р-1848. Оп.1. Д. 237. Л. 86.

³⁹³ Новосибирский государственный университет: создание, становление, развитие (1959–2019) / Н. Н. Аблажей, С. А. Красильников, Е. Г. Водичев. Новосибирск, 2019. С. 45.

³⁹⁴ Вчера в Новосибирском государственном университете вручены первые дипломы // За науку в Сибири, 1963.

«Сибирь на экране»: «И вот первый выпуск. Ректор университета академик Векуа напутствует своих питомцев. Их 60 – физиков и математиков. 10 получают дипломы с отличием, 40 – защитили на отлично. Многих выпускников уже считают учеными. Среди них физики Фридман и Галеев»³⁹⁵.

В соответствии с «физтеховским» курсом первых лет становления университета, первые выпускники были специализированы следующим образом: по математике – 24 человека, по механике – 10, по физике – 26; всего 60 человек. Все дипломные работы выполнены студентами в отделах и лабораториях институтов СО АН СССР: математики – 22 человека, гидродинамики – 13, ядерной физики и теоретической и прикладной механики – по 7, теплофизики, химической кинетики и горения – по 4, радиофизики и электроники – 3³⁹⁶. Принцип работы на базе НИИ СО АН неоднократно освещался в местных СМИ за авторством ведущих руководителей вуза, так в 1963 г. проректор Р. И. Солоухин в газете «За науку в Сибири» опубликовал следующую заметку, показывающую связь СО АН – НГУ: «В первом семестре этого учебного года в 14 институтах СО АН СССР проходило практику более двухсот студентов 4 и 5 курсов. Наиболее многочисленные группы студентов приняли институты математики (53 чел.), ядерной физики (26 чел.), и геологии (24 чел.). Хорошо подготовились к проведению практики институты органической химии, теплофизики и др.»³⁹⁷

Далее картина выпуска студентов в некоторой мере обуславливается приемом студентов и разворачивается, опираясь на дальнейшую стратегию НГУ, направленную на органичный переход к классической системе высшего образования. На 1966/1967 учебный год дипломные работы защитило 400 человек. На геологических специальностях – 26, по специальности математическая лингвистика – 26, экономическая кибернетика – 15, история – 24, химия и биология – 96, математика и механика – 100, физика – 113. На 1967/1968

³⁹⁵ Киножурнал «Сибирь на Экране». 1964. № 2. [Электронный ресурс] URL: <https://www.youtube.com/watch?v=pboA9aQXWg4> (дата обращения: 07.04.2023).

³⁹⁶ ГАНО Ф. Р-1848. Оп.1. Д. 101. Л. 1-3.

³⁹⁷ Солоухин Р. И. О студенческой практике // За науку в Сибири. 1963 г. № 4. С. 2.

учебный год дипломные работы защитило 576 человек. На геологических специальностях – 44, по специальности математическая лингвистика – 24, экономическая кибернетика – 58, история – 29, химия и биология – 85, математика и механика – 143, физика – 193³⁹⁸. Общая динамика выпуска студентов показана в приложении 4, диаграмма 4.

Необходимо дополнить, с первого выпуска было налажено тесное взаимодействие с СО АН, и все дипломные работы выполнялись как части плановых работ и исследований соответствующих подразделений или институтов. Таким образом, было соблюдено одно из важных принципов обучения в НГУ – опора на науку СО АН.

Показательным результатом успешности вуза в первую очередь является востребованность его выпускников; места их распределения раскрывают картину вузовской стратегии. Для НГУ путь к распределению молодых специалистов был сопряжен с рядом трудностей, в первую очередь связанных с необходимостью координировать распределение с МВ и ССО РСФСР. Изначальный курс на полную ориентацию на СО АН претерпел некоторые поправки, география и квалификации молодых специалистов были расширены. Такая тенденция получила позитивное значение для университета поскольку расширила его границы, подтверждая случившийся переход от «системы физтеха» к классическому вузу.

Первое распределение выпускников НГУ прошло в 1963 г., состояло из «особого» курса и выглядело следующим образом: Академия наук СССР – 25 человек; Государственный Геологический комитет – 1; МВ и ССО Казахской ССР – 11; Министерство геологии и охраны Казахской ССР – 1; Министерство просвещения Казахской ССР – 1; Министерство здравоохранения РСФСР – 1, МВ и ССО РСФСР – 6, из них 2 для НГУ; всего – 57³⁹⁹. Специфика первого выпуска состояла в том, что студенты, переводившиеся в НГУ на старшие курсы, имели

³⁹⁸ ГАНО Ф. Р-1848. Оп.1. Д. 451. Л. 6.

³⁹⁹ ГАНО Ф. Р- 1848. Оп. 1. Д. 106. Л. 9.

понимание о дальнейшей карьере, и для них предполагалось целевое назначение от руководства вуза, согласно политике НГУ в первую очередь – координация с СО АН.

Согласно плану по подготовке сотрудников для СО АН лучшие выпускники были отобраны для продолжения работы в институтах Академгородка (38 %). Стажерами-исследователями направлены В. Е. Захаров и А. А. Галеев в институт ядерной физики; В. К. Глазунов – в институт радиофизики и электроники; Ф. Баимбетов, В. Б. Башлеев, С. С. Кацнельсон, И. А. Комарова, А. Ф. Курбатский, А. Н. Черепанов – в институт теоретической и прикладной механики; Б. В. Бошенятов – в институт гидродинамики; В. Н. Икорский, Б. В. Перепелица – в институт теплофизики; В. Р. Портнов, А. В. Финьковская, М. М. Доцанова, В. А. Евстигнеев, Б. Н. Чистяков, Ю. Л. Ершов, Е. А. Катиков – в институт математики. Е. В. Мамонтов, Ю. И. Капранов, К. Л. Комаров, В. Н. Штерн направлены в институт гидродинамики для сдачи экзаменов в аспирантуру⁴⁰⁰. Среди выпускников «особого» курса, выбравших своей стезей науку, академиками АН СССР стали физики А. А. Галеев, В. Е. Захаров и А. М. Фридман, математик Ю. Л. Ершов.

Принципиально важным для дальнейшего существования НГУ стала возможность пополнения кадров за счет молодых выпускников. Из «особого» курса» 10 человек (17 %) осталось преподавать в университете: в качестве совместителей, сочетая с основной работой в институтах СО АН – математики Ю. Э. Аниконов, В. А. Евстигнеев, Ю. Л. Ершов, В. Р. Портнов, А. Ф. Курбацкий, физики А. А. Галеев, В. Е. Захаров, Е. В. Мамонтов, В. Н. Штерн; В. К. Бергер – стал штатным сотрудником НГУ. Итак, в 1963 г. в рамках первенствующей «система физтеха» в НГУ первые студенты окончили обучение в физико-математическом направлении и частью заполнили трудовые места в вузе и институтах СО АН.

⁴⁰⁰ ГАНО Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 106. Л. 12-14.

С другой стороны, МВ и ССО требовало расширить границы распределений выпускников, в НГУ были поданы заявки от Казахского государственного университета, вечернего политехнического института г. Комсомольск-на-Амуре, Павлодарского пединститута, Целиноградского автодорожного техникума, Госкомитета по радиоэлектронике, Новосибирского электротехнического института, Новосибирского института инженеров железнодорожного транспорта, Новосибирского инженерно-строительного института и др.⁴⁰¹ В картине представленных заявок выявилось дальнейшее расширение направлений подготовки специалистов. В первую очередь стала очевидной лакуна в подготовке преподавательских кадров, и в 1964 г. была открыта кафедра педагогики НГУ. Все выпускники целевым направлением распределялись по восточной части СССР, существенную часть выпускников (22 %) принимала Казахская ССР⁴⁰².

В дальнейшем руководство НГУ ежегодно отстаивало перед МВ и ССО принцип превалирующего распределения выпускников по научным центрам СО АН. Количество мест, которое давало МВ и ССО для работы в СО АН было значительно меньше количества удовлетворенных заявок, план распределения нарушался, так в 1966 г. по распределению Министерства НГУ должен был направить в институты СО АН СССР 57 выпускников, а направил 121⁴⁰³. Сибирское отделение наук первые годы своей работы остро нуждаясь в кадрах, пополнялось специалистами из центральных вузов СССР. Выступая на заседании Ученого Совета от 26.09. 1966 г. НГУ А. Г. Аганбегян отметил «Если разделить численность выпускников НГУ на число научных сотрудников, которые пришли в СО, то получится 2 %, в то время как штат научных сотрудников увеличился на 10 %. Следовательно, остальные 8 % комплектуются за счет других вузов: привлекаются из Одессы, Ленинграда, Москвы и т.д.»⁴⁰⁴. Количество выпускников НГУ, распределенных в СО АН, было крайне недостаточным, чтобы

⁴⁰¹ ГАНО Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 106. Л. 15-20.

⁴⁰² ГАНО Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 106. Л. 9.

⁴⁰³ ГАНО Ф. Р-1848. Оп.1. Д. 237. Л. 2.

⁴⁰⁴ Там же.

удовлетворить его потребности, следовательно, он расширялся за счет выпускников других вузов. Руководители НГУ, желая «приучить Министерство, что институты СО комплектуются выпускниками НГУ»⁴⁰⁵, вызывали недовольство МВ и ССО, поскольку не были удовлетворены заявки других организаций.

В целом в 1966 г. распределению подлежало 232 человека, фактически было распределено 231. Из них получили назначение по распределению в промышленность, транспорт, строительство – 40; в СКБ, НИИ, в лаборатории и др. научно-исследовательские учреждения – 121; в сельское хозяйство -1; в органы народного образования – 11; из числа получивших назначение оставлены в НГУ – 20, в прочие отрасли и сферы управления – 26, предоставлена возможность самостоятельно устраиваться на работу – 14. В виду того, что ряд Министерств и Госкомитетов отказались от мест распределения, не прислали места на распределение, не сообщили условия распределения, отказали в жилье (не выполнили условия распределения), по сложившимся семейным обстоятельствам, Сибирским отделением было отобрано сверх университетского плана – 64, свободные дипломы – 14, в другие организации – 13⁴⁰⁶. Для изменения места распределения выпускника от него требовалось личное заявление с указанием причины. Если у молодого специалиста была гласная договоренность с научным руководителем о приеме на работу в СО АН, это достигалось достаточно простым, формальным способом. В силу очевидного количественного крена в отказе от мест назначений в пользу СО АН, Министерство образования требовало объяснительных записок от руководства университета.

1967 г. стал переломным в распределении молодых специалистов НГУ, во-первых, резкий рост количества выпускников, во-вторых, уменьшение в процентном соотношении назначений в СО АН в пользу других вузов, также в 1967 г. в списке распределений для НГУ появился пункт СОШ. Так, до 1967 г.

⁴⁰⁵ ГАНО Ф. Р-1848. Оп.1. Д. 237. Л. 5.

⁴⁰⁶ ГАНО Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 314. Л. 3-4.

около 57 % выпускников поступало на работу в СО АН, с 1967 – около 46 %. Этот показатель важен для общей картины, показывающей некоторый отход от первоначального курса на «систему физтеха» к классической системе высшего образования, готовящей разносторонних преподавателей, передающих знания не только на базе НИИ и лабораторий, но и традиционными методами. Общая динамика распределения молодых специалистов показана в приложении 4, диаграмма 5; по СО АН – в приложении 4, диаграмма 6.

Аспирантура в НГУ начала свою работу в 1960 г.⁴⁰⁷; «В то время училось четыре человека. Через год их стало 12, а нынче – 43 аспиранта»⁴⁰⁸ – была опубликована первая заметка о работе аспирантуры в НГУ в 1962 г. в газете «За науку в Сибири». 1963 г. стал точкой роста аспирантуры: с одной стороны, первые 4 выпускника аспирантуры НГУ остались ассистировать на кафедрах органической химии, аналитической химии и философии⁴⁰⁹, что показало положительную тенденцию избранной стратегии по самообеспечению кадров; с другой - был сделан первый крупный набор – 54 выпускника различных Сибирских вузов из них – 18 в целевую аспирантуру. Разделение по факультетам общей численности аспирантов НГУ – 64 человека, выглядело следующим образом – ММФ – 13, ФФ – 10, ФЕН – 6, ГГФ – 3, ГФ – 18, на общеуниверситетских кафедрах – 14⁴¹⁰. В последующие годы наметился некоторый спад в цифрах приема, низшей точкой стал 1965 г. – 31 аспирантов было принято на очное обучение, затем цифры приема вернулись к 50-60 человек в год и стабилизировались. Количественное преимущество в общей численности аспирантов к 1968 г. устоялось за физическим и математическим факультетом (по 50 человек), затем факультетом естественных наук (39), гуманитарном (18),

⁴⁰⁷ ГАНО Ф. Р-1848. Оп.1. Д. 551. Л. 5.

⁴⁰⁸ Университет готовит аспирантов // За науку в Сибири. 1964.

⁴⁰⁹ ГАНО Ф. Р-1848. Оп.1. Д. 107. Л. 10.

⁴¹⁰ ГАНО Ф. Р-1848. Оп.1. Д. 107. Л. 16.

экономическом (9), геолого-геофизическом (3), общеуниверситетским кафедрам (25)⁴¹¹.

Начиная с 1967 г. появилась практика подбора из выпускников НГУ кандидатов в целевую аспирантуру для вузов, которые не имели возможности посылать своих кандидатов на выделенные им места. Так в 1967 г. для нее было подобрано 27 выпускников, в 1968 г. – 21, 1969 г. – 24. Для вузов Новосибирска в аспирантуре на 1969 г. обучалось 43 «целевика», в том числе для НЭТИ – 27, Инженерно-строительного института – 6, институтов Электротехнического, Сельскохозяйственного, Народного хозяйства – по 1, Педагогического – 2, НГУ – 3, для Сибирского отделения – 25 человек. Для других городов целевым назначением обучалось 47 человек (для вузов Красноярска, Барнаула, Новокузнецка, Иркутска, Улан-Удэ и др.). В период с 1965 по 1969 г. на преподавательскую работу поступило 74 выпускника аспирантуры НГУ (50%)⁴¹². Благодаря целевой аспирантуре в НГУ была освоена важная функция классического университета – предоставление преподавательских кадров для высших учебных заведений.

Таким образом, совокупность мер, направленных на совершенствование главных организационных форм образовательного процесса НГУ обусловила высокий уровень работы вуза как центра научно-исследовательской работы. В поле зрения организаторов НГУ находились все главнейшие направления физико-математических, биологических, геологических и гуманитарных наук. Спустя определенный срок была преодолена первоначальная технократическая стратегия в построении учебного процесса, и университет приобрел некоторые черты классического вуза. Сформировавшаяся институциональная основа университета «нового типа» нашла выражение в гумбольдтовской модели: «академическая свобода при одновременной ответственности перед потребностями государства и общества; объединение задач образования с заботами науки, не связанной

⁴¹¹ ГАНО Ф. Р-1848. Оп.1. Д. 551. Л. 5.

⁴¹² ГАНО Ф. Р-1848. Оп.1. Д. 551. Л. 6-7.

какими-либо определенными целями»⁴¹³. Несмотря на то, что официальное закрепление связи НГУ и СО АН произошло только в 1979 г.⁴¹⁴, совместное использование материально-технической базы, общий человеческий ресурс, единые научные цели объединяли НГУ и СО АН и позволяли органично взаимодействовать как институционально, так и в неофициальном порядке.

3.2. Социокультурные инициативы в университетской среде

Рост студенческой активности преимущественно на востоке СССР в 1960-е гг. был вызван общими социально-политическими и демографическими тенденциями. Во-первых, смещение траектории внимания на Сибирские и Дальневосточные регионы с целью мобилизационного развития промышленности сформировало агитационную программу, в рамках которой молодой человек, переехавший за Урал ощущал себя первопроходцем, полпредом исторической миссии. Во-вторых, молодыми активистами здесь ощущалась определенная свобода от бюрократизма, национализма и других «политических язв», отчетливо проявленных в центральной России. В-третьих, степень концентрации студенчества заметно возросла с открытием новых и расширением уже существующих вузов в условиях естественного прироста населения в указанный период после военной демографической ямы.

Среди вузов-лидеров за Уралом в области развития общественно-политической мысли молодежи следует указать Томский, Новосибирский университеты, Свердловский педагогический институт⁴¹⁵. В силу своей молодости Новосибирский вуз стоит некоторым особняком от двух других, обладавших выработанной традицией студенческих инициатив. Тем заметнее нетрадиционные формы зарождения и развития самодеятельности в его стенах. Основными направлениями студенческих инициатив, сложившихся в 1960-х годах в НГУ

⁴¹³ Шнедельбах Г. Университет Гумбольдта // Логос: Журнал по философии и прагматике культуры. № 5-6 (35). 2002. С. 68.

⁴¹⁴ Новосибирский государственный университет: создание, становление, развитие (1959–2019) / Н. Н. Аблажей, С. А. Красильников, Е. Г. Водичев. Новосибирск, 2019. С. 210-211.

⁴¹⁵ Борзенков А. Г. Молодёжь и политика: возможности и пределы студенческой самодеятельности на востоке России, 1961-1991 гг.: Ч. 1. Новосибирск, 2003. С. 41.

стали строительные отряды, маевка, стенная печать, карнавал, клубы по интересам.

Студенческие внеучебные традиции НГУ опирались на общие тенденции в СССР в начале 1960-х гг., в развитии молодежных и студенческих движений – нравственный и интеллектуальный поиск, свобода и демократичность в самовыражении, оптимизм и активность в реализации своих идей, однако имели и свои специфические самобытные черты, рожденные нестандартными условиями жизни и учебы. Общесоветский дух «оттепели», как и в известной мере суверенитет Академгородка, открывал студентам возможность для самого разнообразного творчества. Здесь студенческая атмосфера складывалась в условиях материально-бытовых сложностей, только формирующейся социальной инфраструктуры молодого вуза, представлявших профессиональных перспектив в «Большой науке». На фоне компактности проживания, определенной отдаленности от прямого политико–идеологического контроля областного центра первостепенную роль в зарождении студенческих внеучебных инициатив НГУ играли установки создателей университета на развитие свободного исследовательского мышления и самостоятельности, самоуправления студентов. Молодежи прививали чувство самостоятельности, поскольку уже со второго – третьего курсов они распределялись по лабораториям институтов и ощущали себя тесно связанными с их научной проблематикой. Новая образовательная методологическая основа «где сомкнулись, и университетская и академическая системы»⁴¹⁶ вызывала ряд тревог у организаторов, однако студентами была романтизирована.

Студенты первых наборов с энтузиазмом относились к возможностям обучения в новом и необычном для советской системы вузе, несмотря на сложности нестандартной образовательной программы. В своих воспоминаниях выпускник ММФ В. А. Евстигнеев писал: «Уровень преподавания был

⁴¹⁶ Корочкин Л. И. Годы в Новосибирском университете // Наука Академгородок Университет. Воспоминания. Очерки. Интервью. В.1. Новосибирск, 1999. С. 307.

неожиданно высок; стиль преподавания – соблазнитель, но абсолютно непривычен»⁴¹⁷. Новые принципы в обучении, подробно изложенные ранее (параграф 1:2), мотивировали молодежь к поиску творческой самореализации, служа примером того, как глобальная, но оригинальная идея реализуется усилиями лидеров науки. Своим нестандартным подходом к образовательному процессу преподаватели призывали молодежь к поиску новых форм самовыражения.

Пассионарность профессорско-преподавательского состава стала импульсом для активности студентов и послужила базовым условием для их творческой самореализации. Первые преподаватели увлекали не только научными идеями, но развивали творческий подход и самостоятельность. Принципы подготовки специалистов для науки зародили традицию демократичности в отношениях между преподавателями различного ранга и студентами. «Здесь не было свойственного большинству вузов, в особенности, провинциальных, чинопочитания – к академику обращались как с обыкновенному смертному. Студентам с самого первого курса прививалось чувство собственного достоинства»⁴¹⁸. В совокупности это привело к высокому уровню самоорганизации, свободной атмосфере и к большей сплоченности профессорского состава и студенчества: «Особенно приятно вспомнить единство, в котором жили первые студенты и преподаватели, например, встречу Нового, 1960 года – все сидели за одним столом, хором пели новогодние песни»⁴¹⁹. Становлению мировоззрения студентов способствовал и тот факт, что среди преподавателей было определенное число неортодоксально мыслящих как в науке, так и в социальной жизни личностей. Среди них были Н. Н. Покровский, Ю. Б. Румер, Н. А. Желтухин, В. М. Шульман, Т. Г. Голенпольский, прошедшие сталинские лагеря и ссылки. Свобода в формировании университетских кадров

⁴¹⁷ Евстигнеев В. А. Комсомол НГУ. Первые шаги // Университетская жизнь. 1984 № 26-27. С. 6.

⁴¹⁸ Корочкин Л. И. Годы в Новосибирском университете // Наука Академгородок Университет. Воспоминания. Очерки. Интервью. В. 1. Новосибирск, 1999. С. 308.

⁴¹⁹ Евстигнеев В. А. Комсомол НГУ. Первые шаги // Университетская жизнь 1984 № 26-27. С. 6.

открыла возможность для репрессированных, неблагонадежных, либо имеющих протестные настроения профессоров воспитать поколения своих учеников, а студентам в неформальной обстановке познакомиться не только с профессиональными взглядами, но и личными убеждениями лидеров науки. Факт прошлого негативного взаимодействия с советскими властями не был краеугольным камнем интереса студентов к ним, главным привлекательным критерием были научные взгляды, демократичность, харизма в ведении лекций. Большой популярностью среди молодежи пользовались «отцы-основатели» Сибирского отделения и университета: М. А. Лаврентьев, Б. О. Солоноуц, С. Л. Соболев, С. Т. Беляев и многие другие выше названные имена. Благодаря их усилиям по привлечению интеллигенции, в Академгородке был сформирован т.н. научный этос⁴²⁰, в который были вовлечены студенты, принимавшие участие как в научной, так и в культурной жизни, посещавшие выставки, творческие вечера, открытые лекции, уличные развлечения.

Анализируя условия зарождения традиций в НГУ, следует обратить внимание и на специфику организации быта и материальной базы. Дефицит учебного материала, проблемы с питанием, помещениями, транспортом сопровождали учебный процесс первые несколько лет. Первая трудность заключалась в том, что строительство здания университета затянулось на три года и было сдано в эксплуатацию только в 1962 г. Тем временем занятия проходили в здании школы № 130, где первые студенты сами готовили помещения для лекций, мыли полы, расставляли мебель⁴²¹. На собрании Местного Комитета 1962 г. были обрисованы условия жизни студентов как тяжелые: «нет кипяченой воды, нет буфета», для уборки помещений не было ни тряпок, ни теплой воды⁴²². Однако, благодаря непрерывным усилиям ректорской команды, очевиден стабильный

⁴²⁰ Водичев Е. Г., Куперштох Н. А. Формирование этоса научного сообщества и его эволюция в 1960-е гг. (на примере Новосибирского научного центра) // Духовная культура народов Сибири: традиции и новации: Сб. науч. тр. Новосибирск, 2001. С. 41.

⁴²¹ Лавренова Л. Г. Так начинался университет // Наука Академгородок Университет. Воспоминания. Очерки. Интервью. В.1. Новосибирск, 1999. С. 367.

⁴²² Архив НГУ Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 70. Л. 7.

прогресс в комфорте жизни студентов – в следующем, 1963 г. были достроены первые два общежития. В 1965 г. вместимость трех функционирующих общежитий НГУ составляла 2706 мест, в то время как численность студентов составляла 2866 человек, практически все студенты могли рассчитывать на то, чтобы жить в кампусе университета⁴²³. К 1968 г. строительство общежитий завершилось, достигнув числа 10. Аналогично ситуация складывалась и с библиотекой: еще до начала первых занятий референт СО АН был откомандирован в Ленинград, а затем и в Москву для отбора учебных пособий для университета⁴²⁴. Процесс формирования учебного материала шел неравномерно, в зависимости от специальности, например, на математической были «хорошие учебники», на физической – учебников не было, поскольку предложенный учебник Фриша и Тимофеевой, по которому учились все остальные университеты, подвергался преподавателями НГУ жесткой критике, и «по нему учиться не разрешали»⁴²⁵. Особое положение сложилось для гуманитарного факультета. В. А. Аврорин в черновике, подготовленном для выступления на заседании Ученого Совета 1966 г. указал на острую проблему отношения библиотекарей к литературе: «По просьбе факультета некоторые вузы (МГУ, ЛГУ, ИркГУ) выделили немало нужных книг. Но в руки студентов и преподавателей они не попали. Лежат в подвалах неразобранными и не обработанными. Пробовали помогать – безрезультатно. Сдают в макулатуру ценные серийные издания, отказываются от дубликатов, предлагаемых бесплатно другими библиотеками, не берут, отобранные в магазинах книги. Много книг исчезло»⁴²⁶.

Кроме того университет буквально с первых дней был включен в процедуру наднормативного труда в рамках мобилизационной программы Советского

⁴²³ Новосибирский государственный университет: создание, становление, развитие (1959–2019) / Н. Н. Аблажей, С. А. Красильников, Е. Г. Водичев. Новосибирск, 2019. С. 66.

⁴²⁴ Архив НГУ Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 3. Л. 16.

⁴²⁵ Лавренова Л. Г. Так начинался университет // Наука Академгородок Университет. Воспоминания. Очерки. Интервью. В.1. Новосибирск, 1999. С. 368.

⁴²⁶ ГАНО Ф. Р-1848. Оп.1. Д. 237. Л. 88.

Союза. Регулярные мероприятия идеологического характера сопровождали социальную жизнь сотрудников и студентов НГУ, как и всего советского общества. Исключений для вуза нового типа в данном вопросе сделано не было. Первые студенты, только поступив в университет, до официального его открытия 26.09.1959 г. и до заселения в общежитие, были направлены на сбор урожая в Коченевский район⁴²⁷. Л. Г. Лавренова, выпускница, а затем профессор ФЕН НГУ, вспоминала: «Часть новоиспеченных студентов уехали в колхоз, а остальные жили в пионерском лагере поселка им. Кирова, в палатках. Мы готовили университет к занятиям – мыли окна, полы, мальчики расставляли мебель»⁴²⁸. В. А. Евстигнеев, выпускник, затем профессор ММФ, назначенный в 1959 г. секретарем ВЛКСМ НГУ, вспоминал о своих первых задачах: «Райком ВЛКСМ «вешал» на нас огромную разнарядку по сбору металлолома. Лом, может быть, и был действительно кому-то нужен, но откуда мы могли раздобыть его такие количества в только начавшем строиться Академгородке? Сданы целиком были только наше здание, Институт гидродинамики и несколько домов – все остальное стояло в лесах. Не со строек же тащить этот металлолом!»⁴²⁹.

Физический труд студентов использовался на регулярной основе на сборе урожая, на стройках Академгородка и прилежащих районов, для участия в уборке и озеленении на субботниках. Об этом свидетельствуют внутриуниверситетские приказы и отчеты, дополняемые многочисленными воспоминаниями участников. В традициях «коммунистического строительства» организация наднормативного труда была приурочена к громким мероприятиям. В частности, «Университетский комсомол провел субботник в фонд Всемирного форума молодежи в Москве. Субботник проходил на строительстве объектов комплекса ОбьГЭС...»⁴³⁰.

⁴²⁷ ГАНО Ф. Р-1848. Оп. 2. Д. 4. Л. 53.

⁴²⁸ Лавренова Л. Г. Так начинался университет // Наука Академгородок Университет. Воспоминания. Очерки. Интервью. Новосибирск, 1999. Вып.1. С. 367.

⁴²⁹ Евстигнеев В. А. Комсомол НГУ. Первые шаги // Наука Академгородок Университет. Воспоминания. Очерки. Интервью. Новосибирск, 1999. Вып.1. С. 389.

⁴³⁰ Там же.

Как правило на уборочные работы направлялись студенты первого курса, однако в виде исключения, в отдельные годы к ним присоединялись студенты старших курсов. Так, в решении руководства отделения от 30 августа 1963 г. «О направлении сотрудников учреждений СО АН СССР на заготовку картофеля и овощей для населения Научного городка»⁴³¹, подписанном председателем СО АН, академиком М. А. Лаврентьевым, присутствует пункт о направлении студентов и преподавателей НГУ на заготовку 170 тонн картофеля на основании решения исполкома Советского районного Совета депутатов трудящихся. Исполнение Решения сохранилось в воспоминаниях участников: «Осенью 1963 г., когда мы учились уже на пятом курсе, съездили в колхоз. В стране был неурожай, поэтому в колхоз отправляли всех. Наша группа провела несколько незабываемых недель в с. Чупино Маслянинского района, где мы работали «на картошке» и отдохнули»⁴³². Количество студентов, участвующих в сборе урожая было следующим на 1963 г.: поступило 607 студентов на дневное отделение⁴³³, отправлено в колхоз «Искитимский» Искитимского производственного управления 500 человек⁴³⁴; студенты 2,3,4, и 5 курсов в количестве 1100 человек работали в колхозах Черепановского производственного управления⁴³⁵, всего на момент 01.01.1964 г. на очном отделении обучалось 1688 студентов⁴³⁶. За исполнением обязательств по наднормативному труду последовала практика поощрения «За все это студенты заслужили положительные отзывы рабочих совхозов, колхозников, местных руководителей совхозов и колхозов, руководства производственных управлений и партийных комитетов. Подтверждением этого являются более 100 почетных грамот и похвальных листов врученных нашим студентам за отличную работу»⁴³⁷.

⁴³¹ ГАНО Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 89. Л. 73-74.

⁴³² Лавренова Л. Г. Так начинался университет // Наука Академгородок Университет. Воспоминания. Очерки. Интервью. Новосибирск, 1999. Вып.1. С. 370.

⁴³³ ГАНО Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 108. Л. 31.

⁴³⁴ ГАНО Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 89. Л. 92.

⁴³⁵ Там же.

⁴³⁶ ГАНО Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 110. Л. 8.

⁴³⁷ ГАНО Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 89. Л. 92.

Использование физического труда студенты воспринимали рутинным, обычным делом. «Собственно, понятие «общественная работа» трудно было вычленил тогда из студенческой жизни как таковой. Таким было время...»⁴³⁸. Однако ВЛКСМ НГУ настаивал на преимущественном использовании «интеллектуальной мощи» актива молодежи. «Мы считали, что главная работа «вовне» – это агитация за поступление в университет, работа с будущими абитуриентами»⁴³⁹. Позиционирование основателей нового университета как престижного центра интеллектуального мира способствовало формированию комсомольского самосознания как части этого мира и стремлению выразить себя через трансляцию идей прогрессивной научной мысли и принципов работы НГУ. И такой труд был предоставлен комсомолу в полной мере. «На начальном этапе существования Новосибирского научного центра сложилась уникальная ситуация, когда практически любая молодежная инициатива встречала самое положительное одобрение со стороны руководства Сибирского отделения»⁴⁴⁰. Политико-воспитательная работа проходила на общественных началах и по своей природе уже являлась наднормативным трудом. В едином плане политико-воспитательной работы НГУ на 1960/1961 учебный год⁴⁴¹ оказывались прописаны текущие и планируемые мероприятия. В него включалось политическое просвещение в рамках работы семинаров и кружков по изучению марксистско-ленинской теории. Проходили конференции на темы «Воспитание научного диалектико-материалистического мировоззрения у студентов в процессе преподавания естественно-научных дисциплин», «Борьба коммунистической партии за развитие производительных сил и науки в Сибири» и др.

Также план включал в себя работу лектория, где читались лекции по общественно-политической и научно-технической тематике, выступления ученых,

⁴³⁸ Штерн В. Н. Захватывало дух // Наука Академгородок Университет. Воспоминания. Очерки. Интервью. Новосибирск, 1999. Вып.1. С. 380.

⁴³⁹ Евстигнеев В. А. Комсомол НГУ. Первые шаги // Наука Академгородок Университет. Воспоминания. Очерки. Интервью. Новосибирск, 1999. Вып.1. С. 389.

⁴⁴⁰ Муренко Д. И. Особенности зарождения и развития Совета молодых ученых Новосибирского научного центра в 1960-х гг. // Интеллигенция и мир. 2020. № 2. С. 87-88.

⁴⁴¹ ГАНО Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 12. Л. 1-6.

старых революционеров, бригад коммунистического труда и т.д. Мероприятия лектория планировалось не реже 2 раз в месяц, ответственными назначались члены партбюро, преподаватели кафедры общественных наук. Художественная самодеятельность, воспитательная работа в общежитии, организация красного уголка для агитационной работы с населением, вечера вопросов и ответов, распространение в студенческих группах политической. Организация спортивно-оздоровительных лагерей и дружины по охране общественного порядка были подведомственны комсомольской организации НГУ.

Среди пунктов указаны и нормативные, оплачиваемые и вписанные в учебный план лекции по научному атеизму, основам марксистско-ленинской этике и др., «методический семинар по теории познания для профессорско-преподавательского состава раз в месяц вел доцент Н. П. Антонов. Семинар по основам марксизма-ленинизма для преподавателей и сотрудников университета раз в месяц читала В. В. Гущина. Кружок текущей политики для сотрудников университета вел ассистент Б. В. Федотов»⁴⁴².

Политико-воспитательные планы и относящиеся к ним отчеты выходили ежегодно и содержали типовую, структурно схожую информацию. Часть наднормативной интеллектуальной работы прописывалась и в отчетах приемной комиссии⁴⁴³, как мероприятия по организации новых наборов студентов. Они включали в себя в том числе подготовку листовок из серии «Беседы о специальностях», лекции об университете по школам г. Новосибирска и Сибири студентами и преподавателями, снабжение материалами об университете студентов, уезжающих на каникулы для бесед в местных школах.

Бытовые проблемы, совместный труд в рамках «соцобязательств» и по благоустройству жизни первых лет отчасти способствовали сплочению и оптимистическим настроениям коллектива: студенты непосредственно участвовали в реализации совершенно нового проекта «вуза нового типа»,

⁴⁴² ГАНО Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 12. Л. 1-6.

⁴⁴³ ГАНО Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 108. Л. 27-28.

наблюдали за тем, как растет и расширяется кампус университета, что создавало «незабываемую атмосферу тех лет, какое-то общее единение и доверие»⁴⁴⁴. Условия быта не только не препятствовали студенческим инициативам по организации своего внеучебного времени, они, напротив, стимулировали поиск форм самовыражения «все, что могло произойти на двух этажах общежития и двух этажах школы... что могло произойти интересного и смешного мы были в силах сами узнать. Ибо мы настраивались веселиться»⁴⁴⁵ вспоминала о 1959 г. одна из инициаторов создания первой стенгазеты НГУ Т. Янушевич.

Немаловажным условием для формирования в стенах нового университета присущих студенчеству традиций стала отдаленность нового научного сообщества от политического центра страны, что дало Академгородку определенную долю свободы и самостоятельности: «зона, созданная исключительно для прорывных научных исследований, оказалась зоной, свободной от идеологического контроля, где советская власть на время ослабила свою хватку»⁴⁴⁶. Влияние комитета ВЛКСМ и других партийных структур на жизнь студенчества в первые годы было относительно «мягким». Комитет перенимал инициативу у студенческих объединений только после их полного оформления и превращения в масштабную организацию. Поэтому параллельно с подконтрольными, существовали и достаточно свободные от жесткого надзора студенческие объединения.

О терпимом отношении к «вольнодумству» или «свободомыслию» в стенах университета сохранились воспоминания тех, кто работал и преподавал в НГУ в 1960-е гг. Так, заведующей кафедрой физиологии НГУ Л.И. Корочкин вспоминал: «Секретарем парткома был историк В. А. Миндолин – коммунист из коммунистов... Он знал, что мне претит коммунистическая идеология и я симпатизирую диссидентам, но это не сказывалось на наших отношениях – к

⁴⁴⁴ Янушевич Т. А. Про «Щелчок» // Наука Академгородок Университет. Воспоминания. Очерки. Интервью. В.1. Новосибирск, 1999. С. 374

⁴⁴⁵ Там же.

⁴⁴⁶ Жежко-Браун И. НГУ: студенческое движение 1960-х // Современная американская революция. М., 2018. С. 253.

моим просьбам он относился внимательно и всегда старался помочь»⁴⁴⁷. Один из первых преподавателей гуманитарного факультета В. Л. Соскин отмечал, что студенты читали труды западных советологов, в которых оценки истории СССР были прямо противоположными существовавшим в Советском союзе, и смело выражали свои мысли на семинарах, «бывали большие споры, переходившие через край – по тем временам это казалось невозможным: признание СССР тоталитарной страной, отрицание ленинизма»⁴⁴⁸. На тенденции послабления идеологического контроля указывают и нюансы в формировании структуры университета: в 1960 г. кафедра истории КПСС была переименована в кафедру общественных наук, что давало ей некоторую свободу в маневрах преподавания обязательных в Советском союзе дисциплин⁴⁴⁹.

Следующим условием для зарождения ярких студенческих традиций стала разнородность социокультурных слоев, объединенных в стенах университета, взаимодействующих, обменивающихся опытом и взглядами, выразившими себя через опыт общения и проявления инициативы. Определяя социокультурный облик первых студентов Новосибирского университета, следует подчеркнуть его разнородную структуру, в которой, тем не менее выделялись две основных группы. Во-первых, рабочая молодежь, принимавшая участие в строительстве Академгородка. Характеризовалась она следующим образом: «почти у всех студентов НГУ рабочая закалка. В самый юный вуз страны пришла учиться молодежь с рабочим именем»; в трудовой книжке одного из студентов – В. Мамонтова записано: «работал грузчиком, плотником, горнорабочим, проходчиком»; «бригаду девушек знают. Это они штукатурили институты гидродинамики и геологии»⁴⁵⁰. Во-вторых, студенты «ведущих» советских вузов, с активной жизненной позицией, которые переводились в университет «нового

⁴⁴⁷ Корочкин Л. И. Годы в Новосибирском университете // Наука Академгородок Университет. Воспоминания. Очерки. Интервью. В.1. Новосибирск, 1999. С. 309.

⁴⁴⁸ Соскин В. Л. Как начинался гумфак. //Наука Академгородок Университет. Воспоминания. Очерки. Интервью. В.1. Новосибирск, 1999. С. 233.

⁴⁴⁹ Архив НГУ Ф. Р-1848. Оп. 2. Д. 11. Л. 13.

⁴⁵⁰ Шпак Г. А. «Сентябрь. Университет» // За науку в Сибири. 1959. С. 2.

типа», стремясь к самореализации на территории академической науки. Наглядным примером носителей этой социокультурной группы является ядро первого (т.н. «особого») выпуска в декабре 1963 года – В. Н. Штерн, В. Е. Захаров, Ю. Л. Ершов, А. М. Фридман, А. А. Галеев, четверо из которых стали впоследствии академиками, выдающимися учеными.

Возросший престиж НГУ привлекал выходцев из разнообразных слоев советского общества, тем самым становясь настоящим «университетским плавильным котлом», впитывавшим в себя и перерабатывавшим самые различные социокультурные элементы и кристаллизовавшим разнообразные начинания и инициативы, часть которых закреплялась и воспроизводилась в последующем как университетские традиции. С 1962 г. силами сотрудников СО АН и НГУ стала проводиться всесибирская физико-математическая и химическая олимпиады, что расширило географию абитуриентов – если в 1959 г. 65 % абитуриентов были новосибирцами⁴⁵¹, то в 1964 «местных» уменьшилось до 32 %⁴⁵². Олимпиада стала значимым делом комитета комсомола СО АН, ведь организационно олимпиады осуществлял Совет молодых ученых, созданный в 1961 г. при комитете, опираясь на молодых ученых и студентов НГУ. Первое время в районные центры Сибирского региона осуществлялись рассылки контрольных задач физико-математической направленности, затем делегаты Совета молодых ученых проверяли ответы и отбирали из всех наиболее талантливые. Авторов этих ответов приглашали в университет для участия в следующем отборочном этапе - в летних олимпиадах. В середине 1960-х гг. бюро комитета ВЛКСМ собирало бригады из молодых ученых, которые отправлялись в различные регионы Сибири и проводили олимпиады. «Создатели этого движения планировали передать дальнейшую практическую работу по олимпиадам студентам НГУ, поступившим туда через систему олимпиад и физико-математическую школу. Однако

⁴⁵¹ ГАНО Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 170, Л. 10-11.

⁴⁵² ГАНО Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 9. Л. 3.

реализовать это в последующие годы не получилось, что привело к довольно сильной деградации олимпиадного движения»⁴⁵³.

Таким образом, студенческие инициативные традиции складывались в условиях установки создателей университета на развитие свободного исследовательского мышления и самостоятельности, самоуправления студентов, их разнородный состав, одновременно с этим и компактности проживания, отдаленности от политического центра и изолированности Академгородка. Некоторые из них возникали стихийно, некоторые «прививались сверху», одни стали традиционными, другие не выдерживали проверку временем. Далее будут рассмотрены основные социокультурные инициативы с акцентом на механизмах возникновения, структуризации и осваивании их комсомольскими структурами.

Пионерным творческим начинанием в НГУ стала стенная печать. Одновременно (в 1959 г.) возникли инициативы «снизу», от студентов и «сверху», от ВЛКСМ. Первая – «Щелчок» вышла в начале 1960-го г., вторая – «Университетская жизнь» – к празднику октябрьской революции того же года. Создание «Щелчка» было инициировано тремя студентами – энтузиастами первого набора В. Бойковым, Т. Янушевич, В. Фомичевым. Смелая, самобытная и юмористичная газета была исключительно творческим результатом студенческой самоорганизации. «Первые свои два года, можно сказать, жил и дышал «Щелчком» – маленьким сатирическим еженедельником на одном листе ватмана. Это было общественное мнение университета – остроумное, беспощадное и смелое»⁴⁵⁴. «Щелчок» не подвергался влиянию комсомольских организаций, несмотря на то, что выпуски украшал подзаголовок «Орган ком. ВЛКСМ и студсовета. Сатирическое приложение». Из воспоминаний Т. Янушевич: «я встретила своего одноклассника Фомичева Вадима. И первое, что мы прочитали в глазах друг друга, – это еще более воспаленный восторг, который требовал немедленного какого-то проявления, Вадим так и сказал: «знаешь, хочется что-

⁴⁵³ Муренко Д. И. Особенности зарождения и развития Совета молодых ученых Новосибирского научного центра в 1960-х гг. // Интеллигенция и мир. 2020. № 2. С. 95.

⁴⁵⁴ Штерн В. Формы и люди // За науку в Сибири. 1965.

нибудь делать! Может быть стенгазету?»⁴⁵⁵. Три года группа энтузиастов придумывала идеи номеров и воплощала их в жизнь, рисунки были просты и наивны, темы затрагивались обычные для университетской жизни – грязь в комнатах, прогулы, споры «на слабо», взаимоотношения. Ее закрытие связано с переводом Б. О. Солоноуца в Московский физико-технический институт и с приходом на должность заведующего кафедрой истории КПСС Н. Я. Гущина после эпиграммы, связанной с его угрозой снимать со стипендии тех, кто не явился на майскую демонстрацию. Вспоминая о закрытии своей газеты, авторы называют причину: «Как мы зубоскалили: абсолютная монархия БОСа сменилась «властью большевиков». Кафедра общественных наук стала иметь решающий голос...В общем, времена начинали меняться»⁴⁵⁶. Отдельно стоит обратить внимание, что кроме «Щелчка» на доске объявлений в общежитии помещалось много других смешных объявлений, заметок: «это бурлила и пузырилась все та же эйфорическая потребность действия, самовыражения, общения, тот же самый выпендрейж, что и нас сподвиг на выпуск газеты»⁴⁵⁷.

На смену легкой сатире «Щелчка» пришло время куда более смелых оппозиционных высказываний, выразившихся в стенной газете «Треугольник», создаваемой общественно-политическим кружком (ОПК). В кружке участвовали около 20 человек «идейно связанных антитоталитарной позицией и координацией своих действий»⁴⁵⁸. Однако на митинги, бойкоты и выборы привлекалось значительно большее количество студентов. «Треугольник» просуществовал с 1964 по 1967 гг., его идейным лидером был студент ГФ В. Дорошенко. В первом номере были изложены основные положения доклада «От революции – к культу» – принцип политического мировоззрения ОПК, заключающегося в следующем: «после этой внутренней войны за власть партия как победитель стала недосягаема

⁴⁵⁵ Янушевич Т. А. Про «Щелчок» // Наука Академгородок Университет. Воспоминания. Очерки. Интервью. В.1. Новосибирск, 1999. С. 374.

⁴⁵⁶ Там же.

⁴⁵⁷ Там же.

⁴⁵⁸ Жежко-Браун И. Мы учились думать: О студенческом движении НГУ 1960-х. Часть 2 // Культура и искусство. 2017, № 9. С. 29.

для любого класса общества. Отсюда первоначально культ партии, а потом культ её лидера. В общепринятой терминологии – это тоталитаризм»⁴⁵⁹. «Треугольнику» вторил единственный номер стенной газеты «Раскрутаза» вышедший в 1965 г. под авторством студентов ФЕН Ж. Беккера и Гольдгефтера с требованием «распустить за ненужностью комсомол, прекратить преподавание в НГУ «научного коммунизма»⁴⁶⁰.

Лидеры ОПК НГУ противопоставляли свою деятельность комсомольским университетским организациям, не видя в них «никакой внятной идеологии». Тем не менее ОПК был не столько политической, сколько общественной организацией с идейно-политической составляющей, в которой лейтмотивом звучали идеи о «перестройке личного сознания», «выработке собственного мировоззрения». Подобного рода идеологические высказывания озвучивались студентами и ряда других вузов страны, поскольку в указанный период они стали общей для активной молодежи открытой формой, обеспечивающей и оппозиционность, и продолжение учебы без репрессий⁴⁶¹. Появление «Треугольника» указывало на активизирующийся политический запрос студенчества, поскольку период «оттепели» дал возможность поднимать ранее запретные темы, но с его окончанием и началом усиления комсомольского влияния на студенческую молодежь стала очевидной невозможность дальнейшего выпуска открыто оппозиционной газеты, и «Треугольник» с 1967 г. не выпускался. Отдельно следует отметить, что в общественных архивах и музеях, хранящих вещественные источники НГУ, номера «Треугольника» не сохранились, соответственно, его изучение возможно только при опоре на воспоминания участников и очевидцев.

⁴⁵⁹ Жежко-Браун И. Мы учились думать: О студенческом движении НГУ 1960-х. Часть 2 // Культура и искусство. 2017, № 9. С. 27.

⁴⁶⁰ Селицкая Н. Д. В. В. Воеводский – декан ФЕН // Наука Академгородок Университет. Воспоминания. Очерки. Интервью. В.1. Новосибирск, 1999. С. 201.

⁴⁶¹ Борзенков А. Г. Молодёжь и политика: возможности и пределы студенческой самодеятельности на востоке России, 1961-1991 гг.: В 2 ч. Новосибирск, 2003. 142 с.; Жежко-Браун И. НГУ: студенческое движение 1960-х // Современная американская революция. М., 2018. С. 247–310; Межуев Б. В. Перестройка-2: опыт повторения. М., 2014. 202 с.

Главной инициативой «сверху» стала идея создания «Университетской жизни», как официальной студенческой газеты соответственно, подконтрольной комитету ВЛКСМ. Поскольку столь масштабная идея требовала времени для воплощения: выборы в студсовет, комитет ВЛКСМ, редколлегию, затем проведение заседаний, утверждение названия газеты и т.д. Со временем она становилась все более весомой в общественной жизни университета. Ее печать контролировала партийная организация с самых первых шагов. Редактор «УЖ» Л. Ф. Лисс был ответственным за газету перед партбюро, между тем ректоры университета, по его словам, «очень лояльно относились и не старались искать в любой студенческой выходке «антисоветчину»⁴⁶². Показателен случай 1968 г., когда художники «Ужа» украсили выпуск штампом «Уплачено ВЛКСМ» проходящим сквозь всю площадь газеты. Ироничная насмешка над комсомолом была замечена, газета снята, но санкций за этим не последовало, что указывает, с одной стороны, на некоторое послабление со стороны партийных организаций, а с другой, о неконформистских студенческих настроениях в среде непосредственно подчиненной комитету ВЛКСМ.

Стенная печать в 1960-е гг. была объемным ресурсом творческого самовыражения студентов, наряду с вышеперечисленными моделями, были газеты клубов факультетов: математического факультета – «Оракул», гуманитарного – «Логос», экономического – «Оптима», физического – «Прометей», естественных наук – «Кентавр» и др.; газеты, приуроченные к праздникам, самостоятельные разовые начинания студентов и т.д. Газеты были преимущественно политически нейтральны и знакомили читателя с неформальной стороной жизни университета: они были наполнены новостями о праздниках, дискуссиях, приездах гостей, летними приключениями и стихами юных талантов. Все они были «неподцензурными», однако те, что не стремились к политической оппозиционности и не выходили на рамки, продиктованные

⁴⁶² Огородникова Ю. Летопись «Университетской жизни» // НГУ вчера, сегодня, завтра. Воспоминания. Очерки. Интервью 1959-2009. 2009. С. 203.

временем, просуществовали дольше, а многие вплоть до окончания вехи рисования газет вручную. При поддержке партийных органов «УЖ» как официальная газета НГУ получила право на дальнейшее развертывание, формирование устойчивой структуры, способной к воспроизводству, и в дальнейшем стала единственным изданием НГУ переросшим из стенной газеты в многотиражную печать. В то время как «Щелчок» и «Треугольник», будучи начинаниями определенных студентов, не преодолели историю одного организационного состава и перестали существовать отчасти в результате нелояльности комсомола, отчасти по причине потери интереса их создателей. Вместе с тем они стали в определенной мере зеркалом университетской жизни и студенческих настроений 1960-х гг. в НГУ.

Студенческие строительные отряды (ССО) были развитой формой организации оплачиваемого труда в СССР, посредством которого решались не только экономические, но и идейно-воспитательные задачи. Первые ССО на базе НГУ появились в 1964 году благодаря инициативе двух студентов физического факультета – Ю. Пупкова и Ф. Израйлева, которые перевелись из ЛГУ и имели опыт работы на целине в составе ленинградского студенческого отряда. Они провели активную агитационную работу по заимствованию опыта столичных вузов. «Особенно много сил и энергии созданию целинных ССО отдал Ю. Пупков»⁴⁶³, он «зажег» этой идеей Новосибирский обком ВЛКСМ. В 1964 году из Новосибирска выехало на целину в Кокчетавскую область шесть ССО, из них три университетских. Первый отряд составил 220 студентов 2 курса, они работали на строительстве производственных и бытовых объектов в совхозах и колхозах Карасукского, Новосибирского-сельского и Искитимского районов с 3 июня по 12 августа⁴⁶⁴. Первоначально имен у стройотрядов не было, им давали названия по именам колхозов, где велась работа, например, «Александровский», «Конезавод-47» и т.д. В 1964 г. отряд НГУ уехал на работу в Казахстан, об этой поездке один

⁴⁶³ Швецова Е. И., Швецов Г. А. У истоков университетских традиций // Университетская жизнь. 1984 № 29. С. 419.

⁴⁶⁴ ГАНО Ф. Р-1848. Оп.1. Д. 226. Л. 24.

из студентов С. Швецов опубликовал статью в газете «За науку в Сибири»: «Вдали на казахской земле, мы с волнением читали «Вечорку», а находя сообщения об университете, об Академгородке, радовались, как дети. А «Известия?» – «Сибирь спорит с солнцем». В ней были очень знакомые имена: Будкер, Сагдеев, Галеев»⁴⁶⁵. В следующие годы активно разрасталась структура ССО, выросла их популярность, расширились территориальные рамки. Первые северные ССО появились в 1965 г., отряд в составе 70 студентов был направлен в рыбацкий поселок Салемал Ямало-Ненецкого национального округа для строительства школы и жилых домов. Произошла географическая переориентация части ССО НГУ от хорошо освоенных поселков в северные неосвоенные районы. Следует указать, что в середине 1960-х гг. северный путь студенческих стройотрядов был авангардной идеей, отряд НГУ был одним из первых семи северных ССО в Советском Союзе⁴⁶⁶. В поисках самоидентификации студенты НГУ определили общую для университета траекторию развития стройотрядовского движения, выраженную в северной целинной направленности.

Следующей возникла идея формирования интернациональных отрядов «еще на целине, когда мы узнали, что группа советской молодежи отправилась помогать алжирскому народу, освободившемуся от гнета колонизаторов»⁴⁶⁷. В 1966 г. был заключен договор о паритетном обмене студентами между НГУ и Карловым институтом в Праге: в то время как новосибирские студенты работали и знакомились с чешской молодежью и страной, чехи приезжали работать в Новосибирской области. Интеротряды ССО НГУ были малочисленны и престижны: ежегодно в Чехословакию отправлялось около 20 человек, отбор в них происходил исключительно по согласованию с властями⁴⁶⁸. Договоренность была только с одним университетом, поэтому в указанный период интерССО был по сути чешским отрядом. Он временно прекратил свое существование после

⁴⁶⁵ Швецов Г. А. Мы вернемся // За науку в Сибири. 1964.

⁴⁶⁶ Швецова Е. И., Швецов Г. А. У истоков университетских традиций // Университетская жизнь. 1984 № 29. С. 419.

⁴⁶⁷ Там же. С. 420.

⁴⁶⁸ Новосибирский государственный университет: создание, становление, развитие (1959–2019) / Н. Н. Аблажей, С. А. Красильников, Е. Г. Водичев. Новосибирск, 2019. С. 170.

событий в ЧССР, связанных с подавлением «Пражской весны» 1968 г. – в момент, когда студенты НГУ в рамках культурной программы находились в Праге, была начата войсковая операция «Дунай». События «Пражской весны» повлекли за собой рефлексию новосибирских стройотрядовцев, ставших очевидцами проявления агрессивной внешней политики СССР, направленной на подавление стремления к самостоятельности Чехословакии. Особенность восприятия, переосмысления и толкования событий в Чехословакии сложилась у студентов НГУ благодаря своеобразию формирования их личности в условиях культуры мышления Академгородка, где демократизация и право на высказывание собственного мнения считалось нормой. Стройотрядовцы критически оценили этот эпизод, вставший в ряд событий «Бурного 1968-го» вместе с массовыми социальными протестами, охватившими Европу, а в Академгородке – ночной студенческой акцией и «письмом 46-ти» – коллективной петицией ряда научных сотрудников СО АН в поддержку активистов самиздата, арестованных КГБ. Несмотря на то, что участники интерССО не пострадали, руководство НГУ на следующие несколько лет отказалось от обмена студентами с Карловым университетом и начало поиск взаимодействия с другими вузами зарубежных стран советского союза.

Эксперимент переноса организации ССО из столичных вузов прошел успешно и в достаточно короткие сроки. В НГУ они формировались каждый год и условно делились на интернациональные, северные, областные и отряды, работавшие в кампусе НГУ. Структура стройотрядов была изначально адаптирована партийно-комсомольскими органами, действия координировались Комитетом ВЛКСМ, в каждом из стройотрядов помимо командира существовала должность комиссара. Для интеротрядов желательным было, чтобы эти посты занимали студенты-коммунисты. Сохраняя баланс между студенческой инициативностью и контролем ВЛКСМ командиры и комиссары отрядов учились сочетать формальный статус с неформальным, развивали лидерские качества. Как следствие дружеской сплоченности первых стройотрядовцев, выработанной ими

схеме самоорганизации и диалога с партийными органами, из их инициативной группы были сформированы комитет ВЛКСМ НГУ, факультетское бюро и другие студенческие выборные органы. Основное в этом движении, как отмечал один из со-инициаторов стройотрядов в НГУ М. Ф. Ступак, было то, что «в системе стройотрядов рождались и ковались настоящие лидеры, т.к. нужно было иметь и организаторские способности, и жесткость и хватку руководителя...»⁴⁶⁹.

В 1960-е гг. стройотрядовское движение несло в себе яркий и самобытный характер, спецификой ССО НГУ стали – преемственность Ленинградского университета, ориентация на северное целинное направление, совмещение партийной контролирующей и студенческой самоорганизационной деятельности ячейки активистов. В последствии форма «летнего трудового семестра» утратила некоторые свои черты, однако до перестройки оставалась привычным инструментом заработка для студентов.

Среди молодежных общественно-политических инициатив центральную роль играла маевка. Полувековая история в статусе официального государственного праздника привела маевочные манифесты к формализации и бюрократизации, что негативно сказывалось на интересе к ней молодежи в период «сталинизма». Однако «оттепель» оказала положительное влияние на практику ее проведения благодаря демократизации общественно-политической жизни. В рамках студенческих маевек открылись возможности для творческой самореализации, появились самостоятельные политизированные акции, неформальные дополнения к официальной первомайской линии.

В 1960 г. студентами НГУ была проведена первая импровизированная маевка: перед одним из общежитий развели костер и до поздней ночи студенты и присоединившиеся к ним жители соседних домов пели популярные песни, танцевали, а самые смелые пробовали себя в публичных выступлениях⁴⁷⁰. Однако

⁴⁶⁹ Ступак М. Ф. О стройотрядах. //Наука Академгородок Университет. Воспоминания. Очерки. Интервью. В.1. Новосибирск, 1999. С. 425.

⁴⁷⁰ Борзенков А. Г. Молодёжь и политика: возможности и пределы студенческой самодеятельности на востоке России, 1961-1991 гг.: В Ч. 1. Новосибирск, 2003. С. 48.

первые стихийные начинания угасли, не найдя активистов, готовых взяться за их дальнейшую организацию. Вторая идея создания маевочного движения была выдвинута в 1964 г. новоизбранным секретарем комитета ВЛКСМ, студентом Г. А. Швецовым, впоследствии ставшим его идеологом и организатором. В поиске совершенствования комсомольской работы, он предложил организовать маевку «под открытым небом» подобно тем, что проводились в дореволюционной России⁴⁷¹. Затем была создана инициативная группа, ядром которой стал стройотрядовский актив середины 1960-х гг. Студенты Г. Швецов, Б. Лукьянов, Л. Хазова, С. Дондо, входившие в состав комсомольских кадров НГУ, активно взялись за выполнение поставленной комитетом ВЛКСМ задачи – сделать майские мероприятия крупномасштабными, внедрить новые подходы в их организацию, привлечь молодежь демократичным духом и атмосферой неформальности. Первая маевка, как самостоятельная политизированная акция в НГУ, была проведена в 1966 г., через полтора года масштабной подготовки, и создала абрис на следующие 20 лет: социальная направленность, интеллектуальность, демократизм и неформальность.

Отдельно стоит указать на то, что студенческое маевочное движение с начала 1960-х гг. активно развертывалось на всей территории советского союза, особенно в его восточных регионах. Активисты искали пути проявления индивидуальности и новизны в рамках маевочных движений своих вузов. Например, с 1964 г. В Свердловском государственном педагогическом институте стали организовываться маевки пятого мая, в День печати с выездом за пределы Свердловска: «эта маевка еще больше скрепила дружбу «рыцарей пера»⁴⁷²; с 1965 г. Томский государственный университет также устраивал тур. походы, но избрал путь объединения 1 и 9 мая, связав свою маевку с Днем Победы: «Каждый помнил о дне, в который отправился в лес. И как бы почувствовав настроение

⁴⁷¹ Борзенков А. Г. Молодёжь и политика: возможности и пределы студенческой самостоятельности на востоке России, 1961-1991 гг.: В Ч. 1. Новосибирск, 2003. С. 54.

⁴⁷² Там же. С. 49.

всех, «одесситы» предлагают всем спеть песню «Бухенвальдский набат»⁴⁷³. Участникам маевки НГУ не было необходимости выезжать за пределы города, поскольку наличие большого лесного массива вокруг создавало эффект лесной поляны, где обычно организовывались дореволюционные сходки российских рабочих. Отличительной чертой маевки НГУ стало установление международных контактов, укрепление интернациональных связей студентов Сибири с молодежными и демократическими движениями других стран. Первая маевка проходила с участием иностранных гостей, ее организаторы задали демонстрации вектор молодежного самовыражения, единственно допустимого в рамках политики СССР.

На протяжении последующих двух десятилетий именно проблематика поддержки и солидарности борьбы народов за независимость стала ключевой темой для маевочных выступлений НГУ. Их призывы строго соответствовали направлениям советской внешней политики, тем не менее здесь проявлялись и действия по развитию причастности «низовой включенности» студенчества в поддержку государственных целей и приоритетов. Перед входом в университет возводились красочно оформленные трибуны, по всему периметру маевочной площади развешивались огромные политические плакаты, в дополнение к которым появились транспаранты с текстами: «Эй, студент, довольно спать – надо с конторой воевать!», «Эй, студент, кончай прострацию – приходи на демонстрацию!»⁴⁷⁴, «Подвяжи штаны веревкой и скорее на маевку!»⁴⁷⁵. В том, что в такого рода вполне идеологически «правильное» мероприятие вторгались элементы смеховой культуры, карнавальности, не было ничего необычного. Клуб Интернациональной солидарности (Интерклуб) НГУ, как один из организаторов первых маевки, включал в себя и активистов движения клуба веселых и находчивых (КВН) и карнавального движения. Одним из ярких ритуалов стал

⁴⁷³ Борзенков А. Г. Молодёжь и политика: возможности и пределы студенческой самодеятельности на востоке России, 1961-1991 гг.: В Ч. 1. Новосибирск, 2003. С. 54.

⁴⁷⁴ Борзенков А. Г., Каурдаков Л. Г. Руку, товарищ! Новосибирск, 1987. С. 43.

⁴⁷⁵ Безверхий П. П. Научная одиссея, или путь студента физфака НГУ // О времени и о себе. ФФ НГУ, 1963–1968. Новосибирск, 2014. С. 191.

костер на университетской площади, в котором сжигались чучела – символы расизма и реакции. Неизменной частью маевки были и встречи с приглашенными иностранными гостями из дружественных СССР стран – Вьетнама, Португалии, Чили, Анголы⁴⁷⁶. Дополнительным аспектом, влиявшим на «благосклонное» отношение партийного комитета НГУ к маевкам, выступало то обстоятельство, что маевка традиционно проводилась 30 апреля, и атмосфера студенческой активности создавала предпосылку для проведения Первой с его традиционными колоннами, транспарантами, хотя и более официальными, но сами студенты, «разогревшиеся» маевкой, достаточно охотно шли в колонне НГУ, пели молодежные песни и т.д.

Маевка использовалась одновременно как средство пропаганды и ограничения молодежных инициатив путем их управления «сверху» и как контекст выражения своей социальной позиции активными студентами «снизу». Из разрешенной деятельности в рамках протестного активизма студенчество НГУ выбрало сопричастность к движению солидарности в борьбе демократии против реакции в содружественных советскому союзу странах. Из установки на внешнеполитический курс маевочного движения студенчество стремилось извлечь свой практический опыт и навыки самоорганизации. Постепенно оно разрасталось и стало кульминацией целого комплекса событий, заканчивающейся первомайской демонстрацией. С 1972 г. начала проводиться Неделя интернациональной дружбы, переименованная в 1977 г. в Неделю интернациональной солидарности.

Совершенно иным по своей сути являлся Карнавал. Эта студенческая забава возникла в НГУ в 1967 г. и проводилась ежегодно в конце весны 5 лет подряд. Традиция была заимствована у средневековых студенческих гуляний – идея шуточной вседозволенности «переворота понарошку». Карнавал был инициативой, независимой от партийного контроля, под маской праздника

⁴⁷⁶ Борзенков А. Г. Роль комсомольских организаций в возрождении и развитии маевочного движения в СССР (вторая половина 60-х – 80-е гг.) // Идеологическая, массово-политическая работа партийных организаций Сибири 60-80-х годов. Новосибирск, 1989. С. 43-70.

студенты имели право свободно самовыражаться: «Академгородок в тот день был отдан «на откуп» студентам, «захватившим власть» в университете»⁴⁷⁷. Праздник начинался с выборов короля и королевы путем голосования толпы, поднимавшей шум, иногда для объективности замера крика использовался децибелметр, избранные «монархи» в течении года пользовались привилегией - «ходить в столовую без очереди», их власть по наследству не передавалась⁴⁷⁸. Важным событием являлось праздничное шествие по улицам Академгородка в карнавальных костюмах: студенты, переодетые в палеолитических людей, мушкетеров, китайских хунвейбинов и в других самых разнообразных образах, скандировали необычные и отчасти парадоксальные для многих жителей лозунги «Я из страны непуганых идиотов» «Дом Ученых – дом для студентов» и пр.⁴⁷⁹

Закономерными представляются временные рамки существования карнавалов в НГУ: начавшиеся во времена, когда наиболее ярко проявлялись традиции свободы, самоуправления, демократичности, они завершились, когда «страх перед свободой оказался сильнее уже подступавшей угрозы упадка – и власти, и экономики»⁴⁸⁰. Интересен тот факт, что период проведения карнавалов ограничен периодом ректорства С. Т. Беляева (ректор НГУ 1965 – 1978 гг.). Пытаясь сохранить атмосферу свободы, созданную в Академгородке с первых лет, С. Т. Беляев активно поддерживал эту студенческую инициативу, сам был ее участником. День карнавала ректор проводил среди студентов, оставляя административные дела, демонстрируя карнавальный демократизм и артистично входя в роль «идущего в народ» наставника, он однако не терял контроль над ситуацией⁴⁸¹. Участники карнавала нередко нарушали технику безопасности,

⁴⁷⁷ Швецова Е. И. и Швецов Г. А. У истоков университетских традиций // Университетская жизнь. 1984 № 29. С. 3.

⁴⁷⁸ Соболевский А. НГУ: страницы истории // НГУ вчера, сегодня, завтра. Воспоминания. Очерки. Интервью 1959-2009. С. 3.

⁴⁷⁹ Борзенков А. Г. Молодёжь и политика: возможности и пределы студенческой самодеятельности на востоке России, 1961-1991 гг.: В 2 ч. Новосибирск, 2003. С. 139-140.

⁴⁸⁰ Крокинская О. К. Другая жизнь возможна: это – карнавал // Наука Академгородок Университет. Воспоминания. Очерки. Интервью. В.1. Новосибирск, 1999. С. 435.

⁴⁸¹ Борзенков А. Г. Молодёжь и политика: возможности и пределы студенческой самодеятельности на востоке России, 1961-1991 гг.: Ч.1. Новосибирск, 2003. С. 140.

создавая неуправляемую силу⁴⁸², пугающую жителей Академгородка, что привело к массовым жалобам и критике. Сомнения в целесообразности проведения карнавала привели к тому, что ректорат потерял к нему интерес, само мероприятие было перенесено дальше от жилого массива, на пляж Обского моря, и в течении нескольких лет угасло. В дальнейшем карнавал был совмещен с маевкой⁴⁸³, отразив некоторые свои самобытные черты в шествии по центральным улицам Академгородка, но со временем и они были утрачены.

Оценивая неудачу карнавала В. А. Демидов, профессор, заместитель секретаря парткома НГУ тех лет, привел следующие причины: во-первых, очень сложно было организовать маевку, а следом карнавал, во-вторых, «маевка имела стержень, она отражала какие-то современные политические события, и студенты бурно на него реагировали, а карнавал такого стержня не имел»⁴⁸⁴. Карнавал в полной мере отразил специфику самобытного мироощущения молодежи, созданного атмосферой Академгородка, став репрезентативной практикой студенчества НГУ, нетривиальной особенностью, отличавшей от других вузов СССР.

Отдельно следует охарактеризовать еще одну социокультурную инициативу, не нашедшую продолжения, но имеющую яркий творческий почерк НГУ. Часть студенческой молодежи обратилась к театральному жанру, образовав непрофессиональный театральный коллектив, который в 1962 г. представил публике постановку «Абсолютный нуль». Спектакль являлся сатирическим детективом из студенческой жизни, написанным четверью Ленинградскими физиками, в нем участвовало 30 студентов и молодых научных сотрудников⁴⁸⁵.

⁴⁸² Борзенков А. Г. Молодёжь и политика: возможности и пределы студенческой самодеятельности на востоке России, 1961-1991 гг.: В 2 ч. Новосибирск, 2003, 142 с.; Крокинская О. К. Другая жизнь возможна: это – карнавал // Наука Академгородок Университет. Воспоминания. Очерки. Интервью. В.1. Новосибирск, 1999. С. 433-436; Михмель Д. Весенний карнавал // НГУ вчера, сегодня, завтра. Воспоминания. Очерки. Интервью 1959-2009. С. 192-193.

⁴⁸³ Крокинская О. К. Другая жизнь возможна: это – карнавал // Наука Академгородок Университет. Воспоминания. Очерки. Интервью. В.1. Новосибирск, 1999. С. 435.

⁴⁸⁴ Демидов В. А. С позиций оптимизма // Наука Академгородок Университет. Воспоминания. Очерки. Интервью. В.1. Новосибирск, 1999. С. 262-264.

⁴⁸⁵ Борзенков А. Г. Молодёжь и политика: возможности и пределы студенческой самодеятельности на востоке России, 1961-1991 гг.: В 2 ч. Новосибирск, 2003. С. 135.

Выступление вызвало резонанс среди зрителей от мнения о полном успехе от непричастных к официальным университетским структурам людей, до жестокой критики от партийного руководства. В силу слабой организованности коллектива любительского театра в дальнейшем не нашлось активистов, готовых, учитывая критические замечания, реализовать дальнейшее развитие театра.

С течением времени структура университета разрасталась и общеуниверситетский студенческий актив размежевался на факультетские группы, в 1964 г. было положено начало Дням факультетов и межфакультетским КВНам⁴⁸⁶, которые стали традиционными и также проходили в неформальной обстановке. Существовая в рамках установленных временем правил, они символически поддерживались комсомолом, не подвергаясь давлению «сверху», развивались самобытно и служили примером самоорганизации студентов, объединенных общей творческой целью. В 1968 г. на собрании комсомольского актива в ответ на речь о необходимости заполнения культурно-досугового времени студентов, Л. Шлес высказал идею о создании первого факультетского клуба для физиков под названием «Квант»⁴⁸⁷. Аналогично с иными устойчивыми традициями НГУ, организаторы клубов были и активом комсомола, одновременно содействуя партийным органам и поддерживая творческую свободную обстановку среди студентов. Чтобы совместить идеологическую направленность, которую требовала комсомольская организация, и развлекательную, рассчитанную собственно на молодежь, организаторы выдерживали баланс, как вспоминает один из участников клубов, студент С. Бирюков: «в один вечер приглашаем ветерана войны, в другой устраиваем танцы. Причем после танцев требовался отчет комсомола: было столько-то советских песен, столько-то зарубежных»⁴⁸⁸. В следующие годы стали образовываться клубы и у других факультетов, но поскольку даты их создания выходят за рамки

⁴⁸⁶ Швецова Е. И. и Швецов Г. А. У истоков университетских традиций // Университетская жизнь. 1984. № 29, С. 421.

⁴⁸⁷ Бирюков С. А. Клуб «квант» - начало // Наука Академгородок Университет. Воспоминания. Очерки. Интервью. В.1. Новосибирск, 1999. С. 436.

⁴⁸⁸ Там же.

данной работы, требуется ограничиться фактом, что в дальнейшем они стали устойчивой традицией университета.

К концу 1960-х гг. студенческие клубы, как один из вариантов активности, стали вызывать некоторую тревогу среди комсомольского руководства. «У известной части студенческого актива увлечение клубами приводит к мысли, что клубная самодеятельность превосходит общественную деятельность комсомольских организаций»⁴⁸⁹, – было записано в информационной справке обкома КПСС в 1968 г. В клубных диспутах стали звучать слова недовольности комсомольской организацией, вплоть до поднятия вопроса о ее роспуске. Участники клубов активно занимались вопросами самоуправления в общежитии, налаживания бытовой и социальной жизни, дополнительного заработка в рамках строительных отрядов и т.д. По сути они стали по-диссидентски опасной альтернативой комсомолу. Наиболее ярким примером стал Клуб студенческой инициативы механико-математического факультета, организованный в 1965 г., «под эгидой клуба состоялась общеуниверситетская дискуссия «Наука и демократия». Участвовавшие в ней студенты пришли к выводу, что диктатура пролетариата порождает культ личности, комсомол изжил себя как в стране, так и в университете, необходимо создавать общественные организации, независимые от партбюро и комитета ВЛКСМ»⁴⁹⁰. Повышенная социальная активность студентов показала как из творческой, лояльной к комсомолу инициативы мог возникнуть политический активизм с оттенком диссидентства.

Таким образом, механизмы студенческих инициатив либо проявлялись «стихийно», благодаря энтузиазму молодежи, затем осваивались комсомольскими структурами и получали «официальное» право на дальнейшее развитие, либо изначально инициировались компартией, привлекавшей широкий круг участников среди студентов-активистов, и в новых условиях обретали более

⁴⁸⁹ ГАНО Ф. П-4. Оп. 68. Д. 64. Л. 9.

⁴⁹⁰ Борзенков А. Г. Молодежь и политика: Возможности и пределы студенческой самодеятельности на востоке России (1961–1991 гг.): в 2 ч. Новосибирск, 2003. Ч. 2. С. 17.

демократичный вид. Для получения «официального» права на дальнейшее развитие студенческих творческих начинаний был необходим переход под управление комсомольскими структурами. Если появившаяся в среде активистов творческая идея обретала популярность среди студенчества, становилась ярким событием и требовала усложнившейся структуры организации, над ней устанавливался контроль ВЛКСМ, что давало возможность дальнейшего развития уже на институциональной основе.

Студенческая самоидентичность в 1960-х гг. в НГУ складывалась в условиях государственной политики «оттепели», установки создателей университета на развитие свободного исследовательского мышления и самостоятельности, самоуправления студентов, их разнородного состава, одновременно с этим и компактности проживания, отдаленности от политического центра и изолированности Академгородка. Терпимое отношение к вольнодумству или свободомыслию в стенах университета, демократичность в отношениях между преподавателями и студентами создали прецедент повышенной гражданской активности молодежи. При опоре на уже существующие практики столичных вузов студентами НГУ был пройден путь взрывного развития творческой активности, выработавший за кратчайшие сроки свои самобытные традиции. Специфика социокультурных инициатив, зародившихся в студенческой среде, выявилась в смелой гласности стенной печати, актуальной молодежной внешнеполитической солидарности в маевке, в ориентировании передовых стройотрядов на работу в северных и целинных территориях. Пик студенческой активности пришелся на вторую половину 1960-х гг., где апогеем стал карнавал – ярчайший пример открытого самовыражения студентов. Развитие творческих форм студенческой инициативности имели под собой существенную основу в виде оптимистического сознания, романтических и альтруистических настроений, идей интернациональной дружбы и коллективистских ценностей.

Обозначенные выше студенческие инициативы в той или иной степени вовлекались в орбиту контроля комсомольских структур. К концу 1960-х гг. стала очевидной для самих студентов кризисное состояние самой ВЛКСМ. По словам И. М. Засыпкина – в то время члена комитета комсомола НГУ – «про то, что комсомол необходимо как-то реформировать, говорили практически все». В частности, комитет ВЛКСМ НГУ стал восприниматься многими как бюрократическая контора, которая не отвечает ожиданиям студентов»⁴⁹¹. Так, студенческие активисты с одной стороны продолжали принимать и адаптироваться к заданным «сверху» «правилам игры», а с другой, у них проявлялось отторжение нормативно установленного контроля над студенческим движением, хотя для альтернативы формирования собственно оппозиционных власти инициатив условий в обстановке свертывания в стране демократических инициатив после 1968 г. уже не существовало.

⁴⁹¹ Муренко Д. И. социально-политический активизм студенческой молодежи новосибирского Академгородка во второй половине 1960-х годов. //Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: Сборник материалов Всероссийской молодежной научной школы-конференции с международным участием, Новосибирск, 19–21 сентября 2019 года. Новосибирск, 2019. С. 126-139.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей работе рассмотрены аспекты формирования НГУ, как нового ведущего вуза на территории Сибири. Новые тенденции развития высшего образования и науки в СССР в 1960-х гг. уже позволили создавать почву и реализовывать себя в университетах, отдаленных от столицы России и связанных с академической наукой (Новосибирск, Красноярск). НГУ проявил себя той новаторской институциональной формой, где ключевую роль сыграло ядро профессорско-преподавательского состава, которое, взяв за основу свой профессиональный опыт, наработанный в рамках «физтеховской модели», творчески развило ее, сформировало оригинальную и устойчивую конструкцию, до сих пор не теряющую своей актуальности. Современный НГУ выступает наследником органичного сплава тех пионерных решений, которые закладывались в фундамент при его становлении.

Успешный десятилетний опыт деятельности МФТИ был безусловным ориентиром, на который опирались академики - организаторы НГУ, проектируя новый вуз. При этом интеграция одной состоявшейся и эффективной вузовской модели в другую, новую, осуществлялась двумя путями. Первый – компиляцией результативно апробированных принципов «системы физтеха» и технологий научно-образовательного комплекса с целью подготовки высококонкурентных специалистов в сфере инновационных технологий; второй – активным участием акторов научно-образовательного процесса НГУ из числа тех, кто развивал эти принципы, внося весомый вклад в становление и развитие самого МФТИ (прежде всего С. А. Христианович и М. А. Лаврентьев). Упомянутые ученые, опираясь на результативный опыт для продвижения своих идей в центральных партийно-государственных структурах министерстве, осознавали, что формирование нового элитного вуза вне Москвы не должно быть механической «сибирской репродукцией» МФТИ, а стать новаторской моделью сочетания принципов соединения образования, науки и производства (известный «треугольник Лаврентьева») под руководством Сибирского отделения Академии наук.

К концу 1960-х гг. НГУ достиг состояния зрелости и вошел в период стабильного и поступательного развития. Однако еще в течение длительного времени оставался открытым вопрос: «Сумел ли университет действительно стать вузом «нового типа», а не переносом «системы физтеха» на сибирскую почву?». Визитной карточкой университета традиционно выступали именно ФФ и ММФ. По физико-математическим специальностям НГУ к концу периода становления сумел сравниться с ведущими столичными вузами, в частности с МГУ и МФТИ. Что касается других факультетов, то каждый из них прошел трудный путь поиска и борьбы за свое место в структуре университета. В системе мобилизационной политики государства, направленной на добычу сырья из восточных регионов, геологический факультет направил специализацию учебного процесса именно к решению данной задачи, что не позволяло факультету расширяться, но давало стабильность. Продолжительное время ГГФ занимал последнее место по численности студентов (либо делил его с ГФ). ФЕН, будучи первым факультетом университета, весь период становления находился в поиске выигранных специализаций. Предлагалось много вариантов развития, которые не реализовались в дальнейшем. Наиболее яркие примеры тому – предложение открытия химического факультета, медицинской специальности. Факультет несколько лет ждал снятия гонений с генетики и официального признания Института цитологии и генетики СО АН, чтобы официально определиться с траекторией своего дальнейшего развития уже на его базе, в соответствии с принципами НГУ.

С самого начала работы ГФ в 1962 г. являлся «болевым» точкой НГУ. Технократические взгляды акторов структуры университета не позволяли им видеть в гуманитарных науках конкурентноспособный источник развития. Создатели нового научно-образовательного комплекса не имели контактов с крупными исследователями гуманитарного профиля, и на момент становления СО АН и НГУ ни один ведущий гуманитарий не проявил инициативы в создании научной школы по своей специализации. Кроме того, в случае с ГФ произошла

обратная ситуация: не на базе потенциала НИИ сформировался факультет, а институт гуманитарного профиля (Институт истории, филологии и философии) появился уже спустя четыре года работы факультета. Принцип совместительства, который считался базовым для университета, здесь «работал недостаточно» в глазах руководства. Несмотря на то, что немалую часть первопроходцев, основателей ГФ составляли сотрудники-совместители, работавшие в составе Отдела гуманитарных исследований Института экономики, высокий процент преподавателей принимался в штат, что существенно ограничивало возможности к расширению и развитию факультета.

Математизация всего учебного процесса в НГУ, сформулированная как принцип, давалась крайне сложно, предлагались разные варианты решения этой проблемы. В частности, биологами озвучивалась идея увеличить на год период обучения, чтобы не «урезать» свои базовые дисциплины в угоду математическим. На гуманитарном факультете проводился ряд экспериментов с совмещением математических и гуманитарных знаний в виде дипломных работ по смежным дисциплинам, для историко-филологических специальностей читался двухсеместровый курс основ высшей математики, была открыта новая специальность «математическая лингвистика». Выделившийся из гуманитарного в 1967 г. экономический факультет вполне успешно выстроил специализацию на базе принципов математизации, хотя и он сталкивался с ограничениями в развитии. Организаторами факультета предлагалась передовая для того времени идея открытия специальности «социология» как одного из перспективных направлений, однако практическая реализация данной идеи состоялась лишь через несколько десятилетий.

Тем не менее к 1968 г. закончилось становление научно-образовательной структуры НГУ: сформировалась базовая факультетская структура из 6 факультетов, 46 кафедр, с которой университет просуществовал вплоть до 1993 г.; стабилизировалась динамика и источники пополнения профессорско-преподавательского и студенческого составов; создан канал устойчивого

воспроизводства научно-педагогических кадров по основным направлениям работы НГУ; произошла сепарация Красноярского филиала университета, ставшего самостоятельным вузом ; структура освободилась от не оправдавшего себя «слабого звена» в виде вечернего отделения, одно время бывшего даже факультетом; преодолен «кризис гумфака» – пришло понимание руководством НГУ необходимости гуманитарного компонента для классического образования, что позволило ГФ занять свое неотъемлемое место в структуре НГУ. Тем самым в относительно короткий десятилетний период оказалась преодолена первоначальная технократическая стратегия в построении учебного процесса, и университет приобрел некоторые черты классического вуза, сохранив свою самобытность как опыт реализации в стране новой модели исследовательского университета. Общей платформой, позволившей приобрести новое качество образовательного процесса стала междисциплинарность: появился ряд кафедр, где специализация осуществлялась на стыке нескольких дисциплин (инженерная математика, физическая химия, геофизика, математические методы в экономике и др.)

НГУ создавался как органическая компонента научного центра, при опоре на кадровые и материальные ресурсы Сибирского отделения, сохраняя при этом статус университета как части высшей школы страны, то есть фактически имея двойную ведомственную принадлежность – СО АН и МВ и ССО. НГУ требовалось непрерывно отстаивать свою организационную самобытность, находя, как правило, решения, приемлемые для руководства каждой из сторон. Между руководителями СО АН и МВ и ССО был выстроен конструктивный диалог, что имело позитивное значение для университета, поскольку, с одной стороны, расширялись границы его научно-образовательной сферы, с другой, был подтвержден ряд важных преференции вуза (более ранние сроки вступительных экзаменов, высокая доля преподавателей – совместителей, право на разработку авторских курсов, в т. ч. по основным дисциплинам и т.д.).

К завершению периода своего становления НГУ стал устойчиво выполнять свою основную задачу – пополнение новыми научными кадрами институтов Сибирского отделения. Однако пришлось пройти период борьбы за привилегию первостепенного распределения в академическую науку: профильное Министерство ежегодно придирчиво контролировало данный процесс и систематически высказывало критические замечания. В итоге удалось найти некоторый компромисс: лучшие выпускники, прошедшие распределение предварительно на факультетах, а затем и в официальных рамках, первоочередно отправлялись на работу в НИИ СО АН; в свою очередь, Министерство удовлетворилось тем, что часть выпускников пополняли кадры школ (в первую очередь выпускники гуманитарного факультета) и вузов восточных регионов. Минвуз высоко оценивал квалификацию выпускников аспирантуры НГУ, и университет, наряду с донорством СО АН, обрел еще одну важную функцию – пополнение отраслевых институтов, конструкторских бюро и высшей школы на территории Сибири и Дальнего Востока. Так университету удалось отстоять свои приоритеты в процессе взаимодействия с Минвузом.

В НГУ в качестве преподавателей-совместителей и почасовиков были представлены сотрудники всех институтов СО АН, а структура факультетов и кафедр вуза развивалась согласно динамике развития научного центра. Научные школы в НГУ создавались в соответствии с концепцией научного лидера. Дипломные работы студентов выполнялись как части плановых работ и исследований соответствующих подразделений или лабораторий. Оригинальность научно-образовательного процесса НГУ нашла отражение в построении авторских лекторских курсов. Координация с другими вузами и научными центрами через проведение научных конференций, съездов симпозиумов и встреч в НГУ позволила университету создать устойчивую репутацию в вузовской системе страны в сравнительно короткий срок, уже во второй половине 1960-х гг.

В становлении университета решающую роль сыграли акторы учебно-научного процесса, представленные выявленной общностью в 176 чел. Их путь к

участию в проекте по созданию НГУ отразил общую картину карьерного пути советской научно-педагогической интеллигенции и процессы преобразований в высшей школе и науке нашей страны с 1920-х до конца 1950-х гг. Здесь проявили себя общие тенденции эпохи, такие как: редуцирование дореволюционного разнообразия социального положения деятелей науки и образования при сохранении хотя и в суженном виде каналов воспроизводства профессиональной интеллигенции; курс на перенос основных научных центров из Ленинграда в Москву; дальнейшее постепенное наращивание научно-технического и образовательного потенциала в восточных регионах России путем открытия новых НИУ, филиалов АН, вузов; формирование «точек сборки», объединяющих элиту советской науки – ученых и преподавателей ЛГУ, МГУ, МФТИ, МФХИ, ФИАН, МИАН, связанных общностью научных исследований, мировоззрением и профессиональными и неформальными связями, участием в «атомном проекте» и других новациях; упор на прикладную, инженерно-техническую составляющую науки в рамках мобилизационной парадигмы. Работа в НГУ и СО АН позволила ученым данной группы обеспечить весьма стремительный по научным меркам профессиональный и статусный рост. Авангард молодежи составили ученики первого профессорского состава НГУ, приехавшие в Сибирь преимущественно из Москвы и Ленинграда. Высокий процент молодых преподавателей-почасовиков, ассистентов, чья основная работа была научной в институтах СО АН явилась результатом успешного отстаивания принципа НГУ о совместительстве.

В период становления и формирования самоидентичности вуз испытывал два ограничения. Внешний – исходящий из профильного министерства и других властных структур требовал стандартизации, подчинения унифицированных для всех вузов правил, политической и идеологической подконтрольности. Внутренний – стремление акторов научно-образовательного комплекса НГУ последовательно воплотить вариант «системы физтеха» в соответствии со своими технократическими взглядами, что продолжительное время значительно ограничивало развитие социальных и гуманитарных наук.

С первых дней работы университета комсомол занимал значимую позицию в формировании студенческого сообщества. ВЛКСМ, как крупнейшая в Советском Союзе молодежная организация, существовал вне конкуренции, вбирая в себя потенциал молодежных инициатив и транслируя их в социум. Одновременно комсомол «претендовал на формирование мировоззрения и контроль за деятельностью студенческой молодежи, утверждая принципы жесткой дисциплины и подчинения «интересам большинства»⁴⁹². Спонтанно возникшие творческие инициативы студентов со временем попадали под контроль комсомольских организаций, адаптируясь к нормативным требованиям. Самобытность студенческих традиций возникла при опоре на имиджевую политику акторов НГУ, презентующих университет как «вуз нового типа». Терпимое отношение к вольнодумству и свободомыслию в стенах университета, демократичность в отношениях между преподавателями и студентами создали прецедент повышенной гражданской активности молодежи в первое университетское десятилетие.

⁴⁹² Новосибирский государственный университет: создание, становление, развитие (1959–2019) / Н. Н. Аблажей, Е. Г. Водичев, С. А. Красильников. Новосибирск, 2019. С. 158.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Список источников

Архивные материалы.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

Ф. Р – 5446. Совет Министров СССР

Оп. 92 (1957 – 1958). Д. 8.

Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ)

Ф. 4. Секретариат ЦК КПСС.

Оп. 16 (1957) Д. 376.

Научный архив Сибирского отделения РАН (НАСО)

Ф. 10. Сибирское отделение АН СССР.

Оп. 3 (1957 – 1968) Д.1, Д. 404.

Государственный архив Новосибирской области (ГАО)

Ф. П – 4. Новосибирский областной комитет КПСС.

Оп. 68 (1967) Д. 64.

Оп. 69 (1968) Д. 127.

Ф. П – 269 Советский районный комитет КПСС, г. Новосибирск

Оп. 6 (1968) Д. 1450, Д. 1451, Д. 1452, Д. 1458, Д. 1460.

Ф. П – 1317. Комитет ВЛКСМ СО АН СССР.

Оп. 1. (1958 – 1981). Д. 7.

Ф. Р – 1848. Новосибирский государственный университет

Оп. 1 (1958 – 1992) Д.: 2, 3, 8, 9, 11, 13, 14, 20, 65, 68, 69, 71, 82, 88, 101, 106, 107, 110, 146, 150, 164, 170, 215, 216, 226, 237, 242, 243, 293, 294, 310, 314, 352, 367, 387, 448, 451, 464, 469, 551.

Архив Новосибирского государственного университета

Ф. 1848.

Внутриуниверситетские приказы. Оп.1. Д. 3, Д. 70, Оп. 2. Д. 6, Д. 11, Д. 49.

Личные дела профессорско-преподавательского состава.

Оп. 3. Д.: 1–5, 7, 8, 10, 13, 14, 16–21, 23, 24, 26, 28, 29, 31, 32, 37, 38, 41, 46–52, 55, 57, 59, 62–65, 68–71, 74, 74-1, 75, 76, 78, 80–82, 87, 88, 91, 93, 94, 97, 98, 103, 105, 107, 115, 116, 120, 122, 125, 130, 132, 133, 135-137, 139, 140, 142, 148, 150, 152, 154, 156, 159, 160, 162, 164, 166, 167, 170–176, 179–181, 183, 185, 187, 195, 198, 199, 202, 203, 205, 207, 208, 210, 213, 214, 216, 217, 219, 220, 221, 223, 226, 232, 236, 244, 248, 250, 252, 253, 259, 260, 264, 269, 271, 272, 274–276, 278, 286, 260, 283, 294, 298, 306, 329, 331, 339, 340, 342-1, 347, 355, 358-1, 361, 399, 402, 422, 428-1, 431, 438, 439, 441, 454, 462, 463, 466, 473, 474, 482, 490, 493, 539, 551, 552, 555, 556, 735, 794, 851, 863, 906, 908, 918, 923, 930, 948, 953, 1026, 1031;

Оп. 5. Д.: 1, 2, 10, 13–21, 23–25, 44, 46, 49, 51, 55, 56, 69, 74, 79, 84, 85, 90, 92, 103, 104, 111, 115–117, 120–122, 127, 130, 132, 135, 138, 139, 141–143, 154, 155, 160, 162–164, 166, 167, 171–174, 176, 178–181, 187, 188, 191, 193–195, 198–202, 205, 207–209, 214, 216, 219–221, 223, 224, 226, 232, 236–239, 242, 244, 247-1, 248, 250–253, 255, 257–260, 266–269, 271, 272, 280, 282, 283, 285, 288, 289, 293, 297, 307–309, 311, 323, 330, 331, 337, 345, 351, 358-1, 358, 362, 364, 370, 381, 390, 408, 422, 447–450, 467, 468, 481, 485, 486-1, 498, 508, 522, 526, 539, 552, 558, 565, 566, 577, 578, 617, 653, 678, 833, 841, 860, 898, 918, 995, 1026, 1031, 1076, 1136, 1151, 1180.

Фонды музея Новосибирского государственного университета

МИНГУ. Основной Фонд. Стенгазеты «Щелчок», «Университетская жизнь».

Цифровой Фонд. киножурнал «Сибирь на Экране».

Сборники документов

1. Атомный проект СССР : Документы и материалы / под общ. ред. Л. Д. Рябева. Т. 2, кн. 1 : Атомная бомба, 1945-1954. – М. : Наука : Физматлит, 2000. – 635 с.

2. Высшее образование в СССР : Статистический сборник / – М. : Госстатиздат, 1961. – 255 с.

3. Документы по истории Академии Наук СССР: 1926-1934 гг. / сост. О. В. Иодко. – Л. : Наука, 1988. – 289 с. [Электронный ресурс] URL: <https://arran.ru/bookreader/publication.php?guid=89F736EA-46FE-B2B7-61EA-1EE416AA14E5&ida=1&kod=9#page/236/mode/1up> (дата обращения: 07.04.2023).

4. Карлов Н. В. Шершавым языком приказа. Физтех. Архивные документы 1938-1952 / Н. В. Карлов. – Препринт. – М. : Изд-во ЦГО МФТИ, 2006. – 136 с.

5. Сибирское отделение Российской академии наук: создание (1957 – 1961 годы) : сборник документов / сост. Е. Г. Водичев, И. С. Кузнецов, Л. И. Пыстина. – Новосибирск : Нонпарель, 2007. – 374 с.

6. Собрание узаконений и распоряжений Правительства за 1917 – 1918 гг. / Управление делами Совнаркома СССР. – М. : Издательство Управление делами СовНаркКома СССР, 1942. – С. 1000.

Справочные издания

7. Иркутский государственный университет, 1918-1998, ректоры, деканы, профессора / В. Т. Агалаков [и др.]. – Иркутск : Изд-во Иркутского ун-та, 1998. – 200 с.

8. Новосибирский государственный университет, Механико-математический факультет / сост. Н. Н. Аблажей [и др.]. – Новосибирск : НГУ, 2019. – 593 с.

9. Новосибирский национальный исследовательский государственный университет. Гуманитарный факультет. Профессора. Доктора наук – выпускники факультета. Персональный состав (1962-2012) / сост. Н. Н. Аблажей, С. А. Красильников, С. Н. Ушакова. – Новосибирск : НГУ, 2012. – 348 с.

10. Новосибирский национальный исследовательский государственный университет. Физический факультет. Профессора. Персональный состав, 1961-2014 гг. / сост. Н. Н. Аблажей, С. А. Красильников, С. Н. Ушакова. – Новосибирск : НГУ, 2014. – 539 с.

11. Новосибирский национальный исследовательский государственный университет. Экономический факультет. Профессора. Персональный состав, 1967-2017 гг. / сост. Н. Н. Аблажей, С. А. Красильников, С. Н. Ушакова. – Новосибирск : НГУ, 2017. – 215 с.

12. Новосибирский национальный исследовательский государственный университет. Геолого-геофизический факультет. Профессора. Персональный состав, 1962-2022 гг. / сост. Н. Н. Аблажей, А. М. Аблажей, С. А. Красильников. – Новосибирск: НГУ, 2022. – 250 с.

13. Профессора Томского университета: биографический словарь / сост. С. Ф. Фоминых [и др.]. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 1996. [Электронный ресурс] URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000013870> (дата обращения: 07.04.2023).

Мемуарная литература

14. Век Лаврентьева / сост. Н. А. Притвиц, В. Д. Ермиков, З. М. Ибрагимова. – Новосибирск: СО РАН, филиал «Гео», 2000. – 347 с.

15. Главный геолог: О жизни и деятельности сов. геолога-нефтяника акад. А. А. Трофимука / сост. В. С. Вышемирский [и др.] – Новосибирск: Изд-во СО РАН: Фил. "Гео", 2002. – 330 с.

16. ГУМФАКиЯ 60-70-х годов XX века: воспоминания наших учителей и выпускников // сост. С. А. Красильников, И. С. Кузнецов, Г. Г. Пиков. – Новосибирск : Манускрипт, 2022. – 427 с.

17. Дмитрий Константинович Беляев: книга воспоминаний / отв. ред. В. К. Шумный [и др.]. – Новосибирск : Изд-во СО РАН. Фил. Гео, 2002. – 282 с.

18. Дубинин Н. П. Вечное движение / Н. П. Дубинин. – М. : Политиздат, 1973. – 389 с.

19. Из российской глубинки – в науку. Научная династия Келлей-Добрецовых / ред. Н. А. Притвиц. – Новосибирск : СО РАН, 2009. – 242 с.

20. Карлов Н. В. О тех, «которых ожидает отечество от недр своих» / Н. В. Карлов // Я – ФИЗТЕХ. Книга очерков. – М. : ЦентрКом, 1996. – С. 98-149.

21. Качан М. С. Мой Академгородок, 1968. [Электронный ресурс] URL: <https://proza.ru/2017/01/24/556> (дата обращения: 07.04.2023).
 22. Качан М. С. Первые шаги, 1960. [Электронный ресурс] URL: <https://proza.ru/2017/01/24/556> (дата обращения: 07.04.2023).
 23. Кочина П. Я. Воспоминания / П. Я. Кочина. – М. : Наука, 1974. – 163 с.
 24. Лаврентьев М. А. ... Прирастать будет Сибирью / М. А. Лаврентьев. 2-е изд. – Новосибирск : Зап. – Сиб. кн. изд-во, 1982. – 175 с.
 25. Лисс Л. Ф. Мои университеты / Л. Ф. Лисс. – Новосибирск: Параллель, 2013. – 439 с.
 26. Лисс Л. Ф. Было это так (К 50-летию юбилею НГУ) / Л. Ф. Лисс // Вестник Новосибирского государственного университета. – 2009. – Т. 8. – № 1. – С. 227.
 27. Наука. Академгородок. Университет: воспоминания. Очерки. Интервью. Вып. 1. – Новосибирск : НГУ, 1999. – 479 с.
 28. НГУ: вчера, сегодня, завтра. Воспоминания, очерки, интервью. 1959-2009 гг. – Новосибирск : НГУ, 2009. – 286 с.
 29. О времени и о себе. ФФ НГУ 1963-1968 гг. – Новосибирск : РИЦ НГУ, 2013. – 750 с.
 30. ФМШ – СУНЦ НГУ. 50 лет: пять шагов в будущее / сост. Е. Н. Брыкова [и др.]. – Новосибирск : НГУ, 2013. – 239 с.
- Периодические и кинохроникальные издания*
31. Вестник АН СССР. – М., 1957, 1963
 32. Вестник высшей школы. – М., 1961.
 33. Вечерний Новосибирск. – Новосибирск, 1960.
 34. За науку в Сибири. – Новосибирск, 1961-1968.
 35. Литературная газета. – Новосибирск, 1962 г.
 36. Правда. – М., 1957.
 37. Сибирь на Экране. Киножурнал. – Новосибирск, 1959-1968.

38. Советская Сибирь. – Новосибирск, 1957, 1959, 1972 г.

39. Университетская жизнь. НГУ. – Новосибирск, 1984.

Исследовательская литература

40. Аблажей Н. Н. Университет и Академия наук: pas de deux в ритмах эпохи / Н. Н. Аблажей, Е. Г. Водичев, С. А. Красильников // Социология науки и технологий. – 2021. – Т. 12, № 1. – С. 113-135.

41. Артемов В. А. Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / В. А. Артемов, О. Э. Бессонова, Т. Ю. Богомолов [и др.]. – Новосибирск : Наука, 1999. – 735 с.

42. Артемов Е. Т. Атомный проект в координатах сталинской экономики / Е. Т. Артемов. – М. : РОССПЭН, 2017. – 341 с.

43. Артемов Е. Т. Научно-техническая политика в советской модели позднеиндустриальной модернизации / Е. Т. Артемов. – М. : РОССПЭН, 2006. – 256 с.

44. Артемов Е. Т. Укрощение урана: Страницы истории Урал. электрохим. комбината / Е. Т. Артемов, А. Э. Бедель. – Новоуральск : СВ-96, 1999. – 351 с.

45. Байбаков С. А. История образования СССР: итоги и перспективы изучения / С. А. Байбаков. – М. : Изд-во "Диалог-МГУ", 1997. – 428 с.

46. Баландин С. Н. Новосибирск: история градостроительства 1945-1985 гг. / С. Н. Баландин. – Новосибирск : Кн. изд-во, 1986. – 155 с.

47. Боголюбов Н. Н. Илья Несторович Векуа (к семидесятилетию со дня рождения) / Н. Н. Боголюбов, М. А. Лаврентьев, А. В. Бицадзе // Комплексный анализ и его приложения. Сб. статей. Посвящается академику Илье Несторовичу Векуа к его семидесятилетию. – Тбилиси : Мецниереба, 1987. – 62 с.

48. Борзенков А. Г. Бардовский фестиваль 1968 г. в Новосибирском Академгородке через призму документов / А. Г. Борзенков // Вестник

Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2003. – Т. 2, № 2. – С. 152-165.

49. Борзенков А. Г. Молодёжь и политика: возможности и пределы студенческой самодеятельности на востоке России, 1961–1991 гг. : в 2 ч. / А. Г. Борзенков. – Новосибирск : НГУ, 2003. – Ч. 1. – 241 с. ; Ч. 2. – 245 с.

50. Борзенков А. Г. Переселение гумфака: Красноярская альтернатива / А. Г. Борзенков // Логос. – 1997. – № 1. – С. 26-30.

51. Борзенков А. Г. Роль комсомольских организаций в возрождении и развитии маевочного движения в СССР (вторая половина 60-х – 80-е гг.) / А. Г. Борзенков // Идеологическая, массово-политическая работа партийных организаций Сибири 60–80-х годов. – Новосибирск : НГУ, 1989. – С. 43-70.

52. Борзенков А. Г. Руку, товарищ! / А. Г. Борзенков, Л. Г. Каурдаков. – Новосибирск : Кн. изд-во, 1987. – 278 с.

53. Будрейко Е. Н. Подготовка специалистов для атомной промышленности в Московском химико-технологическом институте им. Д. И. Менделеева (1950-е - начало 1960-х гг.) / Е. Н. Будрейко // Социология науки и технологий. – 2017. – Т. 8. – № 2. – С. 42-60.

54. Бутягин А. С. Университетское образование в СССР / А. С. Бутягин, Ю. А. Салтанов. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1957. – 296 с.

55. Вернадский В. И. О задачах и организации прикладной и научной работы Академии наук СССР / В. И. Вернадский. – Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1928. – 43 с.

56. Визгин В. П. «Мирный атом» во время «холодной» войны / В. П. Визгин // Вихревая динамика развития науки и техники. Россия / СССР. Первая половина XX в. : в 3 т. – М. : ИИЕТ РАН, 2018. – Т. 2 : Экстремальный режим развития науки и техники. – С. 396-424.

57. Визгин В. П. Уроки истории советского атомного проекта / В. П. Визгин // Управление наукой: теория и практика. – 2019. – Т. 1, № 2. – С. 145-163.

58. Водичев Е. Г. Высшая школа в условиях системных трансформаций: сравнительно-исторический аспект / Е. Г. Водичев, Л. Ф. Лисс, Ю. И. Узбекова. – Новосибирск : Гео, 2013. – 392 с.

59. Водичев Е. Г. Всегда Ли "понедельник начинается в субботу", или мифы и реалии сибирской "новой Атлантиды". Статья первая: мифы / Е. Г. Водичев // Идеи и идеалы. – 2018. – Т. 1. – № 1(35). – С. 9-26.

60. Водичев Е. Г. Всегда ли "понедельник начинается в субботу", или мифы и реалии сибирской "новой Атлантиды". Статья 2. реалии / Е. Г. Водичев // Идеи и идеалы. – 2018. – Т. 1. – № 2(36). – С. 28-50.

61. Водичев Е. Г. Высшая школа в условиях системных трансформаций переходных эпох. Статья 1: Европейские модели / Е. Г. Водичев, Л. Ф. Лисс, Ю. И. Узбекова // Вестник государственного университета. Серия: История, филология. – 2012. – Т. 11, № 1. – С. 96-110.

62. Водичев Е. Г. Высшая школа в условиях системных трансформаций переходных эпох. Статья 2: Российская и американская модели / Е. Г. Водичев, Л. Ф. Лисс, Ю. И. Узбекова // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2012. – Т. 11, № 8. – С. 129-145.

63. Водичев Е. Г. На периферии науки: вузы на востоке СССР в период «позднего сталинизма» / Е. Г. Водичев // Исторический курьер. – 2020. – № 1 (9). – С. 92-104.

64. Водичев Е. Г. Наука на востоке СССР в условиях индустриализационной парадигмы / Е. Г. Водичев. – Новосибирск : Гео : ИНГГ СО РАН, 2012. – 346 с.

65. Водичев Е. Г. Путь на Восток: формирование и развитие научного потенциала Сибири, середина 50-х–60-е гг. / Е. Г. Водичев. – Новосибирск : Экор, 1993 (1994). – 202 с.

66. Водичев Е. Г. Развитие академической науки в Сибири: историографический очерк / Е. Г. Водичев, Ю. И. Узбекова // Советская

региональная культурная политика: проблемы изучения : Сборник научных трудов. – Новосибирск : Сова, 2004. – С. 117-169.

67. Водичев Е. Г. Социальные настроения ученых новосибирского Академгородка в 1960-е годы (история "Письма 46-ти") / Е. Г. Водичев, Н. А. Куперштох // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2002. – Т. 1. – № 3. – С. 80-84.

68. Водичев Е. Г. Формирование этоса научного сообщества и его эволюция в 1960-е гг. (на примере Новосибирского научного центра) / Е. Г. Водичев, Н. А. Куперштох // Духовная культура народов Сибири: традиции и новации : сб. науч. тр. – Новосибирск : ИИ СО РАН, 2001. – С. 85-124.

69. Выборнова В. А. Советско-американский математический симпозиум 1963 года в Новосибирском государственном университете как научно-образовательное событие / В. А. Выборнова // Всеобщая история. – 2019. – № 4. – С. 23-30.

70. Высшая школа как фактор изменения социальной структуры развитого социалистического общества / отв. ред.: М. Н. Руткевич, Ф. Р. Филиппов. – М. : Наука, 1978. – 272 с.

71. Горобец Б. С. МИХМ в Атомном проекте СССР / Б. С. Горобец. – М. : Изд-во МГУИЭ, 2009. – 350 с.

72. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии : [пер. с франц.] / Э. Дюркгейм. – М. : Наука, 1991. – 572 с.

73. Жежко-Браун И. В. Мы учились думать: О студенческом движении НГУ 1960-х. Часть 2 / И. В. Жежко-Браун // Культура и искусство. – 2017. – № 9. – С. 14-36.

74. Жежко-Браун И. В. НГУ: студенческое движение 1960-х / И. В. Жежко-Браун // Современная американская революция: Социальные технологии и динамика / И. В. Жежко-Браун. – М. : Новый хронограф, 2018. – С. 247-310.

75. Жежко-Браун И. В. НГУ: студенческое движение 1960-х. Статья первая / И. В. Жежко-Браун // Идеи и идеалы. – 2016. – Т. 1, № 3 (29). – С. 136-156.
76. Зиновьев С. И. Высшие учебные заведения СССР: Университеты, экономические и юридические вузы / С. И. Зиновьев, Б. М. Ременников.– М. : Высш. шк., 1962. – 320 с.
77. Зыкин В. А. Развитие университетского образования в Сибири и на Дальнем Востоке (1966-1975 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / В. А. Зыкин. – М., 1992. – 22 с.
78. Йоффе А. Ф. К десятилетию факультета / А. Ф. Йоффе // Физика и производство. – 1930. – № 3. – С. 51.
79. Казарин В. Н. Образование, наука и интеллигенция в Восточной Сибири: (вторая половина 40-х – середина 60-х гг. XX в.) / В. Н. Казарин. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1998. – 292 с.
80. Казарин В. Н. Юридическое образование в Восточной Сибири (1918-1991 гг.) / В. Н. Казарин, Ю. П. Лякутина. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2012. – 483 с.
81. Карлов Н. В. К истории элитного инженерного образования / Н. В. Карлов, Н. Н. Кудрявцев // Вестник Российской академии наук. – 2000. – Т. 70, № 7. – С. 579-588.
82. Карлов Н. В. Книга о Московском Физтехе / Н. В. Карлов. – Москва : Физматлит, 2008. – 600 с.
83. Качан М.С. Дело Мешалкина [Электронный ресурс] URL: <https://proza.ru/2017/02/14/614> (дата обращения: 07.04.2023).
84. Кольцов И. А. Роль вузовской науки в развитии научно-технического потенциала Российской Федерации во второй половине 1950-х – начале 1970-х гг. : На материалах высшей школы Ленинграда : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / И. А. Кольцов. – СПб., 1998. – 46 с.
85. Корнилов Л. Л. Развитие сети вузов Западной Сибири в послевоенные годы (1945–1958 гг.) / Л. Л. Корнилов // Вопросы истории и методологии науки :

сб. науч. тр. / Омский ин-т инженеров ж.-д. транспорта. – Омск : Изд-во ОмИИТ, 1971. – С. 65-119.

86. Крайнева И. А. Научное наследие советских ученых в электронных архивах СО РАН: Мастер. Проповедник. Лидер / И. А. Крайнева. – Новосибирск : Изд-во Ин-та систем информатики им. А. П. Ершова СО РАН, 2018. – 385 с.

87. Крайнева И. А. Основные подходы к изучению научного наследия выдающихся ученых Новосибирского научного центра / И. А. Крайнева, Н. А. Куперштох // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. – 2019. – Т. 3. – № 1. – С. 7-13.

88. Кугель С. А. Молодые инженеры: социологические проблемы инженерной деятельности / С. А. Кугель, О. М. Никандров. – М. : Мысль, 1971. – 206 с.

89. Кугель С. А. Профессиональная мобильность в науке / С. А. Кугель. – М. : Мысль, 1983. – 256 с.

90. Кузнецов И. С. Академгородок в 1968 году: "дело 46-ти" в зеркале документов / И. С. Кузнецов // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2007. – Т. 6, № 1. – С. 233-238.

91. Кузнецов И. С. Испытание на прочность : [Очерки] / И. С. Кузнецов. – Казань : Татар. кн. изд-во, 1986. – 163 с.

92. Кузнецов И. С. М. А. Лаврентьев и реформирование Академии наук / И. С. Кузнецов // ЭКО. – 2014. – № 9 (483). – С. 153-168.

93. Кузнецов И. С. Новосибирский научный центр: хроника становления : учебное пособие к спецкурсу / И. С. Кузнецов. – Новосибирск : НГУ, 2007. – 262 с.

94. Кузнецов И. С. Современная историография Новосибирского Академгородка / И. С. Кузнецов // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2014. – Т. 13, № 1. – С. 130-140.

95. Кузнецов И. С. Становление историографии Новосибирского Академгородка в контексте мобилизационной и инновационной моделей /

И. С. Кузнецов // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2013. – Т. 12. – № 8. – С. 12-22.

96. Кузнецов И. С. У истоков Академгородка: строительство Города науки в Сибири (1957–1964) / И. С. Кузнецов. – Новосибирск : НГУ, 2007. – 167 с.

97. Куперштох Н. А. Институт экспериментальной биологии и медицины СО АН СССР: страницы истории / Н. А. Куперштох // Философия науки. – 1997. – № 1(3). – С. 9.

98. Куперштох Н. А. Кадры академической науки Сибири (середина 1950–х – 1960-е гг.) / Н. А. Куперштох. – Новосибирск : СО РАН, 1999. – 151 с.

99. Куперштох Н. А. Очерки о лидерах академической науки Сибири / Н. А. Куперштох. – Новосибирск : «Гео», 2011. – 155 с.

100. Куперштох Н. А. Академик Владимир Степанович Соболев и его деятельность по изучению природных ресурсов Сибири / Н. А. Куперштох // Иркутский историко-экономический ежегодник. – Иркутск: Байкальский государственный университет, 2018. – С. 519-528

101. Куперштох Н. А. Академик Г. К. Боресков: катализ как судьба / Н. А. Куперштох // Управление наукой: теория и практика. – 2021. – Т. 3. – № 4. – С. 254-276.

102. Куперштох Н. А. Академик Е. И. Шемякин – организатор исследований в области горного дела в 1960-1980-е гг. / Н. А. Куперштох // Азиатская Россия: проблемы социально-экономического, демографического и культурного развития (XVII-XXI вв.): Материалы международной научной конференции, Новосибирск, 28–29 ноября 2016 г. – Новосибирск: Издательство Параллель, 2017. – С. 321-327.

103. Куперштох Н. А. Академик И. Н. Векуа – первый ректор Новосибирского государственного университета / Н. А. Куперштох // История науки и техники. – 2008. – № 10. – С. 2-9.

104. Куперштох Н. А. Академик С. А. Христианович - организатор института теоретической и прикладной механики со АН СССР / Н. А. Куперштох

// Бусыгинские чтения : Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Казань, 11 декабря 2019 года. – Казань: Казанская государственная консерватория имени Н. Г. Жиганова, 2019. – С. 108-113.

105. Куперштох Н. А. Биография и научное наследие академика Самсона Семеновича Кутателадзе / Н. А. Куперштох // История науки и техники. – 2019. – № 11. – С. 48-56.

106. Куперштох Н. А. Его именем назван институт: о деятельности академика М. А. Лаврентьева по организации и развитию института гидродинамики / Н. А. Куперштох // История науки и техники. – 2019. – № 7. – С. 18-28.

107. Куперштох Н. А. Западно-Сибирский филиал Академии наук СССР: проекты и реалии первой половины XX в. / Н. А. Куперштох // Вестник Томского государственного университета. История. – 2014. – № 2 (28). – С. 32-40.

108. Куперштох Н. А. Институт цитологии и генетики Сибирского отделения РАН / Н. А. Куперштох // Вестник Российской академии наук. – 2009. – Т. 79, № 6. – С. 546-555.

109. Куперштох Н. А. История геологических исследований Сибири через призму биографий научных лидеров - А. А. Трофимука и В. С. Соболева / Н. А. Куперштох // История науки и техники. – 2021. – № 7. – С. 16-23

110. Куперштох Н. А. История Новосибирского Академгородка через призму биографий ученых – основателей институтов и научных направлений / Н. А. Куперштох, И. А. Крайнева // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2019 : сб. ст. / ред. кол.: А. В. Шалак, В. М. Левченко, Г. А. Цыкунов, Д. Я. Майдачевский. – Иркутск : Изд-во Байкальского гос. ун-та, 2019. – С. 292-299.

111. Куперштох Н. А. Их именами названы институты Новосибирского научного центра / Н. А. Куперштох, И. А. Крайнева. – Новосибирск: Федеральное государственное бюджетное учреждение «Сибирское отделение Российской академии наук», 2022. – 320 с.

112. Куперштох Н. А. Научное наследие основателей химических институтов Новосибирска / Н. А. Куперштох // Исторический курьер. – 2021. – № 2 (16). – С. 48-67.

113. Куперштох Н. А. Научно-образовательный потенциал Сибири в годы Великой Отечественной войны / Н. А. Куперштох // Философия науки. – 2012. – № 1 (52). – С. 129-142.

114. Куперштох Н. А. Сибирский период биографии физика-теоретика Ю. Б. Румера / Н. А. Куперштох, И. А. Крайнева // Енисейская Сибирь в истории России (к 400-летию г. Енисейска) : Материалы Сибирского исторического форума, Красноярск, 23-25 октября 2019 года. – Красноярск: ООО "Лаборатория развития", 2019. – С. 205-209.

115. Куперштох Н. А. Становление и развитие исторических исследований в Сибири: К 40-летию основания Института истории, филологии и философии СО АН СССР / Н. А. Куперштох // Гуманитарные науки в Сибири. – 2006. – № 2. – С. 55-59.

116. Лахман И. Леонид Витальевич Канторович: От вундеркинда до Лауреата Нобелевской премии / И. Лахман. – [Электронный ресурс] URL: http://www.russianscientist.org/files/archive/History/2015_LAKHMAN-31.pdf (дата обращения: 17.12.2022).

117. Мгалоблишвили Л. И. Штрихи к портрету академика И. Н. Векуа (1907-1977) / Л. И. Мгалоблишвили // Науковедение. – 2002. – № 1. – С.151-164.

118. Межуев Б. В. Перестройка-2. Опыт повторения / Б. В. Межуев. – М. : Весь мир, 2014. – 202 с.

119. Муренко Д. И. Мировоззренческие поиски реформирования деятельности ВЛКСМ молодежью Новосибирского Академгородка в середине 1960-х гг. Д. И. Муренко // Вестник Томского государственного университета. История. – 2021. – № 71. – С. 24-31.

120. Муренко Д. И. Особенности зарождения и развития Совета молодых учёных Новосибирского научного центра в 1960-х гг. наук / Д. И. Муренко // Интеллигенция и мир. 2020. № 2. С. 84-100.

121. Муренко Д. И. Социальная активность научной молодежи Новосибирского Академгородка в 1958-1970 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Д. И. Муренко. – Томск, 2022. – 26 с.

122. Муренко Д. И. социально-политический активизм студенческой молодежи новосибирского Академгородка во второй половине 1960-х годов / Д. И. Муренко // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: Сборник материалов Всероссийской молодежной научной школы-конференции с международным участием, Новосибирск, 19-21 сентября 2019 года. – Новосибирск, 2019. – С. 126-139.

123. Научно-техническая революция и развитие высшего образования / ред. кол.: Р. В. Хохлов (отв. ред.) [и др.]. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1974. – 363 с.

124. Научные кадры Сибирского отделения АН СССР: методы и результаты стат. исслед. / А. К. Романов, Л. А. Андросова, А. Ф. Фелингер. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1979. – 173 с.

125. Новосибирский государственный университет / Е. И. Биченков, А. Г. Гранберг, М. И. Рижский [и др.]; редколлегия: М. И. Каргаполов (ответственный редактор) [и др.]. – Новосибирск : НГУ, 1970. – 209 с.

126. Новосибирский государственный университет: создание, становление, развитие (1959–2019) / Авторы-составители Н. Н. Аблажей, Е. Г. Водичев, С. А. Красильников. – Новосибирск : ИПЦ НГУ, 2019. – 500 с.

127. Ойнус М. Э. Сравнительный метод в общественных науках : дис. ... канд. филос. наук / М. Э. Ойнус. – Л., 1984. – 209 с.

128. Парсонс Т. Система современных обществ / Т. Парсонс ; пер. с англ. Л. А. Седова и А. Д. Ковалева ; науч. ред. пер. М. С. Ковалева. – М. : Аспект Пресс, 1998. – 269 с.

129. Петрик В. В. Высшая школа Сибири в конце 50-х – начале 90-х годов XX века. / В. В. Петрик. – Томск : Томский гос. ун-т, 2006. – 646 с.

130. Петрик В. В. Высшая школа Сибири в конце 1950 - начале 1990 годов (историография проблемы) / В. В. Петрик // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2006. – № 1(52). – С. 81-86.

131. Петрик В. В. Развитие высшей школы Сибири в конце 1950-х – начале 1990-х годов : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / В. В. Петрик. – Кемерово, 2009. – 53 с.

132. Петрик В. В. Развитие основных направлений научных исследований в вузах Сибирского региона в конце 1950-х – начале 1990-х гг. / В. В. Петрик // Вестник Томского государственного университета. История. – 2008. – № 1 (2). – С. 49-71.

133. Петрик В. В. Становление и развитие главных организационных форм вузовской науки в конце 1950-х – начале 1990-х гг. (на примере высшей школы Сибири) / В. В. Петрик // Известия Томского политехнического университета. – 2006. – Т. 309, № 1. – С. 234-241.

134. Петров К. В. Профессорско-преподавательский состав Томского университета: 1945 – начало 80-х гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / К. В. Петров. – Томск, 2004. – 22 с.

135. Пискунов М. О. «Большая» история Академгородка: историографическое поле и перспективы культуральной истории советских городов науки / М. О. Пискунов // Вестник Томского государственного университета. – 2020. – № 459. – С. 140-147.

136. Российская академия наук. Сибирское отделение: Исторический очерк / отв. ред.: Н. Л. Добрецов, В. А. Ламин ; авт. кол.: Е. Г. Водичев, С. А. Красильников, В. А. Ламин [и др.]. – Новосибирск : Наука, 2007. – 510 с.

137. Российская академия наук. Сибирское отделение: Персональный состав / отв. ред. В. М. Фомин ; сост. Е. Г. Водичев, Г. М. Запорожченко, О. Н. Калинина [и др.]. – Новосибирск : Наука, 2007. – 603 с.

138. Российская академия наук. Сибирское отделение: Стратегия лидеров / отв. ред. В. И. Молодин ; сост. В. Д. Ермиков, Н. А. Притвиц, О. В. Подойницына. – Новосибирск : Наука, 2007. – 544 с.

139. Савельев А. Я. Проблемы высшего образования Российской Федерации / А. Я. Савельев. – М. : Изд-во МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2012. – 284 с.

140. Сапрыкин Д. Л. Инженерное образование в России: история, концепция, перспективы / Д. Л. Сапрыкин // Высшее образование в России. – 2012. – № 1. – С. 125-137.

141. Сибкадемстрой: дела и люди: Sibakademstroy – 60 / ред. кол. Д. Г. Лыков ; под ред.: Н. Поцелуенок, М. Л. Талалова. – Новосибирск : Приобские ведомости, 2008. – 543 с.

142. Сизов С. Г. Роль партийных органов Новосибирской области в создании Сибирского отделения АН СССР и деятельности научно-педагогической интеллигенции в конце 1950-х – начале 1960-х гг. / С. Г. Сизов // Вестник Томского государственного университета. История. – 2014. – № 2(28). – С. 54-63.

143. Соколов А. Ю. Эволюция правового регулирования института ученых званий в России / А. Ю. Соколов // Правовая политика и правовая жизнь. – 2021. – № 1. – С. 11-22.

144. Спенсер Г. Синтетическая философия Герберта Спенсера : в сокращенном изложении Говарда Коллинза / Г. Спенсер ; [пер. с англ. П. В. Мокиевского]. – Киев : Ника-центр : Вист-С, 1997. – 510 с.

145. Терскова А. А. Из истории становления Красноярского государственного университета / А. А. Терскова // Социально-экономический и гуманитарный журнал. – 2020. – № 1 (15). – С. 126-133.

146. Узбекова Ю. И. "Центр" и "периферия" в развитии академической науки в восточных регионах страны в XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Ю. И. Узбекова. – Томск, 2009. – 23 с.

147. Филлипс В. Восприятие советско-американских культурных обменов конца 1950-х гг. начала 1970-х гг. В Российском и Американском обществах / В.

Филлипс, О. Н. Науменко, Е. А. Науменко // Манускрипт, 2019. Т. 12. Вып. 7. – С. 58-61.

148. Филлипс В. Идеологические корни советско-американских культурных обменов 1960-1970-х гг. / В. Филлипс // Актуальные проблемы современного образования и науки: материалы Международной научно-практической конференции. – Заводоуковск : Тюменский издательский дом, 2014. – С. 3-4.

149. Ханин Г. И. Высшее образование и российское общество / Г. И. Ханин // ЭКО. – 2008. – № 8 (410). – С. 75-92.

150. Чуткерашвили Е. В. Кадры для науки. Специалисты высшей квалификации в СССР и в капиталистических странах / Е.В. Чуткерашвили. – М. : Высш. школа, 1968. – 360 с.

151. Чуткерашвили Е.В. Развитие высшего образования в СССР / Е.В. Чуткерашвили. – М. : Высш. школа, 1961. – 342 с.

152. Шалимов С. В. Развитие генетики в Новосибирском научном центре в 1957-1964 гг. (социально-исторический аспект) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / С. В. Шалимов. – Новосибирск, 2010. – 24 с.

153. Шиловский М. В. Изучение дореволюционной истории Сибири в Новосибирске в 1950-х - начале 1980-х годов / М. В. Шиловский // Исторический курьер. – 2019. – № 6(8). – С. 137-156.

154. Шиловский М. В. Они были первыми: формирование исторического сообщества в Новосибирске в 1960-1970-х гг / М. В. Шиловский // Вестник Томского государственного университета. История. – 2020. – № 63. – С. 192-200.

155. Шляпентох В. Э. Основные принципы построения стратифицированной выборки / В. Э. Шляпентох // Проблемы репрезентативности социологической информации: (Случайная и неслучайная выборки в социологии). – М. : Статистика, 1976. – С. 70-74.

156. Шнедельбах Г. Университет Гумбольдта // Логос: Журнал по философии и прагматике культуры. – 2002. – № 5-6 (35). – С. 65-78.

157. Шумный В. К. Генетика прирастает Сибирью: первые два десятилетия Института цитологии и генетики СО АН СССР – начало и становление / В. К. Шумный, И. К. Захаров, И. И. Кикнадзе [и др.] ; отв. ред. В. К. Шумный, Н. А. Колчанов, И. К. Захаров ; Ин-т цитологии и генетики Сибирского отд-ния Рос. акад. наук. – Новосибирск : ИЦИГ СО РАН, 2012. – 351 с.

158. Юмашева Ю. Ю. Историография просопографии / Ю. Ю. Юмашева // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2005. – № 39. – С. 95-127.

159. Яговкин В. П. Наука в Сибири: опыт и уроки партийного руководства (1965-1980) / В. П. Яговкин. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1991. – 189 с.

160. Ядов В. А. Социологическое исследование: методология, программа, методы / В. А. Ядов. – Самара : Изд-во Самар. ун-та, 1995. – 328 с.

161. Josephson P. R. New Atlantis revisited: Akademgorodok, the Siberian city of science / P. R. Josephson. – Princeton (N. J.) : Princeton univ. press, Cop., 1997. – 351 p.

162. Josephson P. R. The historial significance of Akademgorodok for basic science in the 21 century / P. R. Josephson // Гуманитарные науки в Сибири. – 2007. – № 2. – С. 3-7.

163. Shields B. Mathematics, peace, and the cold war: scientific diplomacy and Richard Courant's scientific identity / B. Shields // Historical studies in the natural sciences. – 2016. – Vol. 46, № 5. – P. 556-591.

164. Smythe D. C. A whiter shade of pale: issues and possibilities in prosopography / D. C. Smythe // In: Prosopography approaches and applications : A handbook / ed.: K. Keats-Rohan. – Oxford : Oxford University Press, 2007. – Vol. 13. – P. 127-137.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Перечень акторов формирования научно-образовательной структуры.

1. Аврорин В. А. организатор ГФ, каф. общего языкознания (1962 г.), декан ГФ (1962-1967 гг.).
2. Аганбегян А. Г. организатор каф. политической экономики (1962 г.), организатор ЭФ (1967 г.).
3. Акилов Г. П. профессор (1968 г.)
4. Александров А. Д. зав. каф. геометрии и топологии (1967-1980 гг.).
5. Алексеев В. В. зам. декана ГФ (1968-1971 гг.)
6. Аннин Б. Д. зам. декана ММФ (1966-1970 гг.).
7. Антонов Н. П. организатор каф. общественных наук (1962 г.).
8. Афанасьев Ю. А. организатор специальности «радиохимия», соорганизатор каф. неорганической химии (1962 г.)
9. Байер В. Н. декан ФФ (1965-1968 гг.).
10. Бацанов С. С. профессор (1965 г.)
11. Белинский П. П. первый декан ММФ (1961-1963 гг.).
12. Беляев Д. К. организатор каф. общей биологии (1960 г.), цитологии и генетики (1967 г.).
13. Беляев С. Т. ректор (1965-1978 гг.).
14. Берг Р. Л. профессор (1965 г.)
15. Бицадзе А. В. организатор каф. высшей математики (1959 г.), теории функций (1961 г.).
16. Бицадзе Н. А. организатор каф. иностранных языков (с 1959 г.).
17. Биченков Е. И. проректор по учебной работе (1967-1973 гг.).
18. Боголепов К. В. профессор (1967 г.)
19. Бокий Г. Б. организатор каф. кристаллохимии (1962 г.).
20. Бондарь В. Д. зам. декана ММФ (1964-1966 гг.).
21. Боресков Г. К. организатор каф. катализ и адсорбция (1964 г.).

22. Борисов Ю. Ф. зав. каф. геометрии и топологии (1963-1964 гг., 1980-1992 гг.)
23. Боровков А. А. организатор каф. теории вероятностей и математической статистики (1965 г.).
24. Брин И. Д. профессор (1966 г.)
25. Будкер А. М. (Г. И.) организатор каф. общей физики (1959 г.), каф. ядерной физики (1960 г.).
26. Бурштейн А. И. организатор специальности «молекулярная физика» (1963 г.).
27. Ванников Л. Л. профессор (1967 г.).
28. Васильев О. Ф. профессор (1962 г.).
29. Васильевский Р. С. профессор (1968 г.).
30. Векуа И. Н. ректор (1959-1964 гг.).
31. Вилков О. Н. составитель первых учебных планов и программ ГФ (1962 г.).
32. Воеводский В. В. организатор каф. физической химии (1961 г.), каф. молекулярной и биологической физики (1962 г.), декан ФЕН (1961-1967 гг.).
33. Войцеховский Б. В. организатор каф. быстропротекающих процессов (1962 г.), физической гидродинамики (1963 г.).
34. Волштейн Л. М. зав. каф. неорганической химии (1962-1970 гг.).
35. Ворожцов Н. Н. организатор каф. органической и аналитической химии (1960 г.).
36. Воронцов Н. Н. профессор (1968 г.).
37. Вышемирский В. С. профессор (1968 г.).
38. Галицкий В. М. профессор (1962 г.).
39. Гильдерман Ю. И. организатор специальности «математическая биология» (1966 г.), опубликован курс лекций для студентов НГУ: «Лекции по высшей математике для биологов» (1966 г.).
40. Гиндин Л. М. профессор (1967 г.).

- 41.Гладкий А. В. соорганизатор специальности «мат. лингвистика» (1963 г.).
- 42.Голенпольский Т. Г. соорганизатор специальности «математическая лингвистика» (1963 г.).
- 43.Гранберг А. Г. организатор каф. применения мат. методов в экономике (1965 г.).
- 44.Громыко М. М. профессор (1967 г.).
- 45.Грохольский А. Л. профессор (1965 г.).
- 46.Гурская Е. Х. зам. декана ФЕН (с 1968 г.).
- 47.Гутман Л. Н. профессор (1963 г.).
- 48.Гущин Н. Я. организатор каф. истории КПСС (1959 г.).
- 49.Данилюк И. И. профессор (1964 г.).
- 50.Добрецов Н. Л. опубликован курс лекций для студентов НГУ: «Применение вероятностно-статистических методов в геологии» (1967 г.).
- 51.Дымкин А. М. профессор (1965 г.).
- 52.Ершов А. П. профессор (1968 г.).
- 53.Ершов Ю. Л. профессор (1966 г.).
- 54.Желтухин Н. А. профессор (1967 г.).
- 55.Жуков М. Ф. зав. каф. газовой динамики (1965-1967 гг.).
- 56.Журавлев Ю. И. профессор (1966 г.).
- 57.Заславский Г. М. опубликованы два курса лекций для студентов НГУ: «Асимптотический метод изучения неравновесных систем»; «По применению метода ВКБ в физике» (1964 г., 1965 г.).
- 58.Зеленяк Т. И. зам. декана ММФ (с 1968 г.).
- 59.Зыков А. А. профессор (1964 г.).
- 60.Иванова Л. Н. зам. декана ФЕН (1963-1964 гг.).
- 61.Ильюченко Р. И. профессор (1965 г.).
- 62.Канторович Л. В. организатор каф. вычислительной математики (1961 г.).
- 63.Карандеев К. Б. зав. каф. автоматике и электрометрии (1963-1966 гг.).

64. Каргаполов М. И. декан ММФ (1963-1967 гг.), проректор по науч. Работе (1967-1969 гг.), зав. каф. алгебры и мат. логики (1967-1976 гг.).
65. Карлинер М. М. организатор каф. радиофизики (1967 г.).
66. Карпман В. И. профессор (1966 г.).
67. Кауфман А. А. профессор (1967 г.).
68. Керкис Ю. Я. Профессор (1964 г.).
69. Кефели А. С. профессор (1968 г.).
70. Кикнадзе Г. С. зам. декана ФЕН (1961-1962 гг.), соорганизатор каф. цитологии и генетики (1967 г.).
71. Кнорре Д. Г. декан ФЕН (с 1967-1984 гг.).
72. Козаченко Л. С. профессор (1961 г.).
73. Колаев В. А. профессор (1967 г.).
74. Колпаков М. Г. профессор (1964 г.).
75. Коптюг В. А. зав. каф. органической химии (1966-1993 гг.).
76. Копылов А. Н. составитель первых учебных планов и программ ГФ (1962 г.).
77. Косыгин Ю. А. организатор каф. общей геологии (1959 г.).
78. Котляревский И. Л. зам. декана ФЕН (1962-1964 гг.).
79. Кочина П. Я. организатор каф. теоретической механики (1959 г.).
80. Крафтмахер Я. А. профессор (1968 г.).
81. Кулаков Ю. И. опубликован курс лекций для студентов НГУ: «Тензорный анализ для физиков» (1966 г.).
82. Кутателадзе С. С. организатор каф. теплофизики (1962 г.).
83. Лаврентьев М. А. организатор каф. мат. анализа (1959 г.), каф. гидродинамики (1962 г.).
84. Лаврентьев М. М. зав. каф. высшей математики (1964-1973 гг.).
85. Леонтьев А. И. зав. каф. теплофизики (1966-1968 гг.).
86. Лисс Л. Ф. начальник учебной части (1961-1966 гг.)
87. Лучицкий И. В. профессор (1962 г.).

- 88.Ляпунов А. А. организатор каф. зав. каф. мат. анализа (1962 г.), каф. теоретической кибернетики (1966 г.).
- 89.Мальцев А. И. организатор каф. алгебры и мат. логики (1961 г.).
- 90.Мамаев В. П. организатор лаборатории органической химии (1961 г.).
- 91.Марченко А. С. зам. декана ММФ (1967-1973 гг.).
- 92.Марчук Г. И. организатор каф. численных методов динамической метеорологии (1963 г.).
- 93.Матвеенков И. И. профессор (1959 г.).
- 94.Меледин Г. В. опубликована вводная лекция: «О работе в измерительном практикуме» (1966 г.).
- 95.Монахов В. Н. зав. каф. теоретическая механика (1966-2006 гг.).
- 96.Нагаев С. В. профессор (1965 г.).
- 97.Нестерихин Ю. Е. зав. каф. общей физики (1968 г.).
- 98.Николаев А. В. организатор каф. аналитической химии (1960 г.), каф. радиохимии (1962 г.), специальности неорганической химии (1962 г.).
- 99.Новиков И. И. организатор каф. теплофизики (1962 г.).
- 100.Обут А. М. профессор (1961 г.).
- 101.Овсянников Л. В. декан ММФ (1967-1970 гг.)
- 102.Одинокое В. Г. соорганизатор филологического отделения ГФ (1962 г.).
- 103.Окладников А. П. организатор исторического отделения ГФ (1962 г.), каф. истории, специальность «археология» (1962 г.).
- 104.Олдак П. Г. профессор (1968 г.).
- 105.Орлов Б. П. первый декан ЭФ (1967-1971 гг.)
- 106.Патрушев В. Д. профессор (1968 г.).
- 107.Пашков П. О. профессор (1960 г.).
- 108.Покровский В. Л. профессор (1963 г.).
- 109.Птицын Б. В. организатор каф. неорганической химии (1959 г.), химического отделения ФЕН (1959 г.).
- 110.Пузырев Н. Н. профессор (1962 г.).

111. Пухначев В. В. опубликован курс лекций «Динамика вязкой несжимаемой жидкости» (1968 г.).
112. Работнов Ю. Н. организатор каф. упругости и пластичности (1960 г.).
113. Раутиан С. Г. организатор специальности «Оптика» (1965 г.).
114. Ревякина Н. В. соорганизатор ГФ (1962 г.).
115. Решетняк Ю. Г. зав. каф. мат. анализ (1966-2016 гг.).
116. Ржанов А. В. организатор каф. физики полупроводников (1963 г.).
117. Рижский М. И. организатор специальностей: «библейстика», «история мировых религий», соорганизатор ГФ (1962 г.).
118. Розенфельд Л. М. профессор (1966 г.)
119. Рубинштейн Г. Ш. профессор (1967 г.).
120. Рудаков Е. С. соорганизатор каф. физической химии (1961 г.).
121. Румер Ю. Б. организатор каф. радиофизики и электроники (1961 г.).
122. Рывкин М. С. зам. декана ФФ (с 1965 г.).
123. Сагдеев Р. З. декан ФФ (1962-1965 гг.).
124. Сакс В. Н. профессор (1962 г.).
125. Салганик Р. И. организатор специальности «биохимия» (1967 г.).
126. Сигорский В. П. организатор каф. автоматизации и электрометрии (1961 г.).
127. Синяков В. И. зам. декана ГГФ (1962-1966 гг.).
128. Скринский А. Н. профессор (1967 г.).
129. Слинько М. Г. профессор (1967 г.).
130. Слоним А. Д. зав. каф. физиологии (1965-1974 гг.).
131. Смирнов Д. М. профессор (1966 г.).
132. Соболев В. С. организатор каф. минералогии и петрографии (1960 г.), соорганизатор ГГФ (1962 г.).
133. Соболев С. Л. организатор каф. дифференциальных уравнений (1959 г.).
134. Соболевская К. А. профессор (1963 г.).
135. Соколов Б. С. организатор каф. палеонтологии и исторической геологии (1965 г.).

136. Солоноуц Б. О. декан ФЕН (1959-1961 гг.).
137. Солоухин Р. И. декан ФМФ (1961-1962 гг.), проректор по научной работе (1962-1967 гг.), и.о. ректора (1965 г.), зав. каф. общей физики (1966-1972 гг.).
138. Соскин В. Л. соорганизатор ГФ (1964 г.).
139. Стебаев И. В. зав. каф. общей биологии (с 1967 г.).
140. Струминский В. В. зав. каф. газовой динамики (1967-1970 гг.).
141. Тайманов А. Д. организатор каф. геометрии и топологии (1961 г.).
142. Терсенов С. А. профессор (1967 г.).
143. Тимофеев К. А. соорганизатор каф. общего языкознания (1962 г.).
144. Титлянова А. А. зам. декана ФЕН (1964-1970 гг.).
145. Титов В. М. декан ФФ (1968-1970 гг.).
146. Топоногов В. А. зам. декана ММФ (1965 г.).
147. Трахтенброт Б. А. профессор (1963 г.).
148. Тригубов А. В. зам. декана ГГФ (1966-1968 гг.).
149. Трофимук А. А. организатор каф. месторождений полезных ископаемых (1962 г.).
150. Убрятова Е. И. организатор специальности «тюркология» (1963 г.).
151. Фаге М. К. профессор (1962 г.).
152. Федоров А. И. опубликован курс лекций для студентов НГУ: «Русская фразеология» (1964 г.).
153. Филиппов Е. М. профессор (1967 г.).
154. Фолитарек С. С. профессор (1961 г.).
155. Фотиади Э. Э. организатор каф. геофизики (1961 г.).
156. Фукс Б. Б. организатор каф. физиологии (медицинской биологии) (1962 г.).
157. Харламов П. В. опубликован курс лекций для студентов НГУ: «Лекции по динамике твердого тела» (1965 г.).
158. Хвостова В. В. профессор (1968 г.).
159. Христианович С. А. организатор каф. газовой динамики (1959 г.).

- 160.Цапенко М. П. зав. каф. автоматизации (1966-1967 гг.).
- 161.Целлариус Ю. Г. соорганизатор биологического отделения ФЕН (1962 г.).
- 162.Чириков Б. В. соорганизатор ФФ (1962 г.).
- 163.Шабат А.Б. опубликован курс лекций для студентов НГУ: «Уравнения с частными производными» (1967 г.).
- 164.Шахов Ф. Н. профессор (1962 г.).
- 165.Шемякин Е. И. профессор (1966 г.).
- 166.Шерешевский Б. М. зав. каф. истории КПСС (1964-1974 гг.).
- 167.Ширков Д. В. организатор каф. теоретической физики (1959 г.), проректор (1961-1962 гг.).
- 168.Ширшов А. И. профессор (1961 г.).
- 169.Шляпентох В. Э. профессор (1967 г.).
- 170.Шмерлинг М. Д. зам. декана ФЕН (1962-1963 гг.), декан вечернего факультета (1964 г.).
- 171.Шубкин В. Н. профессор (1968 г.).
- 172.Шульман В. М. организатор каф. аналитической химии (1962 г.).
- 173.Эренбург Б. Г. зам. декана ФЕН (1964-1967 гг.).
- 174.Якобсон Г. Г. профессор (1967 г.).
- 175.Яковлев В. И. зам. декана ФФ (1967-1971 гг.).
- 176.Яненко Н. Н. организатор каф. вычислительных методов механики сплошных сред (1966 г.).

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Численность и специализация ППС НГУ.

Диаграмма 1.



Диаграмма 2.



Диаграмма 3.



Диаграмма 4.

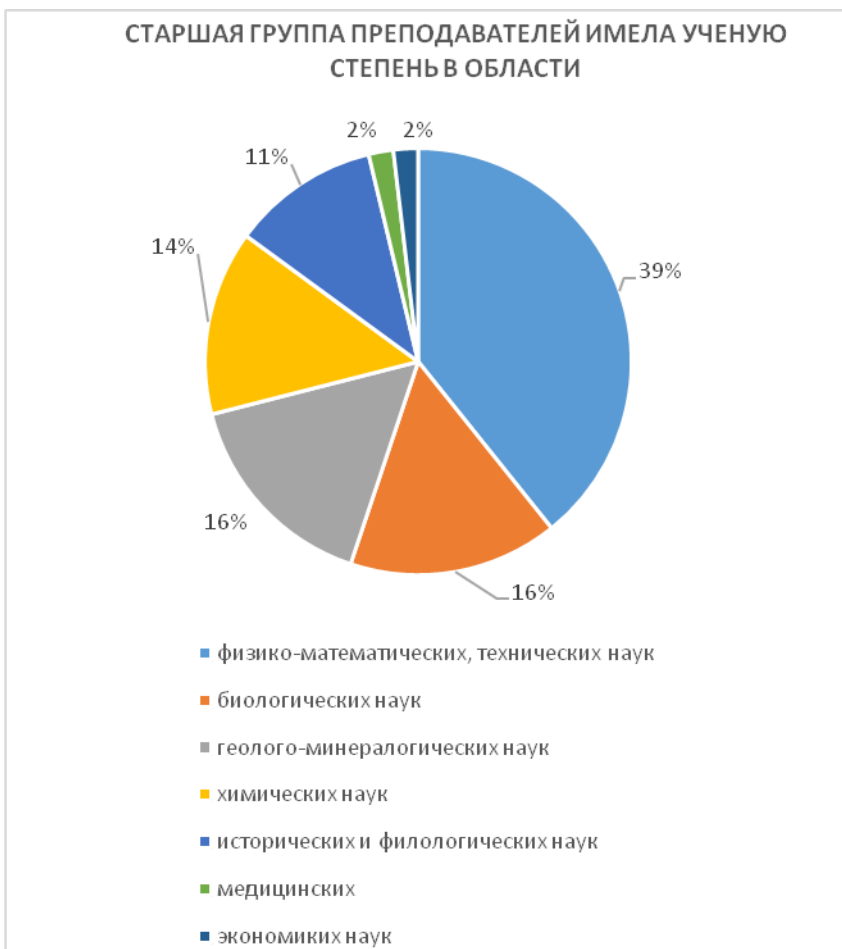


Диаграмма 5.



Диаграмма 6.



ПРИЛОЖЕНИЕ 3. Профессиональный путь молодых преподавателей в НГУ.

Диаграмма 1.

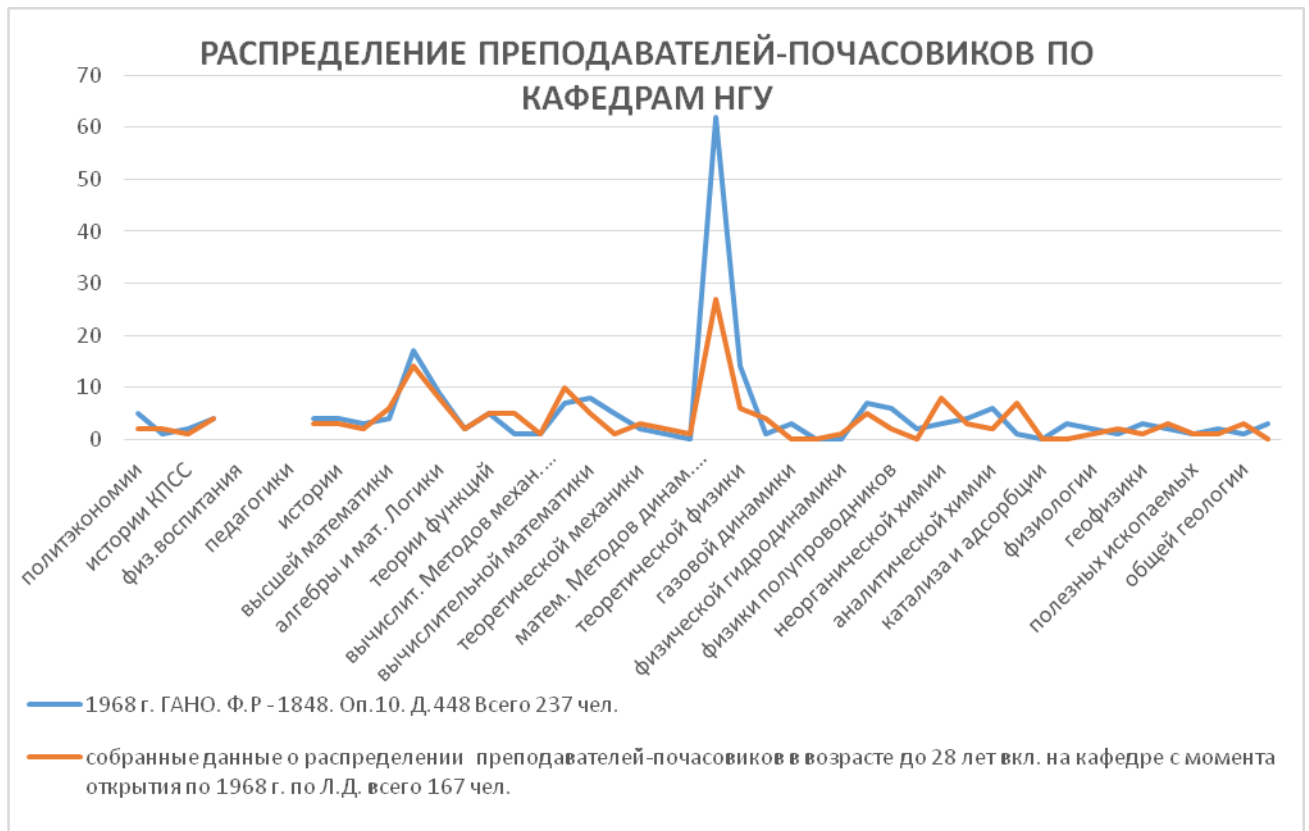
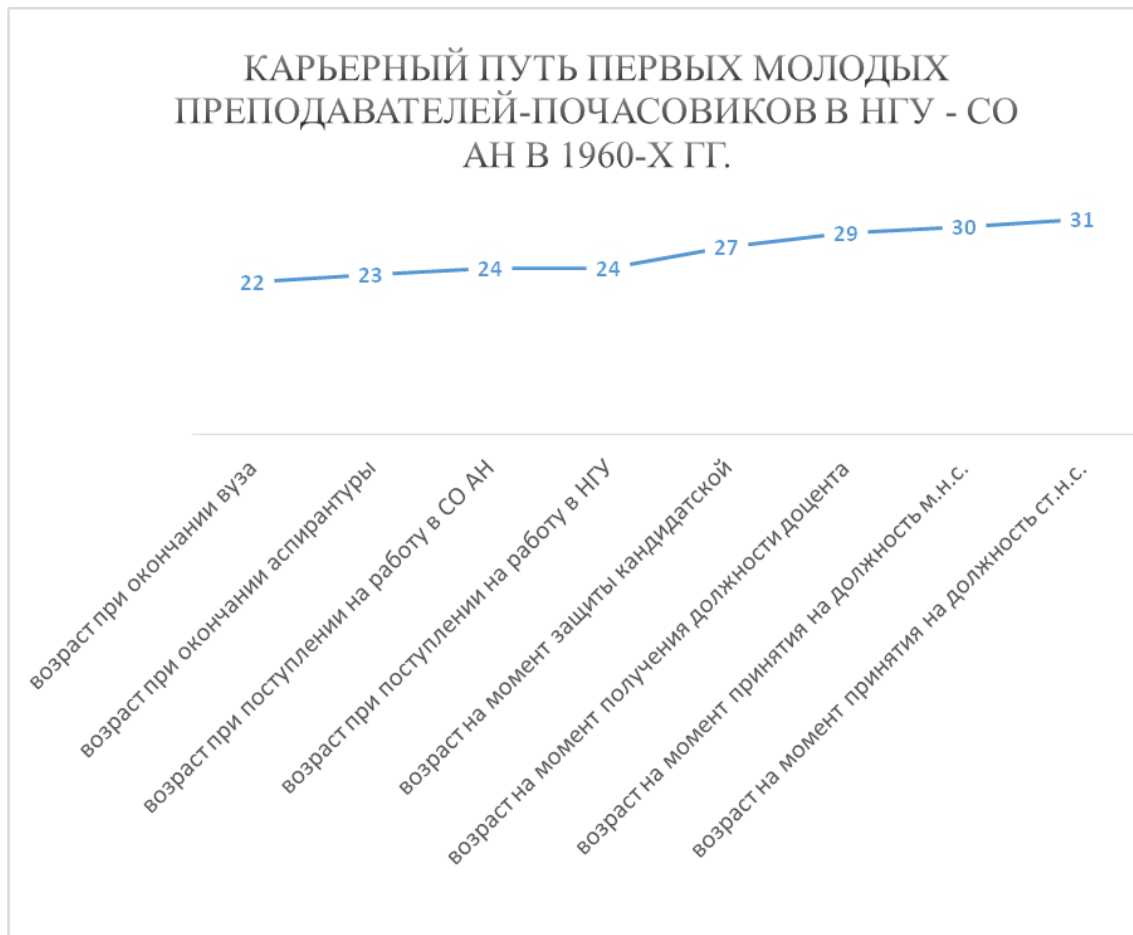


Диаграмма 2.



ПРИЛОЖЕНИЕ 4. Сведения о студенческом составе.
 Диаграмма 1.

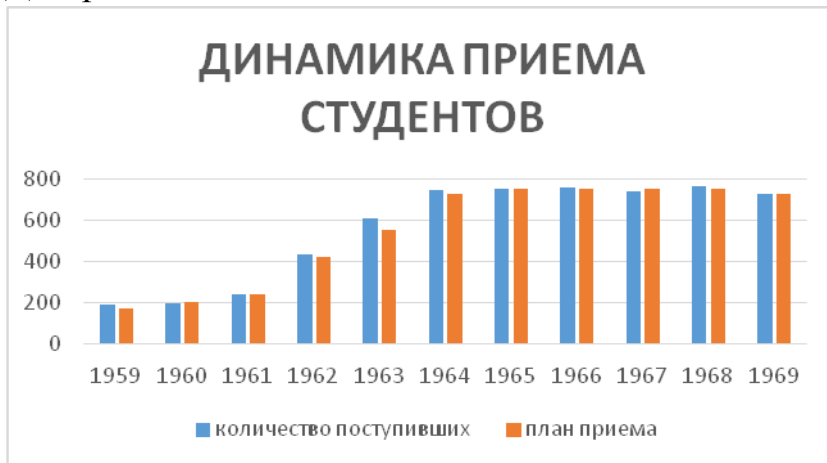


Диаграмма 2.

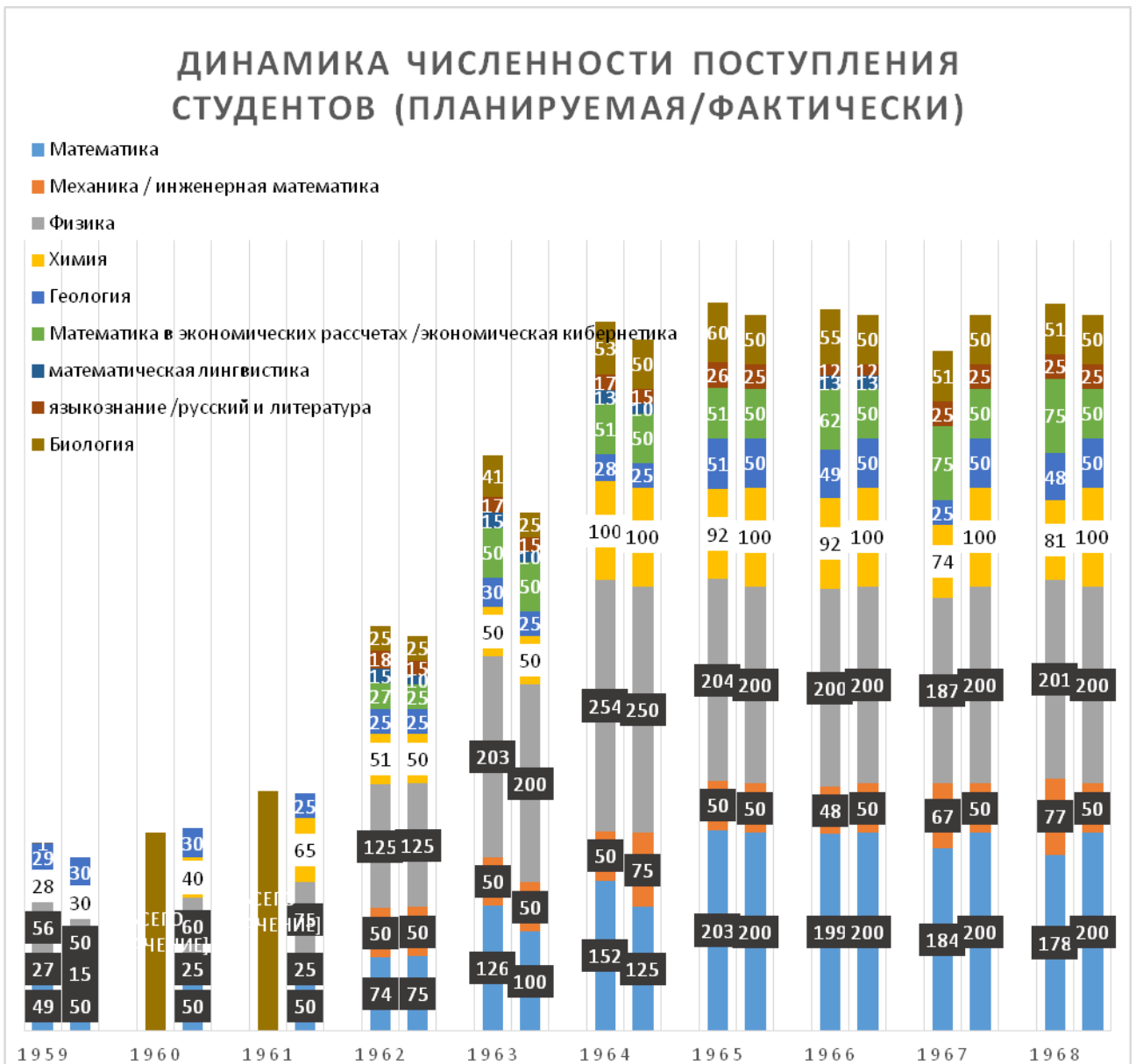


Диаграмма 3.

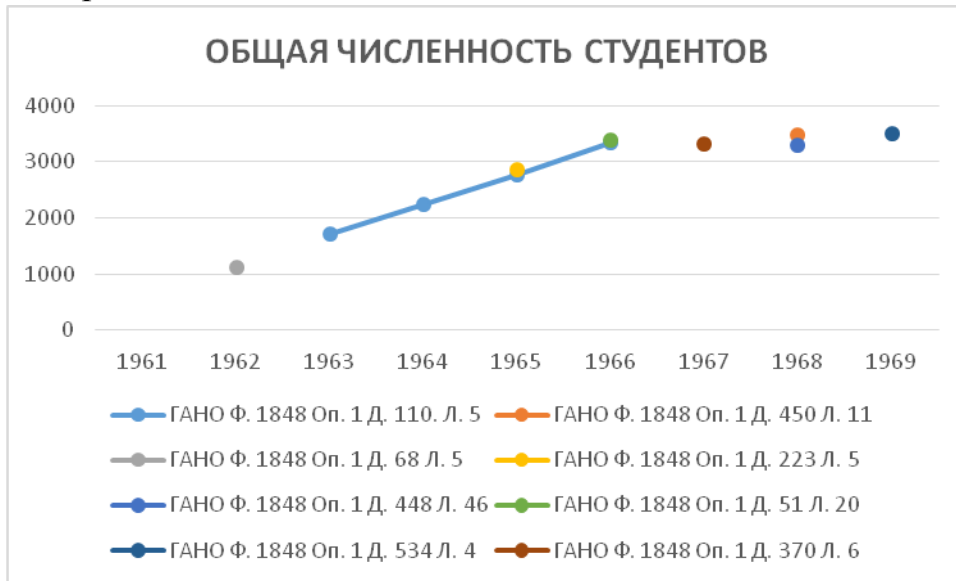


Диаграмма 4.

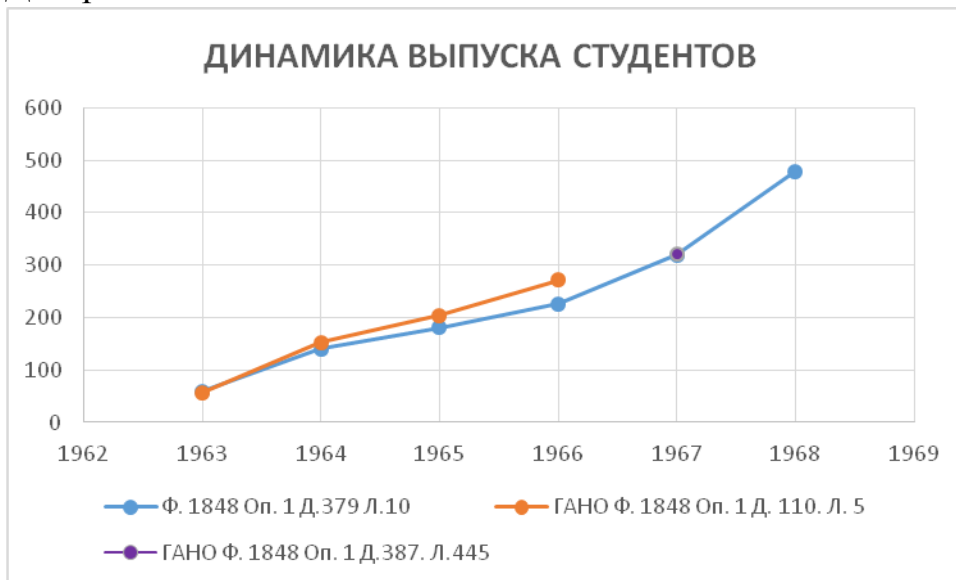


Диаграмма 5.

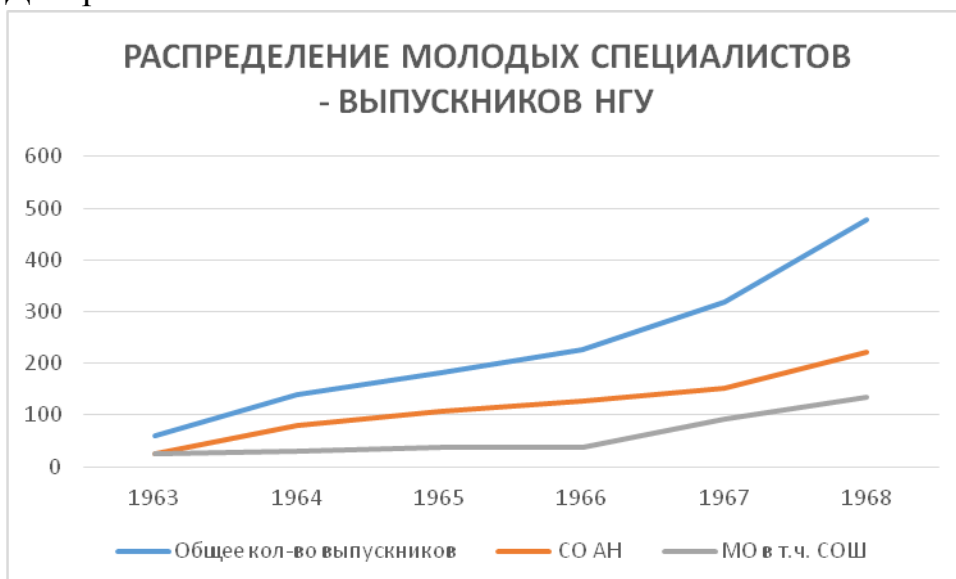


Диаграмма 6.

